

М.И. Могачев

СЕРИЙНЫЕ ИЗНАСИЛОВАНИЯ

Москва • «Логос» • 2003

УДК 340
ББК 56.14
М74

Могачев М.И.

М74 Серийные изнасилования. – М.: Логос, 2003. – 288 с.
ISBN 5-94010-192-5

Настоящая работа посвящена изучению одной из наиболее опасных категорий преступников – серийных насильников, совершающих сексуальные нападения на женщин независимо от их возраста. Представлены результаты криминологических и уголовно-правовых исследований серийных изнасилований, раскрываются отличительные особенности этих преступлений, анализируются побудительные мотивы и механизм поведения насильников и их жертв. Разработанные автором выводы и рекомендации, предлагаемые им профилактические мероприятия наглядно подтверждаются многочисленными примерами следственной и экспертной практики.

Для ученых и специалистов в области криминалистики, работников правоохранительных органов, студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов, судебных психиатров, психологов. Представляет интерес для работников пенитенциарной системы, исследователей преступности и девиантного поведения.

ББК 56.14

Научное издание

Могачев Михаил Иванович

СЕРИЙНЫЕ ИЗНАСИЛОВАНИЯ

Редактор *Т.М. Толмачева*. Оформление *Е. Молчанова, С. Носова*
Компьютерная верстка *М.М. Егоровой*. Корректор *О.Н. Картамышева*

Изд. лиц. ИД № 01670 от 24.04.2000
Подписано в печать 10.12.2002. Формат 84х108/32.
Бумага офсетная. Печ. л. 9,0. Тираж 3000 экз. Заказ № 2396.

Издательско-книготорговый дом «Логос»
105318, Москва, Измайловское ш., 4
Предприниматель Ю.В. Трофимов

Отпечатано в РГУП «Чебоксарская типография №1»
428019, Чебоксары, пр-т И. Яковлева, 15

ISBN 5-94010-192-5

ISBN 5-94010-192-5

© Могачев М.И., 2003
© «Логос», 2003

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вашему вниманию предлагается во многом уникальная работа. Ее достоинство состоит в том, что она создана не на основе литературных источников, т.е. не пересказывает и не переосмысливает уже известное, а базируется главным образом на эмпирическом материале, полученном лично автором в результате углубленного психологического и патопсихологического исследования конкретных людей и их преступного поведения. Такой научный опыт, если иметь в виду серийные изнасилования, насколько мне известно, в криминологии еще не был представлен.

Серийные изнасилования – достаточно редкий вид преступлений. Он обладает целым рядом неповторимых особенностей. Это же относится и к лицам, совершающим подобные преступления. С задачей их комплексного изучения автор успешно справился, предложив материалы, выводы и рекомендации, в равной мере интересные и для ученых, и для практиков. Главное, что удалось сделать М.И.Могачеву, – это создать теорию, иными словами, найти объяснение такому сложному виду поведения, как серийные изнасилования. Для этого ему пришлось подвергнуть личность насильника всестороннему криминологическому анализу, выявить как общие причины исследуемых преступлений, так и их специфические причины в психиатрическом и сексопатологическом аспектах.

Надо подчеркнуть, что среди преступников, совершающих серийные изнасилования, немало людей с ущербной психикой, в том числе невменяемых. Это весьма важное обстоятельство, существенно влияющее на характер сексуальной агрессии, ее мотивацию, наносимый ею ущерб. Я полагаю, что наличие расстройств в психике в значительной мере влияет на саму тяжесть насилия, причинение или не причинение смерти потерпевшим. Поэтому ни один исследователь не может игнорировать данный психиатрический фактор. Вполне оправданно, что автор книги уделил ему

много внимания и теперь мы можем со знанием дела судить о том, какими психическими патологиями страдают эти сексуальные преступники и как, под воздействием каких механизмов эти патологии повлекли за собой сексуальное насилие. Трудно переоценить значение представленной в книге информации для профилактической деятельности и особенно для работы по исправлению преступников, которые отбывают наказание за серийные изнасилования.

До 2001 г. изнасилования были единственным видом особо тяжких преступлений, число которых за последние 10 лет из года в год уменьшалось. Разумеется, так не могло продолжаться вечно, и в 2001 г. начался рост числа этих опасных преступлений. Как и в отношении многих других посягательств против личности, можно сказать, что действительный уровень изнасилований неизвестен. Следует полагать, что он намного выше официально зарегистрированного, что, как очевидно, можно с полным правом отнести и к серийным изнасилованиям.

Есть основания прогнозировать рост числа сексуальных преступлений, в том числе и изнасилований, в ближайшие годы. Данная книга предлагает меры борьбы с ними, при этом мы должны помнить, что наличие множества серийных видов преступлений (наемных убийств, террористических актов, краж, серийных сексуальных убийств и др.) несомненно свидетельствуют о слабости нашей правоохранительной системы. К сожалению, жизнь, здоровье и достоинство человека в нашей стране защищены еще плохо.

Юридическая наука, как и социальная практика, очень нуждается в криминологическо-сексологических исследованиях, способствующих обогащению не только криминологии и сексологии, но и арсенала правоохранительных средств.

Ю. М. Антонян
доктор юридических наук,
профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации

ВВЕДЕНИЕ

Насильственная преступность представляет собой одну из наиболее опасных форм антисоциального поведения, поэтому борьба с ней занимает традиционно центральное место в деятельности правоохранительных органов. В свою очередь, различного рода насильственные действия с целью утления своего сексуального влечения, оскорбляющие и унижающие достоинство женщины, направленные на причинение ущерба ее здоровью и жизни, преследуются как самые серьезные преступления.

Являясь одним из распространенных тяжких преступлений, изнасилования имеют криминологическую специфику даже в сравнении с иными насильственными преступлениями. Изучение умышленных убийств, нанесения вреда здоровью различной тяжести и других насильственных деяний, дополняя друг друга, могут помочь в исследовании других преступлений той же группы, что нельзя сказать о половых посягательствах, в том числе изнасилованиях, особенности которых требуют проведения самостоятельных криминологических исследований, опирающихся на науки, изучающие социологические, психологические, медицинские и иные аспекты половых отношений.

Среди девиантного поведения в половой сфере выделяются серийные сексуальные нападения, представляющие собой совершение неоднократных тяжких уголовно наказуемых деяний, которые нередко приводят к резкому общественному резонансу, вызывая у населения справедливую тревогу за свою безопасность и безопасность своих близких.

Из года в год почти с фатальной закономерностью международная криминальная статистика отмечает появление лиц, совершающих серийные сексуальные нападения, в странах независимо от их политической, экономической и

культурной ситуации, что не может не представлять научно-исследовательский интерес.

Подобные преступления регистрируются и в Российской Федерации, тем не менее необходимо признать, что в отечественной науке специальные работы, посвященные криминологическому исследованию данной проблемы, практически отсутствуют. До настоящего времени серийные изнасилования еще не были объектом комплексного научного изучения, хотя и представляют собой преступления с повышенной общественной опасностью, характеризуются высоким уровнем латентности, приводят к негативным физическим и психическим последствиям, среди которых в ряде случаев фиксируются смертельные исходы (убийства и суициды).

Общественная опасность подобных посягательств состоит и в том, что такие насильственные действия в меньшей степени зависят от упречного (виктимного) поведения потерпевших, которые в силу обстоятельств психологически слабо готовы к нападению, так как в подавляющем большинстве случаев застигаются врасплох.

Особенность серийных изнасилований связана прежде всего с их многоэпизодностью, т.е. со стремлением насильника совершать повторные, схожие по своим характеристикам преступления. Число жертв подобных нападений прямо зависит от профессиональной работы правоохранительных структур, их возможности и способности эффективно предотвращать, выявлять и пресекать серийные преступления.

Изучение проблем борьбы с преступными посягательствами в сфере сексуальных отношений всегда привлекало внимание ученых, специализирующихся не только в области права, но и в иных областях. В разное время им посвящали свои труды зарубежные исследователи – К. Имелинский, Ф. Каприо, Р. Крафт-Эбинг, З. Старович, З. Фрейд и др.

Не вызывает сомнения ценность научного вклада со стороны отечественных ученых Ю. Антоняна, С. Бородина, К. Горяинова, Г. Миньковского в области криминологии; В. Минской, В. Квашиса, Э. Побегайло, Д. Ривмана, Л. Франка – в виктимологии; А. Дьяченко, А. Игнатова, А. Пионтков-

ского, М. Шаргородского, Я. Яковлева – в уголовном праве; в судебной медицине и психиатрии – М. Авдеева, Б. Шостаковича и др.; в сексологии и сексопатологии – Г. Васильченко, А. Нохурова, А. Ткаченко; в психологии – В. Гульдана, И. Кудрявцева, Е. Самовичева и др.

В книге описываются не только сами серийные преступления, но приводятся данные на лиц, их совершивших, анализируется их поведение и поведение жертв нападений. Пристальный интерес ученых в последние годы был прикован к изучению серийных сексуальных убийств, причин их совершения, повышенное исследовательское внимание было уделено таким преступникам, как Чикатило, Оноприенко, Головкин и др., действовавшим с особой жестокостью и бесчеловечностью. Несомненно, актуальность этих работ была обусловлена в первую очередь многочисленными смертельными исходами, сложностью поиска и задержания этих монстров. В задачу нашего исследования, проводившегося на протяжении нескольких лет, входила попытка с максимальной возможностью разделить личности серийных убийц и серийных насильников, выявить отличительные особенности механизма формирования противоправного поведения последних. Целесообразность разработки данной темы обусловлена необходимостью акцентировать исследование именно на серийных насильниках как на преступниках, обладающих своими, характерными для них особенностями, выделяющими их в отдельную категорию.

На протяжении последних лет специалисты ВНИИ МВД России проводят комплексное исследование преступлений, совершенных по сексуальным мотивам, в том числе убийств. В частности, ими были разработаны специфические признаки серийного убийцы-насильника, которые позволяют определять «почерк» преступника – особенности совершения им криминальных действий, созданы информационно-поисковые системы, предназначенные для сбора, хранения и поиска информации по насильственным преступлениям против личности и лицам, виновным в этих преступлениях.

Для решения поставленных задач автор опирался прежде всего на полученные им обобщенные результаты исследований, проведенных в Государственном научном центре (ГНЦ) социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, где по специально созданной методике был обработан массив архивных материалов на лиц, обвиняемых органами предварительного расследования по ст. 131 и 132 УК Российской Федерации, ст. 117 УК РСФСР и прошедших стационарную судебно-психиатрическую экспертизу в 1984–1998 гг. Были изучены архивные материалы (истории болезни) на 100 обвиняемых, отобранные по следующим критериям: лица мужского пола, совершившие два и более нападения на девочек, девушек и взрослых женщин с целью совершения полового акта или иных сексуальных действий.

В связи с тем что в настоящее время уголовная статистика не оперирует таким понятием, как серийные преступления, при анализе особенностей серийных изнасилований также использовались данные ряда криминологических, социально-правовых, психологических и медицинских исследований, проведенных другими авторами.

ГЛАВА 1

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЕРИЙНЫХ ИЗНАСИЛОВАНИЙ

1.1. Понятие серийных изнасилований

Термины «серийное преступление», «серийный преступник» стали использовать правоохранительные органы в середине 70-х годов. Так, специальные агенты Федерального бюро расследований США решили различать насильников, совершающих многоэпизодные преступления: садистов-некрофилов, людоедов, расчленителей и т.п. В последние годы благодаря средствам массовой информации это определение одной из наиболее опасных категорий преступников прочно вошло в повседневный обиход не только специалистов, но и обычных людей.

Являясь одним из видов половых преступлений, серийные изнасилования сохраняют многие криминологические и уголовно-правовые параметры изнасилований в целом. В то же время рассматриваемая категория преступлений отличается рядом показателей от основной группы, ей присущи особенности серийного преступления. В ходе исследования мы предпримем попытку выявить данные отличия и сходства, в соответствии с которыми предложим меры по предупреждению подобных преступлений.

Непременным условием сравнительного сопоставления результатов исследований является разработка единых критериев общения специалистов, неуклонное соблюдение основополагающих правил при подходе к выделению того или иного вида преступлений. Только понимание специалистами разных областей научных исследований, основанное на детально разработанном и согласованном понятийном аппарате, поможет углубленно и разносторонне изучить явление

ние. Одним из важных принципов любого научного исследования является разработка определения рассматриваемой категории преступлений, так как «в профессиональном, общетеоретическом и содержательном аспектах выработка определения... представляется особенно значимой, так как позволяет установить типичные для них признаки, которые дают возможность отграничить их от иных, смежных преступлений, четко очертить их круг и на этой основе разработать классификацию преступлений...»¹.

Сегодня российская наука, имея отработанные понятия различных форм множественности преступлений, пока не разработала единого и точного определения серийных преступлений. Отсутствие четкого понятия серийных преступлений и вытекающего отсюда понятия серийных преступников заметно снижает внимание правоохранительных органов и государства к этой опасной категории правонарушений, существенно затрудняет разработку эффективного профилактического, криминалистического и оперативно-розыскного воздействия на серийных преступников. Отсутствие единых критериев оценки поведения преступников делает крайне сложным ведение их учета, изучения и, как следствие, своевременное адекватное реагирование на совершение новых противоправных действий. При этом трудно не согласиться с утверждением, что «нормы права не должны содержать многозначно трактуемых понятий и метафор, поскольку это может привести к терминологической путанице и неясности интерпретаций»².

В современных толковых словарях русского языка серия определяется как «последовательный ряд чего-нибудь, что обладает общим признаком, объединено общим назначением, составляет одну группу»³. Толковый словарь Владимира Даля свидетельствует о том, что в русском языке гла-

¹ Дьяченко А.П. Уголовно-правовая охрана граждан от преступлений в сфере сексуальных отношений. М., 1993. С. 17.

² Кудрявцев И.А., Ратинова Н.А. Криминальная агрессия. М., 2000. С. 82.

³ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 713.

гол «изнасиловать» (син. «изнасилить», «изнасиливать») трактовался только как принуждение к чему-либо силою, насилием. При этом автор предлагает не смешивать данное понятие с другими глаголами – «изнасиловать» или «изнасиловать», смысловое содержание которых и обозначало «силою обезчестить женщину»¹.

Серийные сексуальные убийства и серийные изнасилования имеют много общего, не случайно поэтому существует мнение об их включении в понятие «серийные преступления», которые рассматриваются как «специфический частный вариант многоэпизодного садистского насилия, направленного против личности и половой неприкосновенности граждан, осуществляемого, как правило, в условиях неочевидности одиночным преступником, специфическая дисгармония личности которого закономерно приводит его в состояние психической или психофизической дезадаптации, что и определяет психолого-психиатрическую детерминацию криминального поведения, аномально реализующего потребности в компенсации и комфорте (психическом или физическом)»². Тем не менее трудно согласиться с мнением авторов, считающих важным для определения серийности не только повторяемость сексуально мотивированных эпизодов, но и их садистическое оформление. Очевидно, что в таком случае из категории серийных преступлений выпадают многие изнасилования, совершенные без явных признаков физического насилия, что, на наш взгляд, неприемлемо.

Наличие типичных элементов, например места и способа нападения, орудия преступления и т.д., не должно быть определяющим и обязательным признаком серийности, так как он полностью зависит от психологических особенностей преступника, который, совершенствуя механизм напа-

¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. яз., 1989. Т. II. С. 28.

² Бураков В.В., Бухановский А.О. Серийные преступления: подходы к дефиниции // Материалы 2-й Междунар. науч. конф. «Серийные убийства и социальная агрессия» 15–17.09.1998 г. Ростов-на-Дону, 1998.

дения с целью облегчения его совершения, более умелого сокрытия следов либо с целью усиления полового возбуждения может изменить и место, и способ, и орудия преступления, продолжая нападать в то же время, например, на определенную возрастную категорию потерпевших. Впрочем, в ряде случаев и возраст не является постоянным серийным признаком при нападениях. В то же время однотипность эпизодов, навязчивое стремление насильника к повторению того или иного элемента нападения – сходство жертв, способов нападений, форм психического и физического воздействия на жертву, сексуального контакта ярче характеризует его как серийника и соответственно свидетельствует о высоком уровне его психических и сексуальных аномалий. В силу данных рассуждений серийными эпизодами признаются в том числе покушения на изнасилования, в ходе которых преступник по независящим от него обстоятельствам просто не успевает совершить те действия, которые в ходе серии выявляются как типичные.

Наличие систематичности в поведении практически полностью исключает фактор случайности и ситуативности при принятии насильником решения. В то же время преступник безусловно использует складывающуюся ситуацию (либо создает ее сам). При любом последующем нападении возникновение умысла на преступление опережает момент первого контакта с жертвой, в том числе визуального, что позволяет ему планировать и подготавливать преступление.

Изучение уголовной практики показало, что насильник в процессе одного преступления, длящегося от нескольких минут до нескольких часов, может насиловать жертву различными способами. Поэтому, приступая к выборке эмпирического материала, для определения лиц, совершивших серийные изнасилования, нами выявлялись прежде всего те, кто дважды совершил действия, предусмотренные ст. 131 УК РФ либо покушения на эти действия. Однако в результате обобщения полученных данных мы столкнулись, во-первых, с тем, что насильники в ходе совершения серии наряду с половым сношением совершают действия, предус-

мотренные ст. 132 УК РФ, при этом чередуя и смешивая их, что в ряде случаев не позволяет отделить их друг от друга. Во-вторых, насильственные действия сексуального характера встречаются в серийных сексуальных нападениях гораздо чаще, чем половое сношение. Более того, в ряде случаев действия насильника трудно однозначно квалифицировать по одной из этих статей. Мы посчитали, что не вправе обойти вниманием данный факт, поэтому включили в объективную сторону состава серийных изнасилований действия, предусмотренные и ст. 132 УК РФ. Совокупность всех сексуальных действий, совершаемых серийными насильниками, предлагаем разбить на две группы, на наш взгляд, отличные по степени общественной опасности: имиссионные действия – вагинальный, оральный и анальный способы совершения, а также на иные, не входящие в первую группу действия.

В пользу данного критерия разделения говорят еще два существенных для уголовного права аспекта. Во-первых, повышенная социальная опасность первой группы связана с возможной беременностью, заражением венерическими заболеваниями, дефлорацией, причинением вреда здоровью (например, повреждение прямой кишки) и т.д. и, как следствие наступление более тяжелой психологической травматизацией жертвы. Во-вторых, формальный состав ст. 131 УК РФ считает изнасилование оконченным с момента начала совершения полового акта, т.е. с момента начала имиссии. Поэтому дальнейшие действия – фрикционные движения, эякуляция, оргазм и т.д. – это только последствия уже оконченного преступления. Аналогично рассматриваются анальный и оральный половые контакты. Мы предлагаем действия, заключающиеся в имиссии, т.е. проникновении мужского полового органа в естественные отверстия женщины, определять термином «половой акт».

Ко второй группе относятся все остальные насильственные сексуальные проявления, например введение пальцев или предметов во влагалище, мастурбационные действия, обнажение женщины и т.п.

Термин «изнасилование» в названии нашей темы выбран не только с целью выделить из всей массы половых преступлений ту категорию, где жертвами повторяющихся сексуальных нападений со стороны мужчин-насильников становились лица женского пола без возрастных ограничений, но и с целью отделить насильственные действия от ненасильственных. Поэтому при рассмотрении данной темы понятие «изнасилования» трактуется шире, чем это представлено в ст.131 УК РФ – помимо полового сношения мы включаем и действия сексуального характера.

Таким образом, понятие серийных изнасилований выглядит следующим образом – это повторяющиеся сексуальные нападения на лиц женского пола независимо от их возраста с целью насильственного совершения полового акта или иных действий сексуального характера.

Поскольку объектом нашего исследования являются особенности личности и преступного поведения лиц, совершивших серийные изнасилования, представляется необходимым определиться и с терминологией, выяснить, кто из правонарушителей подпадает под эту категорию. Наиболее точным термином является «лицо, совершившее серийные изнасилования», однако наряду с этим термином будем употреблять и термин «серийный насильник», который в действительности шире, так как включает не только преступников, совершивших сексуальное насилие в отношении женщин, но и в отношении мальчиков или мужчин. Таким образом, под серийными насильниками (или лицами, совершившими серийные изнасилования) будут подразумеваться только те, кто совершил два и более сексуальных нападений на женщин независимо от возраста жертвы.

1.2. Криминологическая характеристика серийных изнасилований

Появившиеся в последнее время многочисленные публикации, посвященные многоаспектному исследованию

многоэпизодных сексуальных убийств, практически не затрагивали проблему серийных половых нападений, совершенных вне умысла лишения жизни пострадавшей. Мы считаем необходимым восполнить этот пробел, что позволило нам проследить взаимосвязь и выявить особенности сравнительных криминологических характеристик наиболее опасных половых преступников – серийных убийц, серийных насильников и лиц, совершивших несерийные изнасилования.

Среди половых преступлений изнасилования являются самым распространенным видом, составляя порядка 85–90%. Серийные изнасилования занимают особое место среди сексуальных посягательств, отличаясь не только выбором насильственной формы сексуального удовлетворения, но и повышенной преступной устремленностью, многочисленностью жертв и тяжестью причиненных последствий.

До настоящего времени в нашей стране не существовало официальной статистики по серийным преступлениям, что в значительной степени затрудняло их полное и объективное научное изучение. Поэтому в дальнейшем для статистического анализа нам придется руководствоваться результатами исследования архивных материалов Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского. При работе в Центре среди всех архивных материалов на подэкспертных, направленных на стационарное обследование в период с 1984 по 1998 г., были отобраны и изучены данные на 100 лиц, совершивших серийные изнасилования. По нашим подсчетам, их доля в общем количестве преступников, совершивших изнасилования, составляет 6–8%. В то же время отобранные серийные насильники обвинялись органами предварительного расследования по 492 эпизодам, что составляет примерно 30% общего количества совершенных изнасилований и покушений на изнасилование.

Как видно из данных, приведенных в табл. 1, количество изнасилований с 1993 г. постоянно снижается, чего нельзя сказать о серийных изнасилованиях (табл. 2).

Таблица 1

Динамика изнасилований*

Годы	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Всего	12 165	10 902	11 560	14 597	15 009	14 115	13 663	14 440	13 956	12 515	10 888	9307	9014	8346	7901
к предыдущему году	-	-10,4	+6,0	+26,3	+2,8	-6,0	-3,2	+5,7	-3,4	-10,3	-13,0	-14,5	-3,1	-7,4	-5,3
к 1986 г.	-	-10,4	-5,0	+20,0	+23,4	+16,0	+12,3	+18,7	+14,7	+2,9	-10,5	-23,5	-25,9	-31,4	-36,1

Таблица 2

Динамика серийных изнасилований

Годы	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997-1998
Всего	18	41	17	41	16	32	48	34	34	8	19	27	34	38	36	19
к 1982 г.	-	-	-76	-	-	-89	-	-	-116	-	-	-54	-	-	-108	-

* Преступность и правонарушения: Стат. сборник М., 2000. С. 75.

Данные, взятые за три года, свидетельствуют о том, что серийные изнасилования носят волнообразный характер. Та же картина открывается при группировке преступлений по пять лет: 1982–1986 гг. – 133; 1987–1991 гг. – 156; 1992–1996 гг. – 154.

При сравнении динамики изнасилований и серийных изнасилований в целом напрашивается вывод, что последние сохраняют стабильность на протяжении последних 10 лет и даже дают определенный рост за последние 15 лет при постоянном снижении общего количества зарегистрированных изнасилований. Кроме этого, отчетливо просматривается волнообразный процесс с максимальными пиками, приходящимися на периоды с 1988–1990 гг. и 1994–1996 гг. При этом необходимо учитывать, что показатели серийных изнасилований, особенно за период 1994–1998 гг., не окончательны, они, безусловно, изменятся в сторону увеличения за счет раскрываемости преступлений прошлых лет. На наш взгляд, помимо иных причин и условий, порождающих это явление, немаловажную роль играет различие в природе латентности серийных и несерийных изнасилований – одноэпизодное изнасилование, скрытое от учета по вине правоохранительных органов, как правило, в будущем таковым и остается, в то время как совершенное в серии в случае установления преступника имеет шанс быть раскрытым и зарегистрированным, причем даже в том случае, если оно было не окончательным преступлением, а покушением. Значительная часть «серийников», особенно задержанных с поличным, обычно рассказывают и о других совершенных ими эпизодах в преступной серии.

Приведенные показатели динамики серийных нападений свидетельствуют не только о стабильном уровне совершенных преступлений, но и о количестве задержанных и привлеченных к ответственности серийных насильников.

Среди общих криминологических характеристик изучаемой категории преступлений заслуживает внимания тот факт, что серийные изнасилования гораздо чаще завершались на стадии покушения, чем основная группа изнасило-

**Показатели количества серийных насильников,
направленных на судебно-психиатрическую экспертизу**

1984–1986 гг.	1987–1989 гг.	1990–1992 гг.	1993–1995 гг.	1996–1998 гг.
19	20	25	18	18

ваний. По некоторым данным, доля покушений в изнасилованиях составляет 16–18%¹. По результатам наших исследований, 100 серийных насильников совершили 492 преступных эпизода, в которых пострадали 522 человека. Из общего количества совершенных преступлений 303 – с оконченным составом, 189 (40%) квалифицированы как покушение на изнасилование, что, на наш взгляд, связано в первую очередь с патопсихологическими особенностями серийных насильников.

Обладея таким квалифицирующим признаком, как неоднократность в течение длительного времени, исчисляемого порой годами, серийные изнасилования обычно совершались в условиях неочевидности. Это почти всегда создавало значительные трудности в установлении и задержании преступников, что свидетельствует о неспособности правоохранительных органов всегда быстро и адекватно на них реагировать.

Как показали наши исследования, значительное количество изнасилований, входящих в серию, выявляются и регистрируются только после задержания лица, их совершившего. Высокий уровень латентности, свойственный всем половым преступлениям, особенно показателен для серийных изнасилований, причем их выявление в ходе раскрытия серии лишь подчеркивает это утверждение. О справедливости данного тезиса говорит и тот факт, что серийные насильники, решившие дать показания, как правило, говорят о гораздо большем количестве совершенных нападений, чем им инкриминируется.

¹ См.: Криминология: Учебник/Под ред. А.И. Долговой. М., 1997. С. 446.

Например, некто Косарев, совершивший самую многочисленную из выявленных серий изнасилований, заявил о 120 нападениях, в то время как на предварительном следствии его обвинили лишь по 38 эпизодам. Другой насильник, С., действовавший аналогичным способом, был обвинен в 7 нападениях, в то время как он признался в совершении 60.

К причинам столь высокого уровня латентности относятся, как известно, два фактора – отношение к преступному посягательству пострадавших, не желающих в силу различных причин предавать огласке происшедшее (естественная латентность), и отношение недобросовестных сотрудников правоохранительных органов (скрытая латентность). В связи с этим не регистрируется, следовательно, и не расследуется, значительное количество сексуальных правонарушений, что, в свою очередь, «определяет ряд отрицательных последствий: а) искажается представление о действительных размерах преступности, величине и характере ущерба, причиненного гражданам; б) затрудняется выявление обстоятельств, способствующих совершению преступлений и соответственно своевременное их устранение; в) ставится под сомнение реализация принципа неотвратимости ответственности за противоправные деяния, формируется мнение о безнаказанности; г) порождается в общественном сознании сомнение в способности государственных институтов, и прежде всего правоохранительных органов, обеспечить общественную безопасность, защитить личность и имущество граждан; д) ограничиваются возможности прогнозирования преступности и разработки превентивных программ»¹.

В конечном итоге от ненадлежащего учета страдают сами правоохранительные органы, в частности не получающие своевременно полные и необходимые сведения о возможном круге подозреваемых по конкретному преступлению.

¹ Горяинов К.К. Латентная преступность в России: результаты исследования и меры борьбы // Латентная преступность: познание, политика, стратегия: Сб. М., 1993. С. 20.

Исследователей аналогичных проблем в России и в других странах объединяет единая точка зрения о высокой латентности изнасилований, отличная лишь в процентном показателе. Так, по данным отечественных ученых, только скрытая преступность среди изнасилований составляет 10-15%¹. По данным Ю. Аргуновой, сравнившей общее число зарегистрированных половых преступлений в отношении женщин с числом судебно-медицинских экспертиз и освидетельствований женщин, пострадавших от половых преступлений, за рамками уголовной статистики остается порядка пяти тысяч преступлений, т.е. примерно половина от всех зарегистрированных². Исследования английского психиатра Д. Грубин, занимающегося изучением половых преступлений, показали, что из 10 изнасилованных лишь один пострадавший обращается в полицию³.

Д. Ривман и В. Устинов приводят данные, полученные ученой из Калифорнии Д. Рассел, согласно которым уровень латентности изнасилований в США составляет 85%, жертвы «не заявляют о случившемся, так как боятся, что на них будет навешен ярлык падших женщин»⁴.

Изучение серийных изнасилований показывает, что данные преступления совершались при обстоятельствах, различных по времени, месту, способу и т.п., однако результаты их исследования позволяют выделить общие признаки, присущие данному виду преступной активности. Анализ полученных криминалистических данных серийных изнасилований мы начинаем с одной из наиболее важных характеристик этого преступления – времени его совершения.

Прежде всего необходимо отметить высокий уровень совершения преступлений в мае и октябре, а также стабиль-

¹ См.: *Горяинов К.К.* Латентная преступность в России: результаты исследования и меры борьбы // *Латентная преступность: познание, политика, стратегия*: Сб. С. 23.

² См.: *Аргунова Ю.Н.* Изменения показателей преступности против личности // *Преступность, статистика, закон*. М., 1997. С. 31–32.

³ См.: *Серийные сексуальные преступления: Учеб. пособие*/Под ред. Ю.М. Антоняна. М., 2001. С. 22.

⁴ *Russel D.* The politics of Rape. The victim's perspective. N.-Y., 1975.

но высокие показатели периода октябрь – январь. В то же время общие сезонные показатели распределились примерно одинаково. В холодную часть года (октябрь – март) было зарегистрировано 244 преступления, в теплую (апрель – сентябрь) – 248. Общепринятые данные о совершении сексуальных нападений в теплое время года не подтвердили данные изученных нами действий преступников (табл. 4).

Таблица 4

Распределение серийных изнасилований по месяцам

Де- кабрь	Ян- варь	Фев- раль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сен- тябрь	Ок- тябрь	Но- ябрь
46	45	32	27	31	64	37	33	46	37	49	45
Всего зимой – 123			Всего весной – 122			Всего летом – 116			Всего осенью – 131		

А вот показатели времени суток серийных нападений практически не отличаются от основных: большинство нападений (38,5%) было совершено в вечернее время – с 18 до 24 ч; днем, т.е. с 12 до 18 ч, преступления совершались в 28,2% случаев; ночные нападения (с 0 до 6 ч утра) зарегистрированы в 16,6% случаев. В 12,8% преступлений изучаемые не отдавали предпочтение какому-либо определенному периоду суток.

Не менее важной характеристикой преступления является место совершения, его территориальная принадлежность, удаленность от постоянного места проживания преступника. Подавляющее большинство лиц, совершивших серийные изнасилования, проживали в городе – 82, 17 – на селе и только один человек зарегистрирован как лицо без определенного места жительства. На территории московского региона (город Москва и область) совершили преступные действия 39 из всех обследованных насильников.

Результаты исследований говорят о привязанности насильников к месту проживания. Так, на территории Москвы совершили изнасилования 22 обвиняемых, причем лишь двое из них оказались жителями Московской области, остальные постоянно проживали в столице. Однако вынужденная сме-

на места жительства может и не являться фактором, способствующим прекращению серийных преступлений.

Н., 26 лет, впервые был осужден в возрасте 18 лет на 10 лет лишения свободы за повторные изнасилования малолетних, которых под одним и тем же предлогом заманивал в укромные места. Отбывая наказание в исправительном учреждении, неоднократно получал черепно-мозговые травмы. По словам Н., после этого у него появились судорожные припадки с потерей сознания, состояния повышенного сексуального возбуждения. Для купирования последних стал усиленно заниматься физическими упражнениями, даже причинял себе физическую боль. После досрочного освобождения проживал с родителями, вскоре женился. Через полгода после возвращения из мест лишения свободы в течение месяца, будучи в состоянии наркотического опьянения, совершил два нападения на молодых женщин, которых, угрожая ножом, изнасиловал, за что был задержан, но сумел в наручниках совершить побег. Скрываясь от правосудия, приехал в Москву, где в тот же день, находясь в состоянии наркотического опьянения (по его словам, выкурил 4 сигареты с анашой), зашел вслед за незнакомой несовершеннолетней девушкой в подъезд одного из домов, и, угрожая ножом, потребовал совершить с ним половой акт. Потерпевшая стала активно сопротивляться, и Н. нанес ей два ножевых ранения, после чего, увидев прохожего, убежал. На следствии обвиняемый заявил, что преследовал и насиловал молодых женщин, чтобы «унизить» жертву. В повседневной жизни при знакомстве с девушками ему постоянно казалось, что «все думают о нем плохо», и это препятствовало ему познакомиться с ними обычным способом.

По данным медицинского обследования Н., беременность матери протекала с токсикозом, роды – с наложением щипцов. До 7 лет у Н. наблюдались тонические припадки примерно один раз в 2–3 месяца. В детском возрасте он отличался дерзким характером, склонным к злым проказам, был неусидчив, расторможен. Учился в школе-

интернате, успеваемость удовлетворительная. Н. часто подвергался насмешкам со стороны сверстников в связи с энурезом. Желая отомстить за унижения, на одного из них поставил горячий утюг, за что был отчислен из школы. В 9 лет перенес черепно-мозговую травму. С 12 лет учился в спортивной школе, стал кандидатом в мастера спорта по легкой атлетике. В 15 лет дважды перенес повторную черепно-мозговую травму. После 8-го класса поступил в авиатехникум, но учился плохо.

В ходе беседы с сексопатологом рассказал, что с 5 лет стал проявлять сексуальный интерес к девочкам, раздевал их, разглядывал, ощупывал, за что неоднократно наказывался родителями. Первый половой акт провел в 12 лет с 17-летней девушкой с ее согласия. С этого времени стал вести регулярную половую жизнь со сверстницами и девушками более старшего возраста. Периодически у него появлялось состояние повышенного сексуального влечения, в этот период совершал правонарушения. При появлении этого состояния старался освободить для себя целый день, чтобы спокойно выследить жертву и изнасиловать ее. Утверждает, что при виде понравившейся девушки не мог сдерживаться, после изнасилования приходил в себя, жалел пострадавших, предлагал им деньги. Избегал посещения пляжей, так как чрезмерно возбуждался. В такие моменты мог совершить и гомоконтакты – «было все равно с кем». В 16 лет впервые провел такой гомоконтакт со взрослым мужчиной, выступал в роли активного, в то же время влечение к мальчикам отрицает. Сознает свою повышенную активность и бравирует этим. С 15 лет курит анашу, с 18 лет стал практиковать регулярные внутривенные инъекции отвара мака.

Результаты судебно-психиатрической экспертизы показали, что испытуемый хроническим психическим заболеванием не страдает, обнаруживает признаки органического поражения головного мозга сложного генеза с эпилептиформными расстройствами. По мнению сексопатолога, у него наблюдается гиперролевое сексуальное поведение с

наличием агрессивных тенденций на фоне дисгармоничного полового развития за счет преждевременного психосексуального и задержки соматосексуального становления.

В подавляющем большинстве случаев действия одного и того же преступника в ходе серии изнасилований приобретают стереотипный характер, стремление совершать преступления при схожих обстоятельствах закрепляется в сознании насильника первыми «удачными» нападениями. В полной мере это относится и к месту нападения, и к способу его совершения. Для нападающего они становятся залогом «успешности» преступных действий. Анализ конкретных мест совершения изнасилований показывает, что преступники не отдавали какого-либо предпочтения нападениям в закрытых помещениях (46 человек) либо вне помещений (45). На улице нападали 23 человека, столько же (22) выбирали для нападения лесопосадки, скверы, парки. Незначительная часть насильников выбирала жилые помещения – 16, причем только трое нападали у себя дома, остальные 13 – в доме жертвы.

Заслуживает внимания тот факт, что треть всех нападений (27) произошла в лифте или подъезде. Лифт привлекает преступника ограниченным пространством, создает иллюзию интимной обстановки, максимально сближает преступника и жертву, не позволяет жертве оказать активное и реальное сопротивление или скрыться, помогает, в свою очередь, насильнику подавить сопротивление жертвы и т.д.

Повторение поведенческих актов определяется как стереотипизация, клиширование, ритуализация, т.е. существование однообразного сценария поведения, предполагающего предсказуемость и неизменность осуществляемых действий, соответствующих ранее представляемым. Стереотипизация проявляется в ее привязанности к определенной территории, которая при этом может повторять ситуацию первого насильственного действия или быть связана с уменьшением расстояния между людьми. Основным признаком стереотипности сексуального поведения, характерный для многих лиц с парафилиями, «проявляется в стремлении осуществить строго определенную активность, например, выражающую-

юся в фелляции или анальном коитусе, или ощупывании половых органов»¹.

Для насильника место преступления имеет особое значение. Безусловно, заброшенные здания, лесопосадки, стройплощадки, чердаки и подъезды облегчают совершение насильственных действий как при половых, так и при других нападениях, например грабежах и разбоях. Но у насильников окружающая обстановка должна непременно способствовать не только успешному подавлению сопротивления будущей жертвы, но и сексуальному возбуждению, получению полового удовлетворения. Именно поэтому часто насильник ищет свои жертвы в определенных местах, характерных только для его нападений.

Некто К., 38 лет, образование среднее техническое, ранее дважды судимый за хищения, в течение года совершил 14 нападений на женщин в возрасте от 10 до 34 лет, проходивших примерно по одной схеме. Из показаний потерпевших о преступных действиях обвиняемого следует, что нападения совершались в вечернее время, местом преступления избирались безлюдные площадки, прилегающие к гаражам или школам, половые акты совершались в различных формах, но заканчивались в основном в вагинальной. При этом насильник заставлял жертву смотреть на половой член, требовал во время полового акта ввести ему в задний проход палец. Часть пострадавших считает, что его удовлетворял не половой акт, а издевательства над ними. Характерным примером нападения может служить изнасилование Т., 26 лет: в конце мая в 23 часа у гаражей К. внезапно напал на нее, ударил рукой по лицу, накинул на шею веревку, и, угрожая убийством, потребовал отдать золотые украшения. На лице у нападавшего была маска. Отведя жертву в глубь гаражей, снял с нее нижнее белье, накинул на голову кофту, развернул к себе спиной, трогал и лизал ее половые органы, пытался со-

¹ Ткаченко А.А. Сексуальные извращения – парафилии. М., 1999. С. 103–104.

вершить половой акт во влагалище, но не смог из-за отсутствия эрекции. Найдя в сумочке пострадавшей баллончик дезодоранта, ввел его ей во влагалище. Она закричала от боли, тогда он совершил оральный половой акт, закончив его семяизвержением.

Отец обвиняемого неоднократно лечился от алкоголизма, почти ежедневно устраивал дома скандалы и драки, из-за чего они с братом уходили ночевать к соседям. Старший брат также злоупотреблял алкоголем, отличался вспыльчивостью, раздражительностью, часто бил младшего брата. Мать — добрая и мягкая, однако доверительных отношений у будущего преступника ни с кем в семье не было. В младшем возрасте общался со сверстниками, предпочитая быть лидером. До 11 лет страдал ночным энурезом, об этом узнали в школе от старшего брата, постоянно дразнили и за это, и за маленький рост, называли «картавым». Очень переживал, бросался драться, сам провоцировал конфликты. Из-за постоянных конфликтов родители перевели его в другую школу, после чего стал более коммуникабельным, предпочитая в общении мальчиков своего возраста. Учился удовлетворительно. В возрасте 12–14 лет занимался в спортивной секции самбо. В 15 лет украл из магазина пиджак, за что был поставлен на учет в ИДН. После окончания 8 классов учился в ПТУ на оператора химического производства. В 16 лет был задержан за то, что в лифте пытался потрогать половые органы у девочки 10 лет. Уголовное дело не возбуждалось, ограничилось тем, что через детскую комнату милиции был оштрафован, поведение разбиралось на педсовете училища. После окончания ПТУ служил в армии, демобилизовался на общих основаниях. Работал по специальности, характеристики с работы положительные, в последнее время постоянно нигде не работал, жил на разовые заработки. В 25 лет за кражу кошелек из сумки женщины был осужден на один год лишения свободы условно. В 31 год за групповое хищение государственного имущества в особо крупном размере осуж-

ден на 5 лет лишения свободы с отбывтием наказания в исправительном учреждении усиленного режима.

В ходе беседы с сексопатологом К. пояснил, что с детства испытывал желание воровать чужие вещи, даже если они были не нужны, от очередных краж останавливал только страх наказания. На девочек стал обращать внимание с 11 лет, нравилось общаться с ними, провожать домой, с 14 лет ухаживал за девочкой из класса. С 12 лет снились обнаженные женщины, но первый половой контакт с эякуляцией, состоявшийся в 16 лет, был гомосексуальным — незнакомый мужчина, с которым познакомился в бане, пригласил к себе домой, мастурбировал его половой член, провел орально-генитальный контакт, в ходе которого К. испытал сильный оргазм с семяизвержением. С этого дня стал заниматься мастурбацией, используя для этого порнофотографии или подглядывая за женщинами в окно. В один из таких моментов его заметила девушка. При виде ее испуга и недоумения испытал сильный оргазм и эякуляцию. После этого стал демонстрировать свои половые органы женщинам на улице, испытывая при виде их испуга и удивления оргазм с эякуляцией. Со временем, чтобы привлечь внимание и задержать некоторое время около себя женщину, стал срывать с них головные уборы — «она начинает просить обратно и не уходит». Впервые желание напасть возникло в 30 лет — в темное время суток, увидев одиноко идущую девушку, догнал ее, затащил за гаражи, трогал грудь, половые органы, при этом мастурбировал, испытал сильный оргазм. В последующем, вспоминая этот эпизод, испытывал возбуждение, мастурбировал.

Первый гетеросексуальный половой акт совершил в 17 лет с ровесницей, при этом «никаких особенных» ощущений не испытал, даже «не понял, зачем это нужно», хотя испытал оргазм и эякуляцию. Был дважды женат, оба раза разводился. Характеризуя жизнь в браке, заявил, что после двух лет совместного проживания «надоело однообразие». Имел несколько постоянных партнерш. В последнее перед арестом время сожительствовал с О., кото-

рая рассказала, что однажды была свидетельницей попытки изнасилования К. ее сестры, при этом он пытался ввести ей во влагалище баллончик дезодоранта, после чего стал проявлять необъяснимую агрессию, размахивал ножом, угрожал убийством, изрезал два костюма, принадлежащие О.

Отвечая на вопросы о правонарушениях, К. заявил, что совершал подобные действия из-за постоянного желания обнажиться перед девушкой на улице, напасть на нее, совершить половой акт. Ножом угрожал с целью подавления сопротивления жертвы, в противном случае возбуждение пропадало, но появлялась злость и ярость. Нападения совершал в определенных местах – на территории гаражей, недалеко от учебных заведений, наибольшее возбуждение возникало при виде «молодых и стройных». Во время одного из нападений К. ограбил жертву, при этом испытал сильное возбуждение. После нападений наступало облегчение, удовлетворение, через некоторое время «приходил стыд». В последнее время тяга к нападениям усилилась, «чувство нехватки женщин» испытывал постоянно. Судебно-медицинская экспертиза признала К. вменяемым, у него обнаруживаются последствия раннего органического поражения головного мозга с расстройством сексуального влечения (полиморфный парафилльный синдром – клептомания, эксгибиционизм, раптофилия).

Что касается средств, используемых преступниками, то их выбор зависит от избранного насильником способа подавления сопротивления жертвы. Как правило, нападение при изнасиловании достаточно кратковременно, поэтому преступнику необходимо сначала напугать потерпевшую, ввести ее в состояние неспособности активно сопротивляться. Большая часть насильников (41 из 100) наносили различные удары, из них удары руками и ногами применяли 34 преступника, остальные 9 – удары предметами. Значительная часть насильников (33) ограничилась лишь демонстрацией силы, т.е. угрожали физической расправой и убийством. 16 человек преодолевали сопротивление жертвы с

помощью различных удушающих приемов: 12 сдавливали шею руками, двое использовали для этой цели предметы, двое перекрывали рот и нос руками.

Для достижения преступных намерений насильники предпочитали или совсем обходиться без оружия (36 испытуемых), или использовали колюще-режущие предметы — нож, заточку, шило (40 обвиняемых). Однако в некоторых случаях применялись удушающие средства (4), газовые баллончики (2), в одном случае применялся молоток, 3 обвиняемых использовали предметы, подобранные на месте преступления. По имеющимся сведениям, в 90% случаев используемое затем в нападении орудие было заранее приготовлено, что свидетельствует о предварительной подготовке преступников.

Особенностью серийных насильников является то, что они, за редким исключением, не использовали и фактически никогда не применяли огнестрельное оружие, т.е. оружие, предназначенное для применения на расстоянии. Применение подобного оружия не соответствует целям насильника, который стремится к максимальному сближению с жертвой. Известный исследователь К. Лоуренц утверждал, что ни один психически нормальный человек не стал бы заниматься даже охотой, если бы ему пришлось убивать дичь зубами или когтями. Поэтому, если человек, совершающий насилие, хочет избежать ситуации, связанной со всей ужасающей отвратительностью причиняемого другим ущерба, он должен повышать технику преступления. Одним из способов повышения этой техники является применение огнестрельного оружия. Расстояние, на котором оно действует, спасает преступника от нежелательной и раздражающей его подобной чувствительной близости. Физиологический смысл серийных изнасилований определяется главной целью преступления — совершение сексуального контакта — и состоит в максимальном слиянии с выбранной жертвой.

Особое значение для исследования серийных изнасилований, как и для любого другого вида насильственных преступлений, имеет характеристика последствий таких напа-

дений. В отличие от серийных сексуальных убийц, лица, совершившие серийные изнасилования, менее агрессивны и достигают цели не так жестоко и кроваво, причем значительная часть насильников (22 человека) совсем не причиняла потерпевшим какого-либо физического вреда здоровью, 27 человек нанесли легкие телесные повреждения, 9 – средней тяжести, 5 – тяжкие.

Исследования поведения серийных насильников показали, что ряд из них в ходе совершения серии изнасилований совершили убийство своих жертв: в 8 сериях – по одному убийству, в двух – по два. В двух случаях совершенные преступления привели к попыткам суицида потерпевших. Включение в исследуемую группу лиц, совершивших убийства, оправданно, так как их действия, приведшие к смерти жертв, являются, во-первых, логическим продолжением сексуальных нападений, проявлением нарастающей агрессии; во-вторых, эти действия были совершены в конце серии нападений. Фактически эти действия активизировали работу правоохранительных органов, которые, задержав преступников, исключили для них возможность совершения повторных смертельных актов.

Немаловажное значение для изучения серийных изнасилований с точки зрения возможности и способности правоохранительных органов вести борьбу с ними имеет длительность насильственной серии. Общее количество серий составляет 107. Наиболее частыми оказались серии, длящиеся в течение месяца – 30 серий, в ходе которых было совершено 98 эпизодов (20,1% всего количества эпизодов); в течение полугода – 22 серии и 82 эпизода (16,8%); в течение 7–10 дней – 14 серий и 46 эпизодов (9,4%); в течение 3 месяцев – 13 серий и 59 эпизодов (12,1%); в течение 3 дней – 8 серий и 18 эпизодов (3,7%); в течение 2 лет – 5 серий и 39 эпизодов (8,0%); в течение суток – 4 серии и 9 эпизодов (1,8%); в течение года – 3 серии и 27 эпизодов (5,5%). Наиболее длительные серии распределились следующим образом: 2 серии были совершены в течение 3 лет каждая общим количеством в 40 эпизодов (8,2%), в течение 4 лет – одна

серия в 7 эпизодов (1,4%), в течение 8 лет совершена одна серия в 30 эпизодов (6,2%), 2 серии были совершены в течение 11 лет каждая общим количеством 22 эпизода (4,5%).

Не менее важной характеристикой поведения серийных преступников является периодичность совершения нападения, которая обуславливается психосексуальными особенностями конкретного лица. При изучении частоты проявления противоправного умысла насильников выявлены два характерных варианта поведения. Первый вариант – каждое последующее нападение происходит через определенный промежуток времени, длительность которого от нападения к нападению, как правило, не меняется, поэтому его можно условно назвать «ритмичным». Подавляющее большинство серийных насильников (90%) используют первый вариант периодичности: 8% из них нападения совершали ежедневно, 32% – еженедельно, 28% – ежемесячно, один раз в 3–4 месяца – 12% серийных насильников, один раз в полгода – 7%, один раз в год – 3%.

Особенностью остальных 10% серийного девиантного поведения насильников явилось то, что несколько сексуальных нападений совершались в определенный промежуток времени (от 3 дней до недели), затем следовала пауза, длящаяся несколько месяцев (как правило, не более 1–2 месяцев), а потом вновь совершалось несколько преступлений за короткий отрезок времени. Очевидно, что данное поведение напоминает всплеск или скачок преступной активности, поэтому, определяя этот тип поведения, часто употребляют термин «скачкообразный».

Рассмотрим некоторые социально-демографические характеристики исследуемых. Показатели возраста совершения первого преступления серии говорят о «молодежном» характере серийных изнасилований: 20 испытуемых начинали преступную серию в возрасте до 18 лет, 13 – не достигли 16-летнего возраста, основная возрастная группа (74 человека) поровну распределилась в группах от 18 до 25 лет и от 26 до 35 лет, шестеро обвиняемых начали совершать серийные изнасилования в возрасте от 36 до 45 лет. Средний

возраст преступников, совершивших первый эпизод серийного нападения, составляет 25,3 года. Возрастной уровень окончания серии сместился в сторону увеличения: 17 человек не переступили возраст совершеннолетия, большинство – 72 человека составляют две группы с 18 до 25 лет и с 26 до 35 лет (соответственно 35 и 37), лишь 11 человек были задержаны за совершение серийных нападений в возрасте от 36 до 45 лет. Средний возраст преступников, окончивших серии, составляет 26,4 года. Очевидно, что возрастной ценз лиц, совершивших серийные изнасилования, смещен в сторону молодых представителей, что характерно вообще для всех виновных в совершении такого преступления, как изнасилование. Сравнивая наши показатели с данными, полученными А. Павловым, А. Варданяном и Н. Сафиуллиным, необходимо отметить, что серийные насильники в среднем оказались старше совершивших изнасилование¹, но моложе серийных убийц².

Образовательный уровень серийных насильников оказался ниже, чем у серийных сексуальных убийц. Одинаковое количество – по 45 человек имели среднее и неполное среднее образование. Важно подчеркнуть, что среди имеющих неполное среднее образование 7 человек, т.е. фактически пятая часть, не доучилась и до 5-го класса средней школы. Восемь человек из ста учились во вспомогательной школе. Мы попытались проанализировать сведения об отношении испытуемых к учебе: 43 человека учились плохо (это касается в основном успеваемости в средней школе), причем половина дублировала классы; 28 – учились в основном удовлетворительно, 26 – относились к занятиям с интересом, учеба давалась им легко, но в старших классах примерно треть из них снизила успеваемость.

Примечательно, что высший образовательный уровень (10 из числа всех изучаемых имели высшее или незакончен-

¹ См.: Варданян А.В., Сафиуллин Н.Х. Преступное насилие над личностью и виктимное поведение лиц, потерпевших от изнасилования. М., 1996. С. 9.

² См.: Павлов А.Р. Серийные сексуальные убийства и их предупреждение: Канд. дис. 1994. С. 79.

ное высшее образование) не явился преградой для преступных сексуальных действий. Более того, преступники, обучавшиеся в высших учебных заведениях, отличались большей изощренностью в своих преступных действиях, а также длительностью серии, что свидетельствует об их умении избегать разоблачение.

П., 36 лет, работавший инженером-конструктором, совершил с 1975 по 1983 г. 30 сексуальных нападения. Нападения совершал примерно по одной схеме: при появлении полового возбуждения насильник выходил на улицу, долго гулял, сдерживая себя, но при удобном случае нападал. Преступления совершались в лесу, у железнодорожных платформ в отношении женщин разного возраста (от 12 до 30 лет), некоторых обворовывал. Нападал П. внезапно, схватив сзади рукой за горло. Угрожая различными предметами, раздевал жертву, совершал половые акты в анальной, оральной и вагинальной формах. Примечательно, что последним проявлением преступной активности П. стал эпизод, выходящий из привычной схемы, но свидетельствующий о нарастании социальной опасности этого человека, неминуемо приводящей к совершению самого тяжкого преступления против личности – убийству. В октябре 1983 г. П. предложил своей знакомой К., 28 лет, помощь в решении ее квартирных проблем. С этой целью, якобы для передачи взятки, он привез ее в район железнодорожной станции, увел на безлюдный берег реки, где, отобрав деньги и драгоценности, изнасиловал, а затем с помощью приготовленной веревки-удавки задушил, сбросив труп в реку. После задержания по подозрению в убийстве полностью признал свою вину, рассказал о совершенных изнасилованиях и двух актах мужеложства с несовершеннолетними мальчиками, отмечал, что длительное время «успешно вел двойную жизнь».

Родной брат убийцы и насильника, родственники по линии матери стояли на учете в психоневрологическом диспансере (ПНД). Сам П. в детские годы стоял на учете в туберкулезном диспансере. С 4 лет воспитывался матерью и отчимом, в раннем детстве был замкнут, молчалив,

боялся темноты. В школе учился хорошо, увлекался рисованием, лепкой, много читал, особенно фантастику. После восьмилетки окончил механический техникум, работал конструктором, с работой успешно справлялся. В 21 год женился, имеет дочь, однако через 4 года брак был расторгнут, так как жена стала злоупотреблять спиртными напитками, не работала, в дальнейшем была лишена родительских прав. Прослужив в армии год, был демобилизован с диагнозом «органическое поражение ЦНС с дизэнцефальным синдромом». Окончил вечернее отделение МВТУ им. Баумана, работал инженером-конструктором, по работе характеризовался инициативным работником, выполняющим сложные разработки на высоком техническом уровне, автор нескольких изобретений, в коллективе пользовался уважением. В 29 лет женился вторично, воспитывал дочь жены от первого брака. Жена отзывалась о нем как о хорошем семьянине, характеризует его полноценным в сексуальном плане, в первые годы брака совершал с ней половые акты в различной форме, но в дальнейшем она стала замечать, что он подглядывал за ее дочерью, когда та мылась в ванной.

В беседе с психологом П. пояснил, что с 12 лет занимался мастурбацией, затем появилось желание надевать женские вещи, совершил несколько раз половые акты с собакой в роли пассивного партнера. При дальнейших расспросах заявил, что женился во второй раз с целью избавиться от сексуальных извращений, но вскоре вновь стал нападать. При появлении полового возбуждения выходил на улицу, долго гулял, сдерживая себя, но при удобном случае совершал нападения, в ходе которых надевал на себя женское белье, вводил в анус молоток, просил женщин мочиться на него. Соглашается с тем, что «недостаточно полноценен в половом плане». Сожалеет о содеянном, психически больным себя не признает, озабочен своим будущим.

Признан вменяемым, у него обнаруживаются остаточные явления органического поражения головного мозга со

склонностью к сексуальным перверсиям без существенных изменений психики.

Социальная адаптация характеризуется и профессиональной деятельностью. В этом отношении серийные насильники почти не отличаются от серийных убийц. Основная часть изучаемых занималась квалифицированным и малоквалифицированным трудом – 65%, умственным трудом – лишь 5%. Отличительной чертой явилось то, что 13% были заняты учебой в различных учебных заведениях (школа, ПТУ, ВУЗ), что еще раз подчеркивает достаточно «молодой» состав этой категории преступников. При этом значительная часть (55 человек) характеризовались своими коллегами положительно (из них 13 человек при положительных характеристиках имели дисциплинарные взыскания), лишь третья часть отрицательно зарекомендовала себя по месту работы или учебы. Остальные 17% испытуемых нигде не работали, причем лишь двое обвиняемых не работали, имея инвалидность по психическому заболеванию.

Рассмотрим характерные черты изнасилований, сравнив их с серийными изнасилованиями. Прежде всего значительную часть изнасилований совершают молодежные преступные группы – их доля в общем числе соответствующих преступлений составляет 72%¹. Как правило, умысел на совершение группового изнасилования возникает в отношении ранее знакомых в ходе совместного с потерпевшей времяпрепровождения. Подобные группы объединяются случайно или ситуативно, часто сексуальные действия соседствуют с хулиганскими. Для групповых изнасилований характерно отсутствие подготовительных мероприятий, поэтому в качестве орудия запугивания жертвы используются различные предметы, иногда случайно оказавшиеся под рукой, иногда подготовленные, но для других целей. Кроме того, участники группы, как правило, не только не предпринимают какие-либо попытки унич-

¹ См.: *Варданян А.В., Сафиуллин Н.Х.* Преступное насилие над личностью и виктимное поведение лиц, потерпевших от изнасилования. С. 10.

тожить следы преступления, но даже об этом не задумываются, часто не имея для этого времени.

Подобные группы неустойчивы, во многом поведение их участников зависит не только от актуальности решения сексуальных проблем, но и от стремления доказать свою значимость, «мужскую силу» в глазах остальных членов группировки. В наших исследованиях лишь двоих насильников в полной мере можно отнести к преступникам, действия которых обусловлены отношениями внутри группировки.

Характерно поведение П., 30 лет, женатого, ранее неоднократно судимого, в том числе и за серийные изнасилования. Вместе с Н. в течение месяца совершил два изнасилования. В ходе первого изнасилования П., угрожая ножом, заставил незнакомую Б., 34 лет, выйти из лифта на последнем этаже многоэтажного дома, сопротивление жертвы жестоко пресекал, ударив несколько раз кулаком в живот и имитируя удары ножом в шею. Потерпевшая попыталась уговорить П. не совершать с ней половой акт, и ей это почти удалось, однако после язвительной реплики соучастника он вновь «завелся» и довел задуманное до конца.

Отец обвиняемого отличался вспыльчивым характером, злоупотреблял спиртными напитками, мог без повода избить жену и детей. П. учился плохо, прогуливал занятия, конфликтовал с учителями. Воспитывался в основном бабушкой, друзей не было, активных игр избегал, предпочитая одиночество. В 10-летнем возрасте перенес травму головы, после которой стал испытывать ночные страхи, спал со светом. С детства упрямый, замкнутый, лживый. После окончания 8 классов поступил в ПТУ. В 17 лет перенес повторную травму головы, лечился стационарно. В том же году был осужден на 5 лет за кражу. В местах лишения свободы высказывал суицидальные мысли, лечился в психиатрической больнице с диагнозом «психопатия возбужденного круга». После освобождения в состоянии алкогольного опьянения вновь перенес черепно-мозговую травму. По словам матери, после этой травмы изменился – стал бо-

лее конфликтным. В возрасте 22 лет был вновь осужден и направлен в исправительное учреждение на 7 лет лишения свободы за совершение нескольких разбойных нападений и изнасилований – останавливая между этажами лифт, отбирал у незнакомых женщин деньги и драгоценности, под угрозой ножа совершал половые акты.

В беседе с сексопатологом П. сообщил, что с 14 лет почувствовал интерес к анатомическому строению животных. С этой целью ловил кошек, подсыпал им в еду усыпляющее, затем вскрывал их и любовался видом внутренних органов. Иногда придушивал кошек и наблюдал за их действиями. Таким образом умертвил около 20 животных. Постепенно аналогичный интерес появился в отношении анатомии женского тела, стал рассматривать анатомические атласы. Начал рисовать голых женщин среднего возраста, привязанных к креслу, которых мучают, режут ножами, расчлениают их тела. К рисункам придумывал различные истории. Затем сцены аналогичного содержания стали появляться в сновидениях. Просыпался в поту, но «успокоенным». Первый половой акт провел в 22 года по инициативе женщины, которая была старше его, оценивает его не вполне успешным, так как в течение 1,5 ч не мог достичь эякуляции. Женился в местах лишения свободы по инициативе родственников на девушке, которая сексуально его не привлекала. В ходе половых актов с женой испытывал трудности с достижением эякуляции, иногда отсутствовала эрекция. Объясняя причины правонарушений, говорит, что, увидев привлекательную женщину, стремился с ней сблизиться с желанием «расчленить ее тело на части», что происходило дальше, не помнит. У обвиняемого диагностированы остаточные явления органического поражения головного мозга сложного генеза с психопатоподобным синдромом. По мнению сексопатолога, обнаруживает сексуальный синдром в форме садизма.

Тем не менее даже преступная группа, не содержащая признаков особой устойчивости и длительности существования, представляет повышенную общественную опасность,

которая обусловлена прежде всего тем, что взаимная психологическая поддержка участников группы помогает им чувствовать себя увереннее, легче преодолевать внутренние психологические барьеры на пути совершения более тяжких преступлений. Группе доступны такие способы совершения преступлений, которые не может использовать одиночка, повышается результативность преступного воздействия на жертву, при этом значительно повышается тяжесть причиненного вреда от нападения.

Нередко серийные изнасилования совершаются в совокупности с другими преступлениями. Так, каждый третий насильник (33 человека) был привлечен к уголовной ответственности по совокупности с корыстными преступлениями – грабежом или разбоем. Причем немногим более половины (57,5%) делали это время от времени, а остальные (42,5%) – всегда. Среди последних особую группу составляют преступники (4 обвиняемых), совершавшие изнасилования в ходе серии грабежей и разбойных нападений, которые использовали «удобную» для этой цели ситуацию. Насильники похищали у своих жертв драгоценности, предметы одежды; если нападение происходило в квартирах пострадавших, то не брезговали и бытовыми приборами, радио- и видеоаппаратурой, иным имуществом.

Именно корыстная цель, являясь основной, объединяет и цементирует всех участников группы, делая ее устойчивой длительное время. Подобные группировки отличаются повышенной социальной опасностью, жестокостью и циничностью.

Некто Х., 30 лет, ранее судимый за корыстные преступления, в течение месяца в группе и самостоятельно, совершил около 25 корыстных нападений – грабежей и разбоев. Действия преступников носили стереотипный характер: с утра выслеживалась квартира, где отсутствовали взрослые, а дома оставались дети или девушки. Под различными предложениями – попить, позвонить, передать соседу записку – проникали в квартиру, наносили удары, принося газовой баллончик и электрошоковый разрядник,

раздевали потерпевших донага, связывали и закрывали голову. Заставляли сказать, где находятся деньги и ценности, которые похищали. Во время этих преступлений Х. совершил три покушения и восемь оконченных изнасилований. Характерно, что на допросах он признал совершение им корыстных преступлений, отрицая изнасилования.

Родители Х. развелись, когда ему было 6 лет, жил с матерью. В школе учился хорошо, считался способным, был активен, увлекался иностранным языком, спортом (лыжи, борьба). Среди товарищей считался добрым и отзывчивым. В 16 лет при проведении медицинского осмотра у него была обнаружена киста левой гайморовой пазухи. Сделана операция, после которой стал испытывать сильные головные боли. Окончив среднюю школу, работал грузчиком, призвался в армию. В первый год к служебным обязанностям относился добросовестно, был отличником боевой и политической подготовки, имел поощрения, но среди товарищей проявлял нескромность, высокомерие, эгоизм, на замечания реагировал болезненно, в последнее время службы был нервозен, груб, несдержан, вспыльчив. Через полтора года службы был осужден на 3,5 года лишения свободы за неоднократные кражи, грабежи и угоны, которые совершал в ходе самовольных отлучек. Освободившись, работал в кооперативе, состоял в гражданском браке с женщиной, старшей его по возрасту, имеет дочь. По его словам, в местах лишения свободы получил черепно-мозговую травму, после чего стал вспыльчивым, неуравновешенным. В возрасте 26 лет предпринял попытку суицида.

Вторая черта изнасилований определяется обстоятельствами изнасилования, которое происходит при совместном времяпрепровождении виновного и жертвы, когда в ходе общения в силу возникшей ситуации преступник вопреки воле жертвы удовлетворяет возникшее сексуальное стремление к конкретному объекту. При этом факт знакомства опережает по времени момент возникновения умысла на совершение

преступления, между ними существует период времени, продолжительность которого во многом зависит от поведения пострадавшей, ее личностных особенностей. С этих позиций подобное изнасилование можно назвать преимущественно личностным и ситуационным преступлением.

На ситуационный характер значительной части изнасилований обращают внимание многие исследователи. Как отмечает Э. Побегайло, «в целом изнасилования носят ситуационный характер, поскольку разрыв во времени между формированием умысла и его осуществлением в подавляющем большинстве случаев незначителен». По результатам проведенного автором выборочного исследования, 64% осужденных за изнасилование совершили преступление с заранее обдуманном намерением и лишь 36% – по внезапно возникшему умыслу. В тех случаях, когда преступление было заранее обдуманным, подготовка к его совершению выражалась в следующем: искусственное создание благоприятной ситуации для совершения изнасилования – 25%, завлечение потерпевшей на место происшествия – 53%, приведение потерпевшей в беспомощное состояние – 14%, приобретение или подыскание орудий для того, чтобы сломить сопротивление потерпевшей, – 5%, прочее – 3%¹.

В отличие от одноэпизодного, серийный насильник не просто ждет подходящей ситуации, но и активно ее ищет, а подчас и сам создает – например, проникает в чужие квартиры.

Некто И., 23 года, являясь курсантом военного училища, он самовольно покидал училище и обращался к жильцам наугад выбранных квартир якобы с целью поиска своего знакомого. Пользуясь доверчивостью женщин и детей, проникал в квартиры и, убедившись, что открывшая ему дверь женщина одна, совершал изнасилование, забирал ценности и скрывался.

¹ Побегайло Э.Ф. Тенденции криминального насилия в России. Насильственные преступления: природа, расследование, предупреждение// Сб. науч. тр. ВНИИ МВД РФ. М., 1994. С. 83.

В конце мая 1985 г. под предлогом поиска вымышленного человека он проник в квартиру Щ., 22 лет, где, угрожая убийством, заставил ее раздеться и предложил совершить половой акт (per os), после отказа жестоко ее избил (у потерпевшей было сотрясение головного мозга и перелом челюсти), забрал 8 рублей и ушел. Следующие три нападения он произвел в течение 5 дней. После первого нападения, совершенного аналогичным образом в отношении 12-летней девочки, обвиняемый, выйдя из квартиры пострадавшей, рассказал о содеянном приятелю, также курсанту училища, который был «поражен услышанным», но не поверил. В тот же день И. проник в квартиру О., избил ее, причинив легкие телесные повреждения, заставил раздеться, предложил совершить половой акт, но, узнав, что она беременна, забрал 180 рублей и ушел. Через пять дней проник в квартиру, где находился малолетний мальчик, но вскоре в квартиру вошла его бабушка, поэтому И. из квартиры ушел.

В тот же день И. был задержан. Через несколько дней, на гауптвахте, предпринял попытку суицида.

На следствии правонарушения не отрицал, объясняя тем, что искал «новые приключения, острые ощущения. Изнасиловать девочку решил, когда узнал, что она в квартире одна». Пояснил, что после того как не смог совершить половой акт, сидя рядом с обнаженной девочкой, мастурбировал до эякуляции.

В ходе исследования собранных на обвиняемого материалов установлено, что двоюродный брат отца был болен шизофренией, два других покончили жизнь самоубийством. В раннем детстве И. был необщительным и молчаливым ребенком, никогда не плакал. По ночам во сне «дико ревел», в связи с чем родители обращались к невропатологу. В школе был дисциплинированным, активным, общительным, хорошо учился, помогал родителям. В 17 лет резко изменился: появились беспричинные колебания настроения, неуравновешенность, стал замкнут, молчалив, перестал общаться с друзьями, потерял инте-

рес к прежним увлечениям, в отношениях с родителями проявлял агрессивность. Стал бродяжничать, писать стихи непонятного содержания, в школе отмечались случаи необъяснимой жестокости в отношении одноклассников, желание их унижить. Окончив школу, поступил в высшее военное строительное командное училище, где вполне успешно учился. Со слов родителей, с этого времени каждой весной поведение резко менялось, отмечались выраженные колебания настроения, повышенная возбудимость, агрессивность, склонность к бродяжничеству. Сам объяснить свое поведение не мог, жаловался, что его «толкала внутренняя сила, действовал как будто под гипнозом». По просьбе родителей консультировался у психиатра, патологии не выявлено. На втором курсе был отчислен из училища в связи с недисциплинированным поведением: имел 10 взысканий, был замечен в употреблении спиртных напитков, неуравновешен, вспыльчив, допускал самовольные отлучки. Направлен для прохождения службы в воинскую часть. Через полтора года восстановился в училище. Служивцы характеризуют его как вспыльчивого, высокомерного, хвастливого, изворотливого, скрытного, замкнутого человека. В разговорах допускал циничные высказывания в отношении женщин, был уличен в краже порнографических открыток.

В ходе беседы с психологом заметил, что психически больным себя не считает. В училище почувствовал, что «все отвернулись от него, смеялись над ним». Помнит все детали правонарушений, без смущения говорит о них, причин объяснить не может: «Я все хорошо помню, но не могу понять, почему я все совершил, о последствиях не задумывался».

По мнению Д. Грубина, сравнившего изученные характеристики серийных насильников и лиц, совершивших одно изнасилование, совпадают не только возрастные данные обеих групп. Сходство отмечалось и в их криминальном прошлом по несексуальным преступлениям, насилию, числу привлечений и приговоров, однако группы различались

по анамнезу сексуальных преступлений: в отличие от несерийных, около половины серийных преступников в прошлом имели сексуальные правонарушения. Кроме этого, применение оружия и связывание жертвы у серийных насильников встречалось чаще, а употребление алкоголя перед совершением преступления – реже.

Значительно чаще нарушения сексуальности встречались у серийных насильников, при этом у них наблюдались расстройства сексуального влечения (парафилии), как правило, вуайеризм и эксгибиционизм, более сильное влечение и субъективные трудности при контроле сексуальных потребностей и поведения. Несмотря на это, их отношения с женщинами в целом мало отличались от отношений однократных преступников: примерно четверть были женаты, $\frac{1}{4}$ имела достаточно долгое сожительство с определенной женщиной, которое продолжалось более года; около $\frac{1}{5}$ каждой группы были разведены или одиноки. По мнению Д. Грубина, серийные насильники отличаются от остальных типов насильников причиной правонарушений, которая связана с сексуальными моментами, в частности со значительными нарушениями в сексуальном поведении, а не с установочными или культуральными. Они представляют собой группу, которая совершает преступления независимо от культуры¹.

Серийные изнасилования по природе представляют собой ярко выраженные обезличенные побуждения – преступнику безразлично кого насиловать, т.е. его сексуальные переживания связаны не с личностью конкретной женщины, не с взаимоотношениями с ней, а с женщинами вообще. Обезличенность преступного полового акта обуславливается отсутствием жалости к жертве, внутренним сравнением ее с куклой, бездушным предметом. По этим причинам часто насильник стремится избежать какого-либо вербального контакта с жертвой, бессознательно боится почувствовать в ней живое существо, что может воспрепятствовать ему совершить задуманное. З. Старович подчеркивает, что «силь-

¹ См.: Серийные сексуальные преступления. С. 24.

нейшее действие как признак обороны жертвы оказывала на насильников простая попытка завязать разговор с преступником. Нередко сам факт словесного общения уже делает невозможным дальнейшее развитие событий, так как с этого момента жертва утрачивает образ женщины-фетиша и превращается в человеческую личность, переступить через которую многие преступники не в состоянии»¹. Подобные потребности не могут быть удовлетворены сексуальной связью с конкретными партнерами, интимная близость с которыми предусматривает первоначальный факт знакомства, что приводит к аномальному стремлению неоднократно совершать насильственные действия, возраст жертвы для преступника не имеет принципиального значения.

Некто И., 25 лет, впервые был привлечен к ответственности в 23 года за хулиганство, но уголовное дело было прекращено. Через год был направлен в командировку. В поезде, находясь в состоянии алкогольного опьянения, он предпринял попытку изнасиловать проводницу. Когда за потерпевшую пытался заступиться электрик поезда, И. нанес ему несколько ударов. Вернувшись из командировки, совершил в течение двух недель два изнасилования незнакомых женщин, проникая в квартиры и представляясь сотрудником милиции. Вечером, будучи в состоянии алкогольного опьянения, проник в квартиру незнакомой Т., 28 лет. Убедившись, что она одна, стал ее душить, принудил раздеться и совершил половой акт. Через полмесяца днем, заметив на улице 15-летнюю П., проследил ее до дома, позвонил в дверь и представился сотрудником милиции. Убедившись, что П. одна, схватил за шею, ударил по лицу и, угрожая убийством, изнасиловал.

На допросах, признав полностью свою вину, пояснил, что в течение 3 лет неоднократно совершал подобные нападения. С этой целью специально выходил на улицу в ночь с пятницы на субботу, так как это наиболее благоприятное время – много подвыпивших женщин, пресле-

¹ Старович З. Судебная сексология: Пер. с польск. М., 1991. С. 109.

довал выбранную жертву до ее квартиры, предлагал вступить в половую связь, при отказе пытался насиловать.

В детстве И. отличался вспыльчивым, капризным, раздражительным характером, любил настоять на своем. В школе учился посредственно, «не было интереса». Рано начал заниматься онанизмом, в подростковом возрасте периодически совершал половые акты с животными (овцами, коровами). Со слов обвиняемого, в деревне было мало девушек, успехом у них не пользовался, общения с девушками избегал, стеснялся. Учился в ПТУ; отслужив в армии, работал шофером. По месту работы характеризуется отрицательно – прогулы, опоздания. Вскоре женился, но через год по инициативе жены развелся – после свадьбы стал грубым, ревновал, скандалил, часто употреблял спиртные напитки; после чего демонстративно наносил себе порезы на руках и груди, имел любовниц.

В беседе с психологом обнаженно, порой цинично рассказывает о своих половых актах с животными, заявляет, что занимался этим «со всеми домашними животными и птицами». Вину в правонарушениях полностью признает, свои действия объясняет наличием повышенного полового влечения – «я не могу ничего с собой сделать, желание сильнее, чем сила воли». Подчеркивал, что ему хотелось «брать женщин именно силой». Отмечает, что испытывает постоянное половое желание, и поэтому стремится его удовлетворить. Сначала пытается найти женщину, если это не удастся, то заменяет ее животным. Хвастает, что «за ночь может совершить более 15 половых актов». По заключению судебно-психиатрической комиссии, у И. обнаружены остаточные явления органического поражения головного мозга (нейроинфекция, травма) с некоторой интеллектуальной ограниченностью и психопатизацией личности с повышенным сексуальным влечением и садистическими тенденциями (с заместительной зоофилией).

Отношение серийных насильников к совершенным ими правонарушениям практически не отличается от мнения тех, кто совершил несерийные. Мы столкнулись с различными

вариантами ответов обвиняемых на допросе у следователя и у специалистов при проведении экспертизы. В некоторых случаях позиция определялась в зависимости от того, выгодна ли она в данный момент обвиняемому. Мы старались придерживаться либо более поздней по времени, либо ориентировались на показания у экспертов. Две трети изучаемых (63) признали в той или иной степени свою вину, причем значительная часть (63%) не только полностью признала вину, но и рассказала о других, неизвестных эпизодах. В то же время 36 изучаемых, отрицая предъявленные обвинения, объясняли свое предполагаемое участие в противоправных деяниях по-разному: $\frac{1}{3}$ насильников заявила о прямой заинтересованности в этом правоохранительных органов (уголовные дела в отношении них якобы сфабрикованы), $\frac{1}{3}$ обвинила во всем потерпевших, считая, что те их оговорили. Остальные не стали приводить каких-либо аргументов в свою защиту, они просто отрицали свое участие в преступлениях. Тем не менее факт обвинения в нескольких преступлениях заметно снижает количество насильников, обвиняющих во всем потерпевших, что отличает данную категорию преступников.

Изнасилование – это, как правило, достаточно кратковременное нападение, фактор внезапности в данном случае играет решающую роль и помогает насильнику достичь цели с наименьшими затратами. В то же время отмечено, что характер поведения преступников при подготовке и совершении этих нападений имеет особенности и зависит от различных факторов. Так, подготовительные действия, направленные в отношении уже выбранной жертвы, или действия, совершаемые преступником в заключительной фазе, непосредственно перед тем, как скрыться с места преступления, имеют у разных преступников как сходства, так и различия.

В качестве основы представленной классификации мы предлагаем одну из таких особенностей, связанную с наличием и продолжительностью вербального контакта. Под вербальным контактом мы понимаем речевое обращение насильника к жертве, произошедшее до, во время и/или после сексуального нападения. Продолжительность контакта

может длиться от нескольких секунд до нескольких часов и зависит не только от особенностей личности насильника, но от места, времени, способа и других обстоятельств нападения. В то же время необходимо подчеркнуть, что в основе продолжительности речевого общения лежит коммуникативный признак индивида, поэтому ее необходимо отличать от продолжительности самого преступного деяния, в основе которого лежат иные факторы.

Классификация преступников на основе продолжительности вербального контакта выглядит следующим образом.

- Серийные насильники, которые либо игнорируют любой вербальный контакт, либо максимально его снижают. К данной категории относятся преступники, которые ограничивают свое общение с жертвой высказыванием угроз с целью либо подавить сопротивление жертвы, либо заставить ее отказаться от желания обратиться в правоохранительные органы. Удельный вес данной группы насильников составляет 60%, среди ее представителей высок процент неоконченных преступлений – более половины всех нападений были прерваны на стадии покушения.

Особенности данной группы: внезапность нападения обеспечивается, как правило, нанесением ударов руками и ногами или удушением сзади; преступник действует преимущественно в вечернее и ночное время, или сразу нападает из засады, или преследует, а затем нападает в подходящем месте; место нападения либо совпадает с местом совершения сексуальных действий, либо находится в непосредственной близости от него. В ходе нападения действия преступника обуславливались рядом особенностей – насильник не ищет обратной связи с жертвой, часто боится этого контакта, с этой целью иногда что-либо набрасывает на голову жертве или завязывает глаза, некоторые в темноте ослепляли жертву светом фонарика. Среди жертв подавляющее большинство составляли незнакомые насильникам женщины, но встречались единичные случаи нападения на малознакомых (например, жители одного села). Патопсихологические особенности личности этой группы насиль-

ников и соответствующий им образ жизни непосредственно повлияли и на характер поведения во время преступления — подавляющее большинство характеризовалось в прошлом как замкнутые люди, ведущие уединенный образ жизни. Кроме этого, в данной группе треть обвиняемых были признаны невменяемыми. Хотелось бы отметить основное, на наш взгляд, отличие от остальных насильников этой группы — среди них отмечен высокий процент действовавших с нарастающей агрессией (в два раза больше, чем в других группах).

- Серийные насильники, вступающие в кратковременный вербальный контакт, длительность которого, как правило, несколько минут. Удельный вес составляет 27%. К данной группе относят насильников, которые использовали короткое общение с целью усыпить бдительность потерпевших, например, при проникновении в чужие квартиры под различными предлогами, чтобы заставить жертву отвести в ее квартиру. Подобный контакт необходим насильнику и для того, чтобы подбодрить себя, присмотреться к жертве, выяснить некоторые подробности ее жизни, возможно, бессознательно почувствовать «запах» жертвы. Эти насильники не боятся показать свое лицо, некоторые жертвы им ранее знакомы. Сюда же мы относим тех, кто в ходе нападения вступал в словесный контакт, предложенный жертвой, поддался на уговоры потерпевших и проследовал за ними. Среди этой группы достаточно низкий процент покушений (30%), высок процент тех, кто не причинял потерпевшим телесных повреждений, крайне редко похищались предметы у потерпевших.

- Серийные насильники, достаточно длительное время общавшиеся с будущей жертвой, продолжительность контакта до нескольких часов. Удельный вес составляет 13%. Среди данной группы наиболее распространенным оказался способ доставления жертвы на место преступления с помощью обмана: насильник, уже имея умысел на изнасилование, знакомится с будущей жертвой, в некоторой степени вызывает у нее доверие, затем приводит ее (жертва добро-

вольно следует) к себе в дом либо в иное, как правило, заранее им облюбованное место, где и совершает насильственные действия. Иногда перед сексуальным нападением преступник совместно с жертвой употреблял спиртные напитки. В некоторых случаях жертва хорошо знала насильника, но в силу различных обстоятельств либо не заявляла о нападении, либо, заявляя, скрывала установочные данные преступника. Отличительные особенности этой группы насильников: высокий процент повторных браков, общительность в быту, самый низкий процент покушений.

По нашему мнению, классификация, составленная на основе особенностей поведения серийных насильников в ходе подготовки и совершения преступления, представляет интерес не только с криминологической точки зрения, но и с криминалистической и оперативно-розыскной, позволяя выявить взаимосвязь конкретных действий на месте преступления и особенностей образа жизни того или иного насильника.

1.3. Убийство как крайняя форма агрессивного поведения серийных насильников

Как уже отмечалось, ряд серийных насильников при совершении серии изнасилований производили такие действия, которые приводили к смерти потерпевших. Изучение личности и причин совершения таких действий представляет, на наш взгляд, особый интерес при анализе детерминационных особенностей и разработке профилактических мероприятий именно на данную категорию насильственных преступников.

Исследования сексуальных убийств показали, что наиболее целесообразно рассматривать подобные преступления только тогда, когда исследовательский интерес охватывает все возможные случаи противоправного лишения жизни, которые связаны с сексуальной жизнью человека, его взаимоотношениями, переживаниями и мотивами в этой сфере.

Исходя из этого, к сексуальным убийцам можно отнести преступников, чьи насильственные действия, причиняющие человеку смерть, обусловлены возможностью достижения ими удовлетворения, связанного с его сексуальной жизнью. По аналогии с определением сексуальных убийц к насильникам в широком смысле слова можно отнести тех преступников, которые совершили насильственные действия, направленные на удовлетворение потребностей, затрагивающих сексуальную сферу, но не доходящие до уровня причинения смерти.

Поэтому, исследуя группу насильников, которые в ходе серии изнасилований начинают совершать убийства, мы хотим понять причины, подтолкнувшие преступников изменить прежде всего способ достижения удовлетворения сексуальных потребностей, заставившие перешагнуть черту, проходящую между насилием, пусть даже в некоторых случаях и тяжелым, и убийством человека. На наш взгляд, такое преодоление даже применительно к насильственным преступникам не происходит просто так и непременно обуславливается серьезными, в первую очередь внутренними, причинами.

Одним из внешних показателей превращения насильника в убийцу является совершение им своих преступлений со все более усиливающейся агрессией, что совершенно отчетливо просматривается при общем анализе противоправного поведения серийных насильников. Тенденция определенного числа преступников к ужесточению действий, усилению агрессивных тенденций приводит ко все более тяжким последствиям. На наш взгляд, подобные преступники составляют отдельную группу, отличие которой от остальных насильников заключается в совершении ими преступных действий, которые мы определяем как совершенные с нарастающей агрессией.

Ученые по-разному определяют агрессию. Например, К. Имелинский считает, что садизм, агрессивность и жестокость в агрессивном поведении являются частью более широкого синдрома, в котором сексуальная потребность связана с потребностью властвовать и доминировать. З. Старович

рассматривает агрессивность как склонность к причинению иным лицам физического или морального ущерба. З. Фрейд определял агрессию как следствие сексуальной фрустрации (крушение, срыв, чувство глубокой неудовлетворенности). Лоренс, причисляя агрессию к одному из четырех основных инстинктов (половому, инстинкту перемещения, удовлетворения голода), рассматривает ее как биологически обусловленную врожденную форму поведения, которая в человеческом мире приобрела наиболее вредный и деструктивный характер. Причину большой агрессивности мужчин он видит в особенностях их гормональной системы, при этом агрессия у них выше в тех случаях, когда их отцы также являлись агрессивными субъектами. В американском словаре психиатрических терминов агрессия определяется как совершение «сильных физических, словесных или символических действий» против окружающих. Агрессия может выступать как социально приемлемой, например действия, защищающие свои права, так и социально неодобряемой, в том числе преступной. По мнению Г. Васильченко, агрессивность является атрибутом мужественности, связана с биологическими детерминантами и определяет маскулинное поведение.

Среди теорий причин возникновения агрессии можно выделить теорию многофакторной ее обусловленности. По данной теории агрессивное поведение человека связано с предрасположенностью к нему определенных темпераментов, а также с процессом научения агрессии. При этом считается, что постоянность сексуального поведения человека зависит от специфического восприятия ситуации. Если субъект получает сигналы, запороговые по отношению к типичной ситуации, и специфически их интерпретирует, то при наличии слабых механизмов контроля за поведением и закрепленных навыков реагирования агрессией на стресс, сложившаяся ситуация приводит к агрессивному поведению. Исследования позволили установить, что у агрессивных лиц отмечается слабая антистрессовая защита, неадекватная агрессивность, импульсивность, слабый самоконтроль, повышенная готовность к страху, сконцентрированность на на-

стоящем. Агрессивность определяется как склонность к причинению иным лицам физического или морального ущерба, при этом может быть как одной из черт патологического развития личности, так и одной из форм реакции человека на угрозу.

3. Старович обращает внимание на то, что среди совершивших изнасилования наблюдался «более высокий по сравнению с другими группами сексуальных преступников уровень агрессии и враждебности по отношению к женщинам»¹. Наряду с этим выявлялся страх перед женщинами, который был, «с одной стороны, обусловлен нарушениями в мужской роли/идентичности, а с другой – восприятием женщин как реального объекта угрозы уголовного наказания»².

Ю. Антонян и В. Гульдман, исследуя сравнительные характеристики агрессивности и жестокости, приходят к выводу, что агрессивные действия, являясь неотъемлемой чертой многих видов человеческой деятельности, в нравственном плане нейтральны, а потому не только не наказуемы, но и социально одобряемы. Под агрессивностью авторы предлагают понимать «реакцию личности на фрустрацию потребностей и конфликт, выражающуюся в субъективной тенденции к враждебному поведению, направленному к полному или частичному подавлению другого человека или других людей, их ограничению, управлению ими, на причинение им ущерба или страданий. Однако в отличие от жестокости причинение ущерба, страданий или мучений не является самоцелью, т.е. агрессивные действия не планируются и не совершаются ради ущерба, страданий или мучений»³.

С точки зрения Т. Дмитриевой и Б. Шостаковича, агрессивность следует рассматривать, с одной стороны, как обусловленную биологически (конституциональными осо-

¹ Старович З. Судебная сексология. С.203.

² Там же.

³ Антонян Ю.М., Гульдман В.В. Криминальная патопсихология. М., 1991. С. 125.

бенностями, свойственную личности черту характера) особенность нрава субъекта, имеющую во многом важное эволюционное значение для выживания вида, очевидно находящуюся у человека под контролем сознания и морально-этических норм, и агрессивное поведение субъекта, действия, базирующиеся на агрессивности и направленные на причинение физического, морального или иного ущерба людям или другим объектам окружающего мира, сопряженные с насилием против них, – с другой. Поэтому нередко можно говорить об агрессивно-насильственном поведении.

По мнению указанных авторов, личностные установки субъекта играют весьма значительную роль, особенно при объективно существующей психотравмирующей либо патологически интерпретируемой ситуации: в одних случаях они приводят к возникновению и даже к повторным однотипным агрессивным действиям; в других – препятствуют таким поступкам. При этом представляется очевидным, что существенное влияние на формирование агрессивного поведения и реализацию агрессии оказывают психопатологические проявления¹.

В качестве действий, совершенных с нарастающей агрессией, мы рассматривали случаи причинения тяжкого вреда здоровью, в том числе приведшие к смертельному исходу (в данную категорию вошли все преступники, в ходе серии изнасилований совершавшие убийства жертв), случаи нанесения ударов руками, ногами, какими-либо предметами, применение оружия, которое в предыдущих эпизодах служило только средством запугивания, иное более активно жестокое поведение. Главным критерием признания агрессии нарастающей послужило, по нашему мнению, совершение действий, более активных и жестоких в конце серии в отличие от первоначальных эпизодов, связанных как

¹ См.: *Дмитриева Т.Б., Шостакович Б.В. Психопатологические аспекты агрессивного поведения*//Материалы 2-й Междунар. науч. конф. «Серийные убийства и социальная агрессия» 15–17.09.1998 г. Ростов-на-Дону, 1998. С. 82.

с усилением сексуального возбуждения, так и со стремлением активнее подавить сопротивление жертвы.

А., 23 года, образование незаконченное высшее, по профессии инженер-экономист. Летом 1995 г. был привлечен к уголовной ответственности за драку, учиненную в состоянии алкогольного опьянения в общественном месте. В октябре того же года был осужден за хулиганские действия и приговорен к одному году лишения свободы условно.

В середине декабря того же года в 23 ч неожиданно сзади напал на возвращающуюся домой Л. и оттеснил ее к забору. После того как она закричала, ударил ее по лицу рукой, нанес несколько ударов кулаками в грудь и живот, угрожая убить, если будет кричать. Насильственными действиями причинил потерпевшей легкие телесные повреждения. Л. решила успокоить А. разговором, так как взгляд у него был «ненормальный, психически больного человека». Он заявил, что хочет совершить с ней половой акт, повел ее в подвал, расположенный рядом с местом нападения. По дороге Л. пыталась заговорить, но он, достав нож, приставил к ее шее и сказал, что она «достала» его своими разговорами. Заставив ее спуститься в подвал, попытался совершить вагинальный половой акт, но долго не мог добиться эякуляции. Она стала помогать ему рукой, но он в ответ начал кричать, что «все не так», достал нож, стал им размахивать, затем сдавил ей шею руками. Не сумев завершить половой акт, отобрал у нее кошелек, вывел из подвала и дошел почти до ее дома. По дороге сказал, что она у него первая женщина, которая не кричала во время полового акта, а он хотел этого.

27 января 1996 г. в 23 ч аналогичное нападение совершил на К.: обхватив сзади руками, затащил в подъезд, толкнул под лестницу, приказал «снимать штаны». Решив его обмануть, К. предложила ему совершить половой акт у нее дома. Они стали подниматься по лестнице, но он, догадавшись, что она хочет позвонить в первую попавшуюся квартиру за помощью, схватил ее за шею и потащил в под-

вал. Когда она попыталась закричать, сильно сдавил ей шею, отчего она потеряла сознание. Очнувшись, поняла, что А. совершает с ней вагинальный половой акт. Через некоторое время он прекратил свои действия, не сумев закончить их семяизвержением. Забрав украшения и сумку, из подвала ушел. При медицинском осмотре у потерпевшей обнаружено сотрясение головного мозга, ушибы лица.

15 марта, вечером, находясь в состоянии алкогольного опьянения, стал преследовать Н., предложил проводить ее домой. Она отказалась, но он, продолжая настаивать на желании познакомиться, зашел с ней в подъезд, а затем в лифт. Под угрозой ножа отобрал украшения, но тут же заявил, что вернет их, если она совершит с ним половой акт. Потерпевшая, сделав вид, что согласна, предложила это сделать у нее дома, так как якобы живет одна. Когда они, поднявшись на нужный этаж, позвонили в квартиру, то дверь открыл муж потерпевшей. Увидев это, А. бросился бежать на улицу, но, увидев, что его преследуют, повернулся к нему лицом, достал нож и предложил драться.

Спустя 4 часа обвиняемый совершил нападение на К.: обхватив одной рукой за шею, другой приставил нож к шее жертвы. Потерпевшая сумела вырваться, но он догнал ее, вырвал из руки сумочку и сильно толкнул К. в спину, отчего она упала на землю.

В тот же день примерно через час он, преследуя ранее незнакомую Б., предложил совершить половой акт. Она попыталась вырваться и убежать, но он догнал ее, толкнул в спину и нанес удар ножом в живот. Б. стала звать на помощь, попыталась подняться, тогда он нанес ей второй удар ножом в спину, причинив потерпевшей тяжкие телесные повреждения в виде двух проникающих ранений в область живота и грудной клетки.

На допросе по первому и второму нападениям заявил, что эти эпизоды не помнит, удивлен показаниями Л., так как женщин ему всегда хватало, но потерпевшей верит. Все эпизоды, совершенные 15 марта, категорически

отрицал, заявляя, что в это время спал на скамейке в детском саду.

Отец и бабка со стороны отца злоупотребляли алкоголем. Отец – жестокий, требовательный, в семье часто учинял скандалы. Воспитанием сына занимались оба родителя, часто «пороли за провинности». В младшем возрасте во время игр предпочитал роль «скрытого лидера», был общительным, имел много друзей. В школе больше нравились гуманитарные предметы, особенно история. В 11 лет А. был сбит автомашиной, в результате чего получил закрытую черепно-мозговую травму с ушибом головного мозга легкой степени, переломы плеча, бедра и голени, шок 3-й степени. В тяжелом состоянии был доставлен в больницу, где в течение двух месяцев проходил курс лечения. После перенесенной болезни ухудшилась память, появились головные боли, головокружение, снизилась успеваемость. В 9-м классе начал заниматься боксом, но после появления головных болей занятия бросил. В 15 лет, упав с мотоцикла, повторно получил черепно-мозговую травму, две недели находился на больничном листе в связи с сотрясением головного мозга. С 18 лет стал употреблять спиртные напитки, в состоянии алкогольного опьянения часто происходили провалы в памяти. После окончания 8 классов учился в ПТУ на газосварщика, после окончания училища поступил на вечернее отделение технологического института, одновременно работал водителем, затем охранником. Учеба давалась с большим трудом, не мог сосредоточиться, подводила память. По словам сожительницы, в состоянии алкогольного опьянения становился агрессивным, кидался в драку по малейшему поводу, порой поведение было странным – не узнавал родителей, пытался спрыгнуть с балкона 4-го этажа, наутро ничего не помнил. Ему нравилось быть в центре внимания. С определенного времени стал выдумывать, что у него много денег, золота, несколько квартир.

В ходе обследования сексопатологом было выявлено, что с 4 лет проявлял любопытство к строению женс-

ких половых органов, с 7-летнего возраста появился интерес к девочкам-ровесницам, в 13 лет ухаживал за одноклассницей. Первый половой акт, который провел в 14 лет с одноклассницей по ее инициативе, считает успешным. С этого времени стал совершать регулярные половые акты с той же партнершей, иногда по 3–4 раза в день. Через три года расстались, так как партнерша с целью усиления оргастических ощущений душила его, при этом теряла контроль над собой и стала проводить удушение чрезмерно. С 17 лет стал сожительствовать с девушкой своего возраста, но совершал «обычные» половые акты. По словам испытуемого, в этот же период стали перед сном появляться фантазии-видения полового акта с одноклассницей, которая его душила. Видения цветные, с обонятельными и осязательными ощущениями, иногда заканчивались оргазмом.

В ходе беседы с психологом А. пожаловался, что часто слышит голос девушки, которая якобы из-за него покончила с собой, видит ее, чувствует ее запах, занимается с ней в фантазиях сексом. С удовольствием рассказывает об увлечении буддизмом, читает свои стихи. Совершение правонарушений отрицает, ссылаясь на плохую память. Испытуемому характерны демонстративность суждений, зависимость поведения от средовых воздействий, поиски признания и успеха среди окружающих, легкое вживание в разные социальные роли, эгоцентризм, повышенная требовательность к окружающим.

Судебно-психиатрическая экспертиза обнаружила у А. остаточные явления травматического поражения головного мозга с эпилептиформным и истероформным синдромами.

Версию механизма возникновения насильственного способа реализации полового удовлетворения, в том числе и с садистическими тенденциями, предложил последователь З. Фрейда немецкий ученый В. Райх, создавший теорию сексуальной экономики, которая изначально отрицает биологический характер влечения к разрушению (деструкция). По

мнению Райха, любое проявление жизни связано с агрессией, которая не имеет ничего общего ни с садизмом, ни с деструкцией. Природа агрессии находится в проявлении жизни мышц и системы движения, а ее целью всегда является удовлетворение какой-то жизненно важной потребности. Поэтому агрессия не является влечением как таковым, а лишь необходимым средством для возбуждения любого влечения. В том случае, если проявления сексуальности не находят удовлетворения при сохранности стремления к его достижению, у индивида возникает импульс, направленный на получение этого удовлетворения любыми средствами. При этом агрессивная сторона влечения сначала заглушает сексуальную, а затем может ее заменить, став действием, разряжающим напряжение. Таким образом, предварительным условием садизма является «полная блокировка способности испытать естественное генитальное наслаждение»¹, а как половое извращение он является «смещением изначальных сексуальных импульсов со вторичными деструктивными»². В. Райх подчеркивает, что садизм в животном мире отсутствует и представляет собой приобретенное свойство человека.

Характерной особенностью сексуального садизма является наличие сексуальной дисфункции во время проведения девиантного акта. Объясняется это тем, что сексуальный акт используется садистами как средство унижения и контроля над жертвами. Сексуальное возбуждение и удовлетворение садисты получают от действий, которые унижают их жертвы, причиняя физическую и психологическую боль. К тому же многие садисты сообщают о сексуальной дисфункции и во время обычной сексуальной активности.

Трудно не согласиться с мнениями тех ученых, которые считают, что акт насилия включает и сексуальные, и агрессивные черты, взаимоотношения которых легли в основу представленной авторами классификации. В случае преоб-

¹ Райх В. Функция оргазма. СПб.; М., 1997. С. 123.

² Там же.

ладания агрессивных стремлений насильник стремится причинить жертве физический вред и унижение, уже получая от этих действий сексуальное удовлетворение. В других случаях преступник нападает, находясь в состоянии крайнего сексуального возбуждения, поэтому целью нападения является совершение конкретных сексуальных действий. Агрессивное поведение при этом играет роль способа достижения главной цели. Кроме этого, выделяют группу преступлений, где корыстно-агрессивные и сексуальные стремления максимально сближены. Это, как правило, случайные изнасилования, часто совершаемые в ходе иных преступлений, например грабежей или разбоев¹.

В группу серийных насильников, действовавших с нарастающей агрессивностью, входит каждый четвертый из изученных преступников – из 75 имеющих криминалистические данные по изучаемой позиции 19 действовали с нарастающей агрессией. Примерно такие же количественные показатели получил и Д. Грубин, выявивший среди изученных им 37 серийных насильников 11, действовавших с нарастающей агрессией². На наш взгляд, данная группа, представляя собой наиболее опасную категорию серийных насильников, максимально приближена по своим характеристикам к серийным сексуальным убийцам. Более того, эта группа насильников не только крайне близко стоит к категории сексуальных убийц, но и активно стремится занять среди них свое место – все десять насильников, совершивших в ходе серии изнасилований убийства, действовали с нарастающей агрессией. Можно предположить, что правоохранительные органы, своевременно разоблачив серийных насильников, действовавших с нарастающей агрессией, фактически обезопасили общество от потенциальных серийных убийц.

Комплекс причин, детерминирующих совершение серийных изнасилований, подробнее будет рассмотрен в последу-

¹ См.: Антонян Ю.М., Верещагин В.А., Потапов С.А., Шостакович Б.В. Серийные сексуальные убийства. М., 1997. С.16–18.

² Серийные сексуальные преступления. С. 22.

ющих разделах. Здесь же лишь схематично остановимся на тех факторах, которые обуславливают интеграцию серийных насильников в группу сексуальных убийц. В первую очередь нас будут интересовать субъективные истоки насильственных сексуальных действий, приводящих к смертельному исходу, поскольку именно преступник является носителем причин преступного поведения и их «выразителем», что и создает предпосылки привлечения именно данного человека к уголовной ответственности. Выбор человеком способа решения своих внутренних проблем с помощью насилия, т.е. в подавляющем большинстве случаев совершения действий против воли партнера, определяется его индивидуальными особенностями, опытом жизни, а также часто неосознаваемыми мотивами, реализация которых имеет для девианта крайне важное значение, порой связанное с целесообразностью его дальнейшего существования.

Как показывают исследования психологии преступного поведения для лиц, совершающих изнасилования, как правило, очень велика ценность женщины, но чрезмерна низка ее половая неприкосновенность, что заставляет испытывать к женщинам и тяготение и отвергание одновременно. При этом «чем глубже и травматичнее переживания в сексуальной сфере и межполовых отношениях, чем меньше они осознаются, чем стабильнее установки на отрицание половой неприкосновенности женщины, тем выше вероятность совершения изнасилований, в том числе повторных»¹.

Как показали исследования, для преступников, совершающих серийные изнасилования, важное значение имеет идентификация себя как мужчины, субъективный взгляд на свое положение в межполовых отношениях, при этом застреванность на сексуальной сфере в той или иной степени развития приводит не только к использованию сексуальных контактов как инструмента поднятия своего внутреннего статуса, но и к выделению данного критерия как главного и первостепенного при оценке тех или иных жизненных ситуаций.

¹ Антонян Ю.М., Голубев В.П., Кудряков Ю.Н. Изнасилования: причины и предупреждение. М., 1990. С. 43.

Свойственное многим преступникам обезличивание своих жертв еще более снижает ценность женщины как человека что в итоге приводит не только к дальнейшему обесценению ее половой неприкосновенности, но и ее жизни.

Если взять за основу разработанную ранее классификацию серийных сексуальных убийств, составленную в контексте их мотивации, то серийных насильников можно отнести ко всем перечисленным группам: убийство своих жертв, чтобы сломить их сопротивление и облегчить последующее сексуальное насилие; убийство с целью обеспечения собственной безопасности после совершенного изнасилования; убийство, когда преступник получает особое удовлетворение от мучений и агонии своих жертв, так называемое сладострастное убийство; убийства женщин до, во время и после совершения изнасилования, когда потерпевшие говорят или делают то, что воспринимается преступником как тяжкое оскорбление¹.

Рассмотрим некоторые характеристики серийных насильников, действовавших с нарастающей агрессией, и тех из них, кто совершал в ходе серии изнасилований убийства своих жертв, сравнивая эти показатели с общей группой серийных насильников, что позволит выявить отличительные особенности изучаемых.

Более половины убийств (59 %) было совершено на «открытых» местах – на улицах, в парках, скверах и в лесу, остальные в помещениях – в квартирах, подъезде, лифте. Необходимо отметить, что все серийные насильники, совершавшие преступления у себя в квартире, заканчивали их убийствами жертв, с которыми, как правило, были знакомы, что объясняется, с одной стороны, более тщательной подготовкой задуманного, с другой – повышенными мерами предосторожности и желанием скрыть следы совершенного (т.е. возможность быстрого разоблачения).

Среди тех, кто совершил убийства, процент покушений в два раза ниже, чем в основной группе серийных насиль-

¹ См.: Антонян Ю.М., Ткаченко А.А., Шостакович Б.В. Криминальная сексология. М., 1999. С. 262.

ников (19% против 40%), что говорит о наличии нацеленности и целеустремленности в доведении до конца совершенных деяний.

Абсолютное большинство (71%) убийств было осуществлено посредством удушения жертв руками или с помощью различных предметов (веревки, провода и т.п.). Далее примерно в одинаковой пропорции следуют нанесения тяжких телесных повреждений с помощью ударов руками, ногами (наносились многочисленные удары, приводившие к смертельному исходу) и проникающие ранения колюще-режущими орудиями, как правило ножом.

Большинство (82%) преступников, действовавших с нарастающей агрессией (в том числе и убийц), в момент совершения преступлений находились в состоянии опьянения — 70% алкогольного и 12% наркотического.

Примером такого поведения служат преступления В., 23 лет, совершившего 7 нападений на девушек и женщин в возрасте от 12 до 55 лет, причем последние шесть — в течение двух дней. Все нападения происходили в лесном массиве, в состоянии алкогольного опьянения. Нападая неожиданно сзади на проходящих по лесной тропинке женщин, насильник без какого-либо вербального контакта наносил жертвам многочисленные удары, причиняя тяжкий вред здоровью, затаскивал в глубь леса, где пытался совершить, как правило, вагинальные половые акты (три эпизода окончены). Об усилении жестокости в поведении с одновременным проявлением снижения сексуальной потенции свидетельствуют два последних эпизода. Так, в декабре, вечером В. напал на 53-летнюю Б., сильно избил ее и после того, как она потеряла сознание, совершил половое сношение. Потерпевшая от полученных повреждений скончалась. Возвращаясь с места убийства, встретил несовершеннолетнюю А., которую также сильно избил, а когда та потеряла сознание, раздел потерпевшую, после чего стал вводить пальцы рук во влагалище жертвы, повредив девственную плеву.

В ходе следствия В. полностью признал свою вину. Нападения объяснял возникавшим сексуальным возбуждением, при котором, однако, не всегда мог осуществить половой акт. В этом случае получал удовлетворение либо от разрыва пальцем девственной плевы, либо от обнажения тела жертвы, или от ее избиения. В некоторых случаях нападал «просто так» и только после того, как начинал избивать жертву, приходило «звериное состояние», возникало желание совершить половой акт.

В. родился в многодетной семье, четвертым ребенком из пяти детей. Отец был вспыльчивый, часто злоупотреблял спиртными напитками, мать – спокойная. В детстве переболел пневмонией, до 14 лет страдал ночным энурезом. В школе учился удовлетворительно, досуг проводил в компании сверстников. Увлекался резьбой по дереву, рисованием, участвовал в художественной самодеятельности. К учебе особого рвения не проявлял, отличался общительностью, отзывчивостью, бывал иногда строптив. Его было трудно переубедить, он твердо отстаивал свое мнение, среди товарищей пользовался авторитетом. С 6-го класса занимался боксом. Со слов испытуемого, его всегда привлекал бой с партнером, испытывал «неописуемое состояние» при ударах по телу, чувство азарта, когда не ощущал боли; если не сдерживал себя, то мог нанести сопернику тяжелые повреждения. После 10-го класса окончил курсы шоферов, работал автослесарем, по месту работы характеризовался положительно. Служил в армии, увлекался карате, конфу. После возвращения из армии работал на прежнем месте, характеризовался как скромный, спокойный, замкнутый. Со слов отца, В. сильно изменился после армии: стал грубым, вспыльчивым, замкнутым, начал злоупотреблять спиртными напитками. Со слов друзей, в состоянии алкогольного опьянения его тянуло к женщинам. С 21 года сожительствовал с Ф., которая была моложе его на 2 года. В 22 года был привлечен к уголовной ответственности по ст.145 ч.2 УК РСФСР, но дело было прекращено за недоказан-

ностью. Со слов испытуемого, он совершил избиение женщины, которая сама это избиение спровоцировала.

В ходе беседы с сексопатологом и психологом пояснил, что в армии подвергался СВЧ облучению, в этом видит причину повышенной раздражительности. С сожительницей практически ежедневно проводил половые акты, в первое время с эксцессами до 10 в сутки и пролонгацией до 1,5 ч с частой сменой позиций. В сексуальном плане сожительница удовлетворяла полностью, но имел других женщин, в том числе гораздо старших по возрасту и несовершеннолетних. Отрицает жестокость и насилие к партнершам. Однако со слов сожительницы известно, что В. был вспыльчив, груб, злоупотреблял алкоголем, избивал ее без причины, во время полового акта иногда кусал ее, делал больно, говорил, что «разорвет». Любил смотреть порнофильмы, фильмы ужасов, после чего возбуждался. На сожительнице хотел жениться, но помешали родители, так как та не могла длительное время забеременеть. Отмечает, что после службы в армии изменился. В основном его привлекали 30-летние женщины, что связывает с их «опытностью». Неохотно признает возможность агрессивных действий во время половой близости. Категорически отрицает правонарушения, считает уголовное дело сфабрикованным в отместку за неудачное обвинение в прошлом. Признание на следствии объясняет давлением со стороны правоохранительных органов.

Вот как оценил состояние подэкспертного сексопатолог: на основании материалов уголовного дела можно предположить наличие у В. сексуального садизма. Однако отрицание испытуемым подобных переживаний не позволяет категорически утверждать его наличие, дать клиническую квалификацию и оценить степень влияния на психологическое состояние и поведение.

Убийцы не придавали особого значения возрасту своих жертв – как правило, нападение происходило на женщин разного возраста. Большинство преступников призналось, что половое возбуждение возникало у них задолго до напа-

дения и значительно усиливалось либо при преследовании уже выбранной жертвы, либо в ходе подавления ее сопротивления, в том числе и во время нанесения ей ударов.

В основном убийцам диагностирован сексуальный садизм и раптофилия, эпизодически и в составе полиморфного парафильного синдрома встречается педофилия, эксгибиционизм и др. Причем 57% преступников признают у себя ненадлежащую сексуальную активность, но, как правило, относятся к этому равнодушно.

Помимо уже перечисленных различий в характеристиках серийных насильников и серийных сексуальных убийц существует еще одно, на наш взгляд, определяющее – наличие некрофилии. Некрофилия, как сексуальная парафилия, определяется как любой половой контакт с трупом. Еще Крафт-Эбинг, объясняя подобные отклонения, отмечал, что, с одной стороны, некрофилы примыкают к категории сластолюбцев-убийц, т.е. тех, кто совершает убийства и получает сексуальное удовлетворение от нанесения смертельных повреждений, от агонии жертвы, при этом часто происходят дальнейшие сексуальные манипуляции уже с мертвым телом. «В том случае, когда над трупом не предпринимаются никакие дальнейшие акты жестокости, вроде, например, рассечения и т.п., причину возбуждения, вызываемого в извращенном индивиде, нужно, по всей вероятности, искать в безжизненности трупа. Возможно, что труп, единственно представляющий сочетание человеческой формы с полным отсутствием воли, потому и удовлетворяет патологическую потребность видеть объект желания безгранично себе подчиненным, без возможности сопротивления»¹.

По мнению К. Имелинского, некрофилия представляет собой крайне редкую разновидность фетишизма, при которой роль фетиша играет мертвое человеческое тело, при этом может сочетаться с садистическими наклонностями и проявляться вампиризмом. Социально приспособленная

¹ Крафт-Эбинг Р. Половая психопатия, с обращением особого внимания на извращение полового чувства: Пер. с нем. М., 1996. С. 110.

форма парафилии может выражаться в повышенной заинтересованности кладбищами и умершими, но без обесчещивания трупов. Нередко «черты некрофилии могут проявляться в наклонности к сексуальным действиям со спящими людьми, с лицами в бессознательном состоянии или умирающими. Для большинства некрофилов мертвое тело является объектом влечения потому, что сексуальные действия с ним допускают свободу, которая немыслима в отношении живого человека»¹.

Для серийных сексуальных убийц в первую очередь характерен садизм с тотальным стремлением подчинить, разрушить и уничтожить все живое, переходящий в некрофилию с ее неодолимым влечением ко всему мертвому, гниющему, разлагающемуся. Для удовлетворения жизненно актуальных проблем серийным насильникам нет необходимости убивать жертву, т.е. у них не развиты в достаточной степени некрофильские черты, хотя и присутствуют отдельные элементы парафилии, которые, как мы видим, проявляются не только во всевозрастающем желании убивать свои жертвы, но и приводить потерпевших в бессознательное состояние и только затем совершать сексуальные действия уже с бессознательным телом.

Примером таких действий может служить преступное поведение некоего Щ., 28 лет, образование среднее, который в течение недели совершил два изнасилования (одно окончено), нападая на улице поздним вечером на проходивших женщин и угрожая ножом. За эти преступления Щ. был осужден на 7 лет лишения свободы, освобожден условно-досрочно через 4 года. После возвращения уже через год вновь предпринял попытку изнасилования при следующих обстоятельствах: в начале февраля 1992 г. поздно вечером догнал К., схватил за плечи, повалил на снег и, угрожая убийством, потребовал совершить половой акт. Преодолевая сопротивление потерпевшей,

¹ *Имелинский К.И.* Сексология и сексопатология: Пер. с польск. М., 1986. С. 302.

которая закричала, он надавил ей рукой на шею, отчего та потеряла сознание. После этого насильник, перетаскив тело потерпевшей, положил его в металлический ящик, где стал снимать с нее одежду, но в это время был задержан милицией. На следствии и на судебно-психиатрическом исследовании совершение правонарушений отрицал, ссылаясь на «голоса».

По данным обследования, Щ. с детства отставал в развитии, говорить начал после 3 лет, рос вялым, малообщительным, общался с детьми младше себя. По характеру формировался замкнутым, внушаемым. В школе учился плохо, без желания, дублировал 1-й класс. Отец часто ругал и бил Щ. за плохую учебу. Учителя предлагали перевести во вспомогательную школу. Тем не менее закончил 8 классов, работал слесарем, иногда употреблял спиртные напитки, после чего становился злобным, склонным к агрессивным поступкам. В 18 лет привлекался к уголовной ответственности за наезд на мотоцикле на пешехода. По заключению проведенной СПЭ был признан невменяемым с диагнозом «остаточные явления органического поражения ЦНС с выраженной степенью недоразвития интеллекта». Направлялся на принудительное лечение в психиатрическую больницу общего типа.

Рассмотрим некоторые характеристики личности серийных насильников. Нами отмечено примерно одинаковое (25–30%) представительство убийц и лиц, действовавших с нарастающей агрессией, в возрастных группах 18–25, 26–35, 36–45 лет и практически полное отсутствие их в несовершеннолетней группе (до 18 лет), что при сравнении с основной группой серийных насильников показывает значительный крен в сторону более старших возрастных групп. Средний возраст убийц и агрессивных приближается к 30 годам (составляет 29,6 лет) и значительно выше, чем в основной группе серийных насильников.

Можно отметить, что среди действовавших с нарастающей агрессией 40% преступников имеют неполное среднее образование; 32% – среднее; 21% – учатся или закончили высшие

учебные заведения. Очевидно, что нарастанию агрессии, в том числе приводившей к совершению убийств, способствовал либо недостаточный умственный уровень, связанный непосредственно с психическими аномалиями, либо развитые интеллектуальные способности использовались для более умелого сокрытия следов преступления, что продляло серию и со временем приводило к более тяжким последствиям.

Трудовая адаптация среди группы действовавших с нарастающей агрессией также отличается от основной группы серийных насильников: если среди общей группы неработающим был каждый седьмой, то среди агрессивных им уже был каждый четвертый. В то же время отношение работающих к своим обязанностям и их поведение на рабочих местах характеризовались практически так же, как и в основной группе серийных насильников: 77% имели положительные отзывы, 23% – отрицательные.

Данные об увлечениях свидетельствуют о том, что наиболее популярными (30%) были занятия активными видами спорта (бокс, штанга, восточные единоборства и т.д.), что говорит о недостаточной уверенности в своем полноценном физическом развитии и стремлении его восполнить, доказать, усилить свою маскулинность. Треть серийных насильников занималась коллекционированием порнографических изображений.

Насильников, состоящих в официальном браке, почти в два раза меньше, чем холостых. В то же время среди группы действовавших с нарастающей агрессией отмечается значительное количество лиц, состоящих в гражданском (имели сожительниц) и в повторном браке. Сравнение этих данных с основной группой насильников, где женатых было в три раза больше, чем состоящих в гражданском браке, свидетельствует, с одной стороны, о желании социально адаптировать свои сексуальные девиации через ведение совместной жизни, а с другой – о серьезных препятствиях для нормального осуществления этого процесса.

В быту убийцы отличались уединенным образом жизни (30%), но в отличие от основной группы были менее

заметны, у них не отмечены какие-либо особенности (38%). Несексуальная агрессия в большинстве случаев была направлена на знакомых-сверстников (39%), причем выражалась она либо в форме нанесения побоев и телесных повреждений, либо, встречая ответный отпор, перерастала в драку.

Характерным показателем уровня криминогенности той или иной личности является совершение преступлений в прошлом (криминальный анамнез). По нашим данным, 63% из действовавших с нарастанием агрессии ранее привлекались к уголовной ответственности, подавляющее большинство (65%) – привлекались за насильственные сексуальные посягательства, при этом половина тех, кто повторно привлекается за совершение серии изнасилований входит в группу агрессивных.

Многие исследователи отмечают, что серийные преступники от преступления к преступлению приобретают больший криминальный опыт. При этом изменение характера действий, как правило, происходит по двум «сценариям»: либо преступник все более умело скрывает следы преступления, в том числе убивает свои жертвы, избавляясь от свидетеля, и таким образом длительное время избегает задержания, либо его «криминальная карьера» приобретает оттенок нахальства и цинизма, характеризуется безнаказанностью, что в ряде случаев приводит не только к стремлению использовать такие способы нападения и пресечения сопротивления, которые позволили бы максимально быстро приводить их в бессознательное состояние, но и к желанию ужесточить свои действия в отношении жертвы, подвергая ее все более усиливающемуся мучению.

В том случае, если девиант на протяжении длительного времени не может избавиться от своего влечения, например, обращаясь за медицинской помощью, или найти социально приемлемый путь удовлетворения своего влечения, что приводит к необходимости обеспечивать свое существование за счет совершения противоправных действий, можно говорить о приобретении им профессиональных навыков совершения насильственных нападений, ко-

торые позволяют совершать подобные деяния на протяжении достаточно длительного времени, в том числе и после отбывания наказания за них.

Приобретение криминального опыта может происходить как с внутренних позиций, т.е. в ходе совершения серии, от преступления к преступлению, так и с помощью внешних факторов, т.е. в криминогенной среде, в первую очередь в местах лишения свободы. Несомненно, что в качестве своеобразной «школы» необходимо рассматривать информацию, которую получает преступник во время нахождения в следственных изоляторах, в местах лишения свободы. Более того, как показывает статистика, рецидивное поведение ранее судимых отличается большей склонностью к совершению убийств и причинений тяжких телесных повреждений, чем к совершению изнасилований, не отягощенных такими последствиями.

Сложность в установлении межличностных связей, трудности адаптации в исправительных учреждениях, необходимость не только противостоять агрессивной среде, но и занять там подобающее место, иногда и недостаток доказательств, собранных на предварительном следствии и в суде, приводит к тому, что у насильников, отбывающих наказание, вырабатывается активная защитная позиция, заключающаяся в их убежденности в собственной невинности и переносе причин совершившегося на пострадавших женщин, еще более усиливая в отношении них негативные «ненавистнические» тенденции.

Некто Т., 31 год, был впервые осужден в 18 лет на 2 года лишения свободы с отсрочкой исполнения приговора за то, что в состоянии алкогольного опьянения напал на незнакомую женщину, угрожая убийством, отобрал 30 копеек, затем повалил на скамейку и пытался приподнять полы одежды. В том же году был призван в армию, но через три месяца совершил побег из части, в связи с чем обследовался в психиатрической больнице. На основании диагноза «психопатия (неадекватная служба)» был освобожден от прохождения службы. После возвращения

домой работать отказывался, с родителями стал злобным, убегал из дома. Через полгода вновь был осужден, на этот раз на 3,5 года, за совершение трех нападений на женщин, которых пытался насилловать (одно изнасилование окончено), угрожая отверткой. Вскоре после освобождения в 1988 г. вновь совершил три аналогичных нападения, при этом одну из потерпевших ударил ножом в живот, пытаясь сломить сопротивление, за что был осужден на 7 лет лишения свободы. Освободившись в 1995 г., работал маляром, характеристика с места работы положительная, женился. Жена характеризовала его как доброго и спокойного человека, странностей не замечала. Через год совершил четыре нападения при следующих обстоятельствах: днем, подходя к незнакомым девушкам, вступал в короткий словесный контакт, затем неожиданно для потерпевших зажимал им рот рукой, затаскивал либо в подъезд, либо в подвал, где пытался насилловать. Три нападения совершил на девочек 12–13 лет, четвертой жертвой стала женщина 33 лет, которую Т. затащил на чердак, где совершил половой акт во влагалище. После того как потерпевшая стала кричать и звать на помощь, задушил ее и похитил часы.

Т. воспитывался в благополучной семье – отец не пьет, занимался воспитанием детей, строгий, серьезный, но впоследствии «потерял влияние на сына». Мать спокойная. После перенесенной в 4 года травмы головы стали замечаться странности в поведении, убегал из дома. Формировался тихим, замкнутым, легко ранимым, драться не любил. В школе успеваемость плохая, дублировал 1-й класс, учиться не хотел, характеризовался как неактивный, замкнутый, осторожный, друзей не имел. После ссор с отцом убегал из дома, причину объяснить не мог, блуждал несколько дней, уезжал в другие города, воровал. После 8-го класса учился в ПТУ, но вскоре бросил «из-за конфликтов со сверстниками».

Первый половой акт совершил в 15 лет, оценивает как успешный, после этого эпизодические половые контакты с

доступными женщинами. Примерно с 17 лет стал часто выходить гулять без определенной цели, при виде понравившейся женщины чувствовал дрожь в теле и сердцебиение, преследовал, испытывал желание напасть, появлялась мысль «совершить с ней во что бы то ни стало половой акт», все остальное становилось безразлично. Сразу после правонарушения в течение часа «на душе становилось легко», появлялась «бодрость и легкость», через некоторое время наступало раскаяние, страх, мысли о наказании, но никогда не боролся со своими желаниями. Утверждает, что желания убивать не было, но пришлось это сделать, когда потерпевшая стала кричать, оцарапала его. По результатам судебно-психиатрической экспертизы обнаруживает признаки органического поражения головного мозга (ОПГМ) сложного генеза (травматического, интоксикационного) с эпилептиформным синдромом, по мнению сексопатолога, испытываемый страдает парафилией в форме раптофилии.

Рассмотрим некоторые особенности личности изучаемой категории насильников, сформировавшихся в результате психических и сексуальных расстройств. Влияние подобных аномалий на выбор девиантом криминального решения своих проблем является весьма значительным, хотя и не фатальным. Анализ динамики психопатологических расстройств позволяет выделить два типа серийных сексуальных убийц: «Один с постепенным нарастанием расстройств влечения от невыраженных форм садизма до значительных, вплоть до формирования некрофилии; второй – с появлением и постепенным нарастанием неагрессивных форм расстройств сексуального влечения, к которым присоединяются и замещающие их агрессивно-садистические проявления»¹.

Обобщение результатов экспертных оценок показало, что соотношение вменяемых и невменяемых среди действовавших с нарастающей агрессией примерно такое же, как и в основной группе: 77% признаны вменяемыми, 23% – не-

¹ Антолян Ю.М., Ткаченко А.А., Шостакович Б.В. Криминальная сексология. С. 285.

вменяемыми. Среди тех, кто совершил убийства, процент невменяемых оказался более низким – 11% совершали преступления в состоянии хронического психического заболевания (олигофрения). У подавляющего большинства вменяемых (86%) диагностировано органическое поражение головного мозга, которое часто встречается с отягощением эпилептиформным синдромом. У остальных выявлена психопатия. Среди признанных невменяемыми основными заболеваниями установлены олигофрения и шизофрения.

Для личности преступников, сформированной под воздействием органической патологии, характерен психофизический инфантилизм, нерешительность и робость, сложность контактов с окружающими. Аномалии часто проявляются различного рода церебрastenической симптоматикой в виде головных болей, склонности к головокружению. У изучаемых групп выявлен повышенный процент страдающих соматической патологией, в первую очередь вегетососудистой дистонией. Так, если в основной группе серийных насильников соматические заболевания диагностированы у 44%, у большинства которых (57%) установлена ВСД, то у насильников, действовавших с нарастающей агрессией, соматическая патология имеется уже у 61%, из них 64% страдают вегетососудистой дистонией.

Дальнейшее прогрессирование аномалии может привести к психопатоподобным расстройствам, выражающимся в повышенной конфликтности, неуживчивости, вспыльчивости. Необходимо отметить негативное влияние органических аномалий и на углубление тяжести в проявлениях сексуальных расстройств. Причем в данном случае наблюдаются не только изменения количественного показателя (развитие полиморфной структуры парафилий), но и качественного (от менее криминогенных – вуайеризм, эксгибиционизм, к более криминогенным – садизм, раптофилия), что несомненно влияет на характер и частоту сексуальных преступлений.

Для страдающих психопатией свойственны слабые адаптационные возможности как в семье, так и вне дома, боль-

шинство не может приобрести достаточной квалификации. Близкие характеризуют их как людей эгоистичных, склонных к демонстративности, повышенной эмоциональности и фантазированию. Среди психопатов большой процент составляют преступники с изменением направленности полового влечения по объекту, как правило, педофильные посягательства на девочек.

Для насильников, страдающих эпилепсией, характерна полярность в поведении.

Некий М., 17 лет, ранее не судимый, совершил несколько сексуальных нападений при следующих обстоятельствах.

В середине июня 1994 г., днем, на берегу реки догнал несовершеннолетнюю Б., приставил к ее шее нож, затащил в кусты, где попытался ударить камнем по голове с целью прекратить сопротивление потерпевшей. Когда М., связав ей руки и ноги, ушел, поддавшись на уговоры потерпевшей «напоить ее лучше водкой», Б. сумела освободиться и убежала. В конце июня того же года он при аналогичных обстоятельствах напал на несовершеннолетнюю А., но та, предложив ему пойти к ней домой, сумела вырваться и убежать. В тот же день через два часа на берегу реки М. встретил ранее знакомую К., 17 лет, угрожая ножом, заставил ее выпить водку, после чего, подавив сопротивление, совершил вагинальный половой акт. Затем нанес потерпевшей 5 проникающих ножевых ранений, несколько ударов камнем по голове, обвязал ее шею ремешком от дамской сумочки и оттащил труп в камыши.

При изучении истории болезни матери установлено, что беременность и роды протекали без патологии. Воспитывался М. в основном матерью в условиях гиперопеки, был с ней эмоционально близок, со старшим братом до настоящего времени сохраняет враждебные отношения. По характеру формировался спокойным, уравновешенным. В школе учился средне, интересовала история, свободное время в основном проводил дома, помогал матери, в старших классах увлекся баскетболом. Отме-

чались конфликты с учителями, мог ответить грубостью на замечание. В 13 лет был поставлен на учет в ПНД в связи с перенесенными судорожными приступами с потерей сознания и обильным слюноотделением. Закончив 9 классов, поступил в ПТУ, где и учился до ареста.

В ходе беседы с сексопатологом и психологом М. рассказал, что впервые влюбился в 11 лет в девочку из соседнего дома, «изводил письмами», она пожаловалась взрослым, и те устроили скандал, после которого «охладел к ней». Нравились другие девочки, в том числе и будущая жертва, с которой пытался подружиться, но она отказала. С 12–13 лет после просмотров видеофильмов представлял половые акты с девушками, видел сны аналогичного содержания. Характер фантазий изменился с 16 лет, стали преобладать сцены насилия. С того же времени занимался мастурбацией, в ходе которой нередко представлял сцены насилия женщин с жестокостью и истязанием. В общении с девушками чувствовал себя «неловко и скованно», иногда старался задеть или ударить понравившуюся. После разрыва с первой девочкой в фантазиях избивал ее, после этого «на душе становилось легче». В порнофильмах особо привлекали и возбуждали сцены насилия. Правонарушения объясняет сексуальным влечением. Рассказывает, что в день убийства с утра испытывал половое возбуждение, «пошел в камыши, чтобы кого-нибудь изнасиловать и ограбить», но убивать не хотел. Пришлось убить, так как она угрожала заявить в милицию, кричала. Сожалеет о случившемся, но только в связи с неблагоприятными для себя последствиями.

Судебно-психиатрическая комиссия установила, что у М., признанного вменяемым, есть признаки эпилепсии с редкими судорожными припадками и изменениями психики на резидуально-органическом фоне. Сексопатолог установил у обвиняемого сексуальный садизм, дисгармонию пубертата.

Как мы видим, с одной стороны, поведение нападающего отличается недоброжелательностью, злопамятностью,

эмоциональной взрывчатостью, с другой — за достаточно короткий промежуток времени он успокаивается, поддается на уговоры, следует указаниям своей жертвы и т.д. При негативной динамике эпилепсия может привести к значительным изменениям личности, развитию злобности, повышенной агрессии, жестокости и сексуального садизма.

Заслуживает внимания типология сексуальных насильственных преступников, которую приводят английские ученые. По их мнению, значительную группу (около 75%) составляют «агрессивные», у которых проявляющаяся в отношении женщин агрессия может и не связываться прямо с мотивировкой сексуального удовлетворения. Во вторую группу (около 15%) входят «невротически возбудимые», которые не могут контролировать свои желания и потребности и действуют без учета возможного риска. Их агрессивность может быть направлена не только на женщин, но и на другие объекты, в том числе и на неодушевленные предметы. «Сексуальные садисты», по мнению этих исследователей, составляют наименьшую по количественному составу группу (6–7%).

Несколько иную по содержанию типологию представили Ю. Антонян, А. Ткаченко, Б. Шостакович, проследившие особенности динамики и характера девиантного поведения серийных сексуальных убийц¹.

Самой многочисленной (67%) оказалась группа убийц, условно названная «сексуальными агрессорами», характерной особенностью которых было постепенное нарастание расстройств влечений от неагрессивных форм до агрессивных. У подавляющего большинства констатировался сформировавшийся садизм, у остальных — его начальные формы. Длительность серии сексуальных нападений у таких преступников, как правило, не превышала одного года. Начиная совершать убийства, они уже не могли остановиться, число смертельных исходов нарастало лавинообразно.

¹ См.: Антонян Ю.М., Ткаченко А.А., Шостакович Б.В. Криминальная сексология. С. 283.

В качестве примера здесь можно привести поведение испытуемого К., 23 лет, обвинявшегося в ряде изнасилований и десяти сексуальных убийствах женщин.

Установлено, что в мае 1991 г. он совершил убийство М. при следующих обстоятельствах: работая водителем, подвез незнакомую девушку, которая голосовала на шоссе. По дороге познакомились и разговорились. К. предложил продолжить знакомство, на что М. согласилась. Отогнав машину в лесной массив и употребив спиртное, К. совершил с М. несколько половых актов, после чего, по показаниям К., девушка якобы потребовала деньги, а услышав отказ, пригрозила, что обратится в милицию. После этих слов на К. «накатило». Он оттащил девушку в лес, привязал к дереву и несколько раз нанес удары монтировкой по голове.

В сентябре того же года, угрожая ножом С., завел ее в лес, совершил насильственный половой акт, после которого по дороге в общежитие потребовал, чтобы она никому ничего не рассказывала. Заявления об изнасиловании она не подавала.

В том же месяце К. уговорил Ч. поехать к нему домой, где совершил с ней насильственный половой акт. Опасаясь угроз К., потерпевшая заявление в милицию не подала.

В ноябре 1991 г. напал на знакомую Д., нанес ей ряд ударов и, угрожая ножом, совершил насильственный половой акт. Потерпевшая пояснила, что знакома с К. с весны 1991 г. При знакомстве он назвался Олегом, но в тот же день сообщил, что Олег – это его прозвище, а настоящее имя – Дима. После знакомства в течение двух дней провожал ее с работы домой. На третий день он, увидев, как ее поцеловал в автобусе один из ее сослуживцев, начал предъявлять претензии, после чего несколько месяцев с ней не встречался. В день совершения преступления встретил Д. с работы, догнав, вытащил нож, нанес ряд ударов руками и потащил в сторону кладбища, при этом говорил, что если она не сделает, что он хочет, то

домой не уйдет. После совершения полового акта приказал ей привести себя в порядок и идти домой. Узнав о том, что потерпевшая подала заявление в милицию, уехал в г. Киев.

В Киеве, в течение января 1992 г. К. совершил одно изнасилование и 4 убийства. Всем убитым были нанесены множественные ножевые ранения с повреждением шеи, век, глаз, влагалища. Из показаний изнасилованной Б. известно, что К. познакомился с ней на улице и предложил погулять. По дороге он рассказывал, что у него «сильные родственники», а сам он руководит рэкетирями. Когда они проходили мимо стройки, завел ее в пустой дом, где, угрожая убийством, совершил насильственный половой акт. При этом внезапно начал избивать потерпевшую ногами, бил головой о стену, сказал, что не беспокоится о том, что она кому-то расскажет, так как он обычно «свидетелей не оставляет». После того как потерпевшей удалось вырваться и убежать, он ее не преследовал.

Из показаний 19-летней медсестры Г., с которой К. проживал в Киеве, установлено, что тот ежедневно с ней совершал чрезвычайно продолжительные половые акты, доводил ее до изнеможения, при этом говорил, что специально приучил себя затягивать половые сношения, чтобы получать большее удовольствие, настаивал на совершении половых актов в орально-генитальной форме. По ее словам, К. производил впечатление очень жестокого человека.

Вернувшись в Москву, в период с конца февраля по начало марта в течение одной недели К. совершил изнасилования и убийства еще 5 женщин.

После задержания дал признательные показания, во время следственных действий указал места, где совершались убийства. В период следствия дал чистосердечные признания, в которых сообщил о множестве (около пятисот изнасилований и 18 убийств) эпизодов изнасилований, которые совершал в различной форме, сопровождая их избиением потерпевших. Эти признания излагал

однотипными фразами и выражениями, при этом постоянно указывал на причинение боли жертве как важное условие получения полового удовлетворения.

В ходе допросов пояснил, что после каждого случая нападения раскаивался, но не мог контролировать себя, что-то происходило, его «клинило», испытывал «порыв бешенства, ощущение безвыходности положения». Подробно описывая свое поведение, предшествующее преступлению, настаивал на том, что не помнит, как наносил удары, в ряде случаев приходил в себя, уже находясь на определенном расстоянии от места нападения, обнаруживал в руках нож, возвращался по своим следам и натыкался на труп девушки. К. заявил, что сильно переживает из-за случившегося, но из-за сложившихся в жизни обстоятельств становился «как зверь», терял контроль над собой. Потерял веру в женщин после того, как его обманула знакомая девушка. Какое-то время сдерживал себя, а потом стал «сходить с ума», что выражалось в агрессии, возбуждении, «трудно было сдержаться, если перечили». Знакомясь с девушками, не замыслил убийство, но, когда они отказывали или говорили, что заявят в милицию, не мог себя контролировать.

Установлено, что К. в раннем детстве развивался правильно, рос нормальным ребенком, тяжелых заболеваний не переносил. Первоначально воспитывался обоими родителями, которые расторгли брак, когда К. было 6 лет. По словам К., очень переживал развод родителей. После их развода жил в новой семье отца, матери во встречах с ним было отказано. Подчеркивал, что с детства характер был самолюбивый, неуравновешенный, «все время пытался что-то доказать». Со слов мачехи известно, что характер К. имел спокойный, очень боялся отца, который нередко бил и наказывал его за привычку врать. Психических отклонений не обнаруживал. В школе начал учиться вовремя, успевал удовлетворительно. Обладал средними способностями, ему были свойственны неуверенность, упрямство, замкнутость. Учебой не интересовался,

книг не читал, вел довольно замкнутый образ жизни, близких друзей не имел. В возрасте 11–12 лет лечился по поводу отита. По словам отца, испытываемый в этот период был трусливым, часто врал, учился «из-под палки», по характеру был вспыльчивым, очень злым. Закончил 8 классов общеобразовательной школы, затем ПТУ по специальности модельщика. С 10-летнего возраста увлекался биатлоном, часто ездил на сборы. Товарищи по спортивной секции характеризовали его замкнутым, малообщительным. Близких друзей не имел, держался особняком, был флегматичным, заторможенным, но, если что-то задевало, «трудно было остановить», мог подраться, долго не успокаивался.

К. служил в армии. За период службы часто нарушал воинскую дисциплину, употреблял спиртные напитки, совершал самовольные отлучки. Оставался замкнутым, друзей не имел. По словам сослуживцев, в армии ходил «как неприкаянный, был каким-то тормозом», часто попадал на гауптвахту за пьянки, самовольные оставления части и драки.

После возвращения из армии работал водителем в разных местах, характеризовался одними сослуживцами грубым, несдержанным, другими – скромным, вспыльчивым, жадноватым. Иногда бывал агрессивен, если что-то происходило не так, как он хотел. По словам знакомых, часто обращал внимание на женщин, «был к ним неравнодушен». Если на улице нравилась какая-либо девушка, сразу «начинал к ней приставать».

В 20 лет лечился по поводу гонореи. Примерно через год лечился стационарно в районной больнице с диагнозом «тупая травма живота, повреждение серозной оболочки слепой и восходящей кишки». В больнице К. консультировал психиатр. Во время осмотра он отметил, что К. подавлен, выражение лица грустное. Пациент жаловался, что его преследуют мысли о том, что «не так зашили» и от этого будут спазмы. Высказывал уверенность, что его будут обязательно повторно оперировать. Был диагнос-

тирован «астено-фобический синдром у тревожно-мнительной личности».

По словам мачехи, после армии К. сильно изменился, стал более замкнутым, злым, эгоистичным, упрямым, «делал все назло». Слишком увлекался женщинами, не мог без них жить. Жаловался, что никому из родных, кроме бабушки, он не нужен. Говорил, что нравятся женщины старше него. Сосед К. по квартире характеризует его как человека делового, высокомерного, довольно осторожного и скрытного. Часто замечал, что К. носит с собой нож. Однажды услышал от него рассказ, как тот изнасиловал знакомую девушку после того, как увидел ее с другим парнем.

Знакомая отца обвиняемого рассказала, что июне 1991 г. случайно встретила К. около леса. Он сообщил ей, что давно ее ждет, уговаривал совершить половой акт, тянул в лес. Пытался выяснить, не является ли она любовницей отца. Заявлял, что изнасиловал ее, так как его привлекают женщины более старшего возраста и он всегда добивается того, чего хочет. Рассказал, что ему якобы изменила какая-то женщина, «пришел в бешенство», заявил, что будет мстить всем женщинам.

Знакомые женщины обвиняемого показали, что К. совершал половые акты в естественной и извращенной формах, обычно раз в неделю. Говорил при этом, что ему нельзя часто совершать половые акты, так как он занимается штангой и тратит на это много энергии. Был жестоким, ревнивым, не терпел, когда ему перечили, оскорблял, мог даже избить. Мог «завестись» по малейшему поводу, разряжался, ударяя кулаками о стену. На улице обращал внимание на хорошо одетых красивых девушек. Бывал неискренним, жестоким, но вместе с тем в сексуальных отношениях проявлял деликатность, агрессии и садизма во время половых актов не было.

Сексологическое обследование: первая эякуляция в 13 лет при ночной поллюции, после ареста – поллюции до 3 раз в неделю. Мастурбацию отрицает. В 8–9 лет стал чувствовать сильное влечение к женщинам. В возрасте

10 лет впервые влюбился в тренера-женщину, на ее занятиях старался выделиться, сделать все как можно лучше, «быть первым». Эпизодически отмечает эротические сновидения. Первый половой акт совершил в 16 лет с женщиной, которая была старше на 5 лет. С 16 лет почувствовал необходимость нравиться женщинам, перед выходом на улицу долго простаивал у зеркала, приводя себя в порядок. Хотел иметь более мужественную внешность, стал заниматься штангой, в течение трех месяцев употреблял анаболические препараты. Следил за изменением очертаний и массы тела, ростом мышц. С 17 лет при интимных отношениях с женщинами стал применять пролонгированный половой акт. По его словам, уже через два месяца мог задержать эякуляцию до 3 – 4 ч, незадолго до привлечения к уголовной ответственности продолжительность полового акта К. составляла в среднем 2 ч. Максимальный эксцесс – 12 половых актов в сутки – якобы имел место в возрасте 17–18 лет. До призыва в армию общался только с женщинами старше него, с ними было «проще находить общий язык». В период службы тяжело переживал отрыв от гетеросексуальных связей, когда возникало желание, мог «наплевать на все», часто самовольно уходил из части, за период службы якобы имел примерно 70 связей с женщинами. После армии обычно совершал 3–4 половых акта за сутки, часто менял партнерш. Иногда, несмотря на длительность полового акта, не мог завершить его и достичь эякуляции, однако не переживал по этому поводу, поскольку основное удовлетворение получал не от оргазма, а от реакции партнерши – нравилось, когда они выражали свои чувства, стонали, кричали, стремился причинить им боль. Если женщина жаловалась на болевые ощущения и просила прекратить половой акт, не мог остановиться, становился «как робот», прибегал к силе, бил ее. Подчеркивал, что если женщина его привлекала, то его не интересовало, хочет ли она совершать половой акт или нет, заставлял ее, иногда избивал.

По заключению сексопатолога, у К. обнаружено садистическое сексуальное влечение на фоне дисгармонии психосексуального развития с проявлениями задержанной эякуляции.

Во время освидетельствования у психолога установлено, что в начале беседы держится оппозиционно, раздражителен, вспыльчив, допускает оценочные высказывания в адрес окружающих, несдержан. Затем успокаивается, становится более мягким, однако на вопросы отвечает избирательно, умалчивает об отрицательно характеризующих его фактах. О своем прошлом сообщает последовательно, в хронологическом порядке, иногда ссылается на запомывание отдельных деталей. Жалуется на головные боли, подчеркивает, что после возвращения из армии неоднократно переносил ушибы головы. Отмечает, что бывают приступы сердцебиения, тревоги, которые он пытается снять, принимая валериановые капли. Считает себя очень добрым, ранимым, отзывчивым, никогда не вступает в драки и конфликты с окружающими. Утверждает, что злым и жестоким стал по вине других. Так, от него отказалась родная мать, рос одиноким, никому не нужным, с болью говорит, что незадолго до совершенных им преступлений ему изменила его девушка. Говорит о том, что с тех пор возненавидел женщин.

Все женщины, с которыми он общался до армии, были старше него, потому что с ними чувствовал себя уверенно. Настаивает на том, что если бы знакомая девушка не заявила на него в милицию об изнасиловании, то он не совершил бы остальных убийств. Рассказывает, что с того момента, как начал скрываться, чувствовал себя «как загнанный зверь», переживал, что не может увидеть родных, постоянно испытывал тревогу. Было еще труднее себя сдерживать, не мог контролировать свои поступки. О правонарушениях говорит неохотно, ссылаясь на плохую память. Однако достаточно подробно рассказывает, как знакомился с девушками, приглашая их погулять или предлагая проводить. С некоторым оживлением говорит, что

«искал девушек изящных, похожих на кошечек», именно такой была обидевшая его знакомая. С одной стороны, именно такие женщины ему нравились, с другой – был зол на них. Утверждает, что, знакомясь, не хотел их убивать, но, если девушка отказывалась вступить с ним в близость и оказывала сопротивление, приходил в ярость. Заявляет, что не помнит, как наносил удары. После ареста «был в шоке», не мог прийти в себя, не знал, какие давать показания, не понимал, чего от него хотят. Чтобы от него «отстали», дал ряд показаний об изнасилованиях и избиениях.

Настроение К. снижено, обеспокоен дальнейшей судьбой. Эмоционально неустойчив, вспыльчив, склонен к внешне обвиняющим формам реагирования, однако способен контролировать поведение. Мышление последовательное, логичное. Психопатологической симптоматики (бреда, галлюцинаций) нет. Критически оценивает свое состояние и сложившуюся ситуацию.

Судебно-психиатрическая экспертная комиссия пришла к заключению, что у К. обнаруживаются психопатические черты характера. Садистическое сексуальное влечение влияло на поведение обследуемого в момент совершения им инкриминируемых деяний, однако оно не сопровождалось клиническими признаками психопатологических состояний, которые лишали бы его способности осознавать характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. Поэтому К. в отношении содеянного экспертная комиссия рекомендовала считать вменяемым.

Вторую группу (14%), названную «скрывателями», составили преступники, которые совершали убийства, как правило, в состоянии опьянения, с целью сокрытия совершенного изнасилования или в контексте свойственных им агрессивнo-садистических тенденций в целом. Большинство этих преступников были ранее судимы за сексуальные посяательства, продолжая после освобождения вести асоциальный образ жизни.

В особую группу (19%) вошли так называемые «типичные маньяки», у которых наблюдалось длительная транс-

формация расстройств влечений в течение нескольких лет. Садистические тенденции, формируясь постепенно и последовательно, все более усиливались, приводя к убийствам. Для большинства обследованных характерно формирование сверхценных идей своеобразного мировоззрения, отражавшего их отношение к своей сексуальной девиации. Содержание этих идей было схожим у разных типичных маньяков, и в известной степени они носили характер самооправдания своих поступков. Достаточно часто относительная размеренная преступная активность типичных маньяков нарушается, происходит нарастание частоты девиантных актов.

К наиболее кровавым и жестоким даже среди всей категории убийц на сексуальной почве относятся те из них, которые достигают удовлетворения (и даже оргазма) только тогда, когда причиняют своим жертвам мучения и телесные повреждения, вызывая таким образом особое психологическое и эмоциональное состояние. При этом смерть часто не является целью преступника, она лишь крайний, наиболее тяжелый результат совершения таких действий, иногда даже нежелательный для насильника. В то же время смерть может быть закономерным результатом, к которому неизбежно влечет определенную часть насильников.

Физиологическое и психологическое осознание девиантом подобного состояния, как единственно возможного для получения необходимого удовлетворения, делает практически невозможным найти какие-либо социально адаптированные заменители. «Нормальные интимные отношения с женщинами (в частности, с женой) не дают столь мощной разрядки и не могут конкурировать с патосексуальным поведением. Достижение патосексуального состояния приобретает самостоятельный личностный смысл и начинает выступать как самостоятельный мотив поведения, что свидетельствует о замыкании патологической функциональной системы, которая лежит в основе «феномена Чикатило»¹.

¹ Михайлова О.Ю. Психологический анализ патосексуального состояния//Серийные убийства и социальная агрессия: Сб. 1998. Ростов-на-Дону, 1998. С. 174.

По мнению А.О. Бухановского, в основе подобного поведения лежит измененная, патологическая форма функционального состояния, получившего название патосексуального, приводящая к развитию обсессивно-компульсивной сексуальной агрессии. Особенности подобного состояния позволили описать его как «феномен Чикатило». Физическая зависимость при развитии феномена, детерминирующая повторность преступлений, обуславливается компульсивным влечением к сексуальному садизму, состоянием психофизического дискомфорта вне патосексуальной ситуации и возможностью снять его при ее возникновении.

Это состояние проявляется как субъективное переживание высокого уровня эмоционального напряжения, обусловленного сексуальным возбуждением; характеризуется суженностью сознания, заключающегося во фрагментарном и отрывочном восприятии. Представляет собой мощную психофизиологическую разрядку и сопровождается специфическими изменениями поведения, проявляющимися в стереотипизации. В действиях девианта резко усиливается энергетика, движения приобретают стремительный характер и выполняются с большей, чем в обычном режиме, силой.

Момент возникновения и процесс нарастания состояния характеризуется спонтанностью и практически не имеет ситуационной зависимости. Тем не менее внутреннее ощущение предстоящей развязки усиливает глубину состояния и стимулирует поведение девианта на поиск благоприятной ситуации и уже само по себе нормализует дискомфортное психическое состояние.

В то же время достаточно часто, особенно на начальном этапе формирования и развития, патосексуальное состояние внутренне отвергается индивидом и переживается как нечто чуждое и неприемлемое. Свойственная этому состоянию навязчивость заставляет постоянно мысленно к нему возвращаться, обыгрывая в различных деталях, что в конечном счете и конструирует общую схему поведения при

реализации этих фантазий, превращая ее в систему многократных повторений. Как правило, данная общая схема поведения в ходе совершения преступления индивидом не осознается и не контролируется, что отражается в повторяющихся оставленных следах.

Указывая на этапность развития садистического влечения, выделяют продормальную стадию, в ходе которой девианты не предпринимают активных действий, а ограничиваются фантазированием и сновидениями. Появление признаков первой стадии сексуального садизма вызвано снижением эффективности внутренних воздействий, что явилось причиной возникновения поведенческой активности, как правило, в социально приемлемых формах. На завершающей стадии наступает физическая зависимость с полным подчинением парафильным проявлениям. Происходит оскудение личности с одновременным снижением сексуальности, которая, становясь аутоэротичной, фактически обезличивает партнера.

Таким образом, рассмотренные примеры позволяют проследить наличие у определенной группы сексуальных насильников внутренних причин, которые обуславливают склонность к совершению все более агрессивных действий, в ряде случаев неминуемо заканчивающихся смертью для пострадавших.

1.4. Уголовно-правовые аспекты серийных изнасилований

Согласно действующему уголовному законодательству серийные изнасилования в самом общем виде трактуются как неоднократные умышленные противоправные деяния, за которые предусмотрена ответственность по ч. 2 ст. 131 УК РФ.

Прежде всего необходимо отметить, что общественно опасные действия могут быть квалифицированы как серийные изнасилования лишь в том случае, если установлены

центральные признаки. Выделим два главных признака — совершение собственно изнасилования, т.е. насильственного полового сношения (ст. 131 УК РФ), как деяния оконченного либо прекращенного на стадии покушения. Кроме этого, подобные действия должны быть совершены не менее двух раз, т.е. в своей совокупности должны образовывать не менее двух эпизодов (ч. 2 ст. 131 УК РФ).

Состав изнасилования предполагает наличие субъекта, т.е. вменяемого физического лица, совершившего сексуальное нападение. Подобные посягательства могут быть совершены лицами обязательно мужского пола (специальный субъект), при этом уголовной ответственности подлежат только те из них, кто достиг возраста 14 лет к моменту совершения первого эпизода. В случае повторяемости преступлений субъект должен оставаться единым, т.е. одним и тем же для всех эпизодов нападений.

Жертвой (потерпевшей) изнасилования может стать лицо только женского пола вне зависимости от возраста. Одним из основных признаков серийных изнасилований является единый для всех эпизодов нападений объект. Серийными признаются те преступления, где объектом посягательства выступают охраняемые законом половая свобода женщины (т.е. ее право самостоятельно выбирать партнера) и половая неприкосновенность представительниц женского пола в случае посягательства на малолетнюю, несовершеннолетнюю или женщину, находившуюся в беспомощном состоянии. В соответствии с уголовно-правовой теорией данный объект является родовым, а по определению некоторых ученых — видовым¹. В качестве дополнительного объекта выступает нормальное физическое и психическое развитие малолетних и несовершеннолетних, их нравственное воспитание, а также жизнь и здоровье пострадавшей в случае причинения насильником вреда потерпевшей.

¹ См.: *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Общая часть. 2-е изд. М., 2000. С. 163.

Объективная сторона изнасилования имеет сложный (составной) характер и состоит из двух действий – применение насилия и совершение полового сношения. Центральной характеристикой каждого эпизода серийных изнасилований являются насильственные действия, совершаемые либо с целью непосредственного получения сексуального возбуждения или удовлетворения, либо с целью облегчить совершение сексуальных действий.

Для достижения своей цели преступник может использовать как психическое, так и физическое насилие либо в совокупности. Психическое насилие характеризуется не только реальностью совершения, но и незамедлительностью причинения вреда здоровью потерпевшей либо другим лицам.

Исследуя поведение потерпевшей в ходе сексуального нападения, З. Старович подчеркивает, что «об изнасиловании можно говорить только тогда, когда отсутствовало согласие жертвы на совершение имевших место сексуальных действий. При этом проявление согласия может носить следующую форму: истинное согласие, или сознательное участие в сексуальном акте без чувства вины; импульсивное согласие, или сексуальный акт, одобренный в настоящий момент, когда импульс позволил пойти на сближение, а позднее возникли сожаления о случившемся, ощущение униженности и вины; пассивное согласие, когда жертва не желает совершения акта, но и не препятствует его совершению, что расценивается другой стороной как проявление согласия»¹.

Принципиально не возражая против подобной классификации, необходимо отметить два существенных момента, связанных с толкованием последнего пункта. На наш взгляд, говорить о пассивном согласии можно лишь в том случае, если женщина, не желая сексуального контакта, сознательно допускает его, поэтому и не препятствует его совершению. Допуская в данных условиях половую близость, она должна иметь объективную возможность выразить свое

¹ Старович З. Судебная сексология. С. 106.

нежелание дальнейшего сближения. В противном случае мы имеем дело с беспомощным состоянием жертвы, т.е. с ее неспособностью сознавать происходящее либо оказать сопротивление. Разновидностями такого состояния принято считать физические недостатки, последствия болезни, обморок, глубокий сон, сильную стадию алкогольного или наркотического опьянения и т.д. Необходимо подчеркнуть, что неспособность оказать физическое сопротивление можно объяснить и воздействием на потерпевшую со стороны преступника или его сообщников.

Субъективная сторона серийных изнасилований характеризуется наличием прямого умысла, который вновь возникает у преступника с принятием решения на очередное нападение.

Специфичность мотивов, лежащих в основе совершения деяний серийными насильниками, часто затрудняет их выявление, изучение и коррекцию. «Истинные внутренние побуждения, реальные мотивы деяния оказываются глубоко скрытыми в сфере бессознательного и не осознаются этими лицами. Они с известной долей вероятности могут быть выявлены лишь при специальном психологическом исследовании смысловой сферы»¹.

На наш взгляд, в основе совершения этих деяний лежит сложная совокупность мотивов, определяемая не только физиологическими потребностями виновного. Навязчивый характер, стремление к систематическому совершению подобных действий свидетельствуют не столько о желании к повторному получению сексуального удовольствия (гедонизм), сколько о внутреннем дискомфорте, тягостности и напряженности, заставляющих изменить самооценку, повысить свой внутренний статус и самоутвердиться в собственных глазах. В данном случае сексуальная сфера, на которой происходит психологическое застревание индивида, выступает основным способом снятия тревожности и преодоления ощущения социальной изоляции, в связи с чем гедонический мотив приобретает роль стимулирующей составляющей.

¹ Кудрявцев И.А., Ратинова Н.А. Криминальная агрессия. С. 72.

Отсутствие в настоящее время единого научного понятия серийных преступлений и, как следствие, серийных изнасилований, дискуссионность разработанных рядом авторов и представленных к настоящему моменту определений, с одной стороны, а также необходимость высказать свое мнение по поводу данной проблемы, с другой стороны, обязывает нас представить на суд читателя обсуждение некоторых уголовно-правовых положений, связанных в том числе и с ранее изложенным криминологическим определением серийных изнасилований.

На наш взгляд, серийность, представляя собой многоэпизодные противоправные деяния, охватывается понятием множественности, является одной из разновидностей повторности преступлений и, следовательно, содержит присущие этим уголовно-правовым категориям признаки.

В то же время серийные изнасилования, представляя собой совершение тождественных преступлений, т.е. предусмотренных одной и той же статьей УК РФ, отличаются от совокупности (ст. 17 УК РФ), которая предполагает совершение преступных деяний, предусмотренных различными статьями и частями.

Важным аспектом сравнительной характеристики является признак прерывности, ставящий вопрос о временных границах серии и являющийся одним из элементов, отличающим серийность от остальных форм множественности. Если начало серии не вызывает каких-то сложностей, т.е. точкой отсчета считается факт совершения второго эпизода, то вопрос об окончании серии имеет несколько решений. П. Баранов предлагает в качестве серийных преступлений считать их неоднократное совершение, ни за одно из которых лицо, их совершившее, не было осуждено. В то же время автор обращает внимание на то, что «известны случаи, когда лицо, отбывшее наказание за серийные преступления, вновь совершает их. Соответственно возникает необходимость дальнейшего углубления теоретических исследований в сфере борьбы с серийными пре-

ступлениями против личности, в частности с серийными убийствами»¹.

Соглашаясь с данным выводом, считаем, что целесообразным признанием окончания серии является факт судебного установления вины преступника и его осуждения за серию преступлений, т.е. момент вынесения судебного решения. Тем не менее, как свидетельствуют результаты наших исследований, каждый десятый насильник продолжал совершать изнасилования после осуждения и отбытия наказания за аналогичные серийные преступления. Представляется, что подобные случаи подпадают под категорию рецидивных преступлений (специальный рецидив), поэтому совершение повторной серии после отбытия наказания должно иметь новый отсчет.

При сравнении серийности и неоднократности выявляется их почти полная идентичность. В то же время неоднократными тождественные или однородные преступления признаются в том числе и тогда, когда за одно из этих деяний лицо ранее уже осуждалось, но судимость при этом не была снята или погашена (ч. 2 ст. 16 УК РФ). Если окончанием серийного преступления считать факт осуждения лица за данные деяния, то понятие неоднократности в данном случае представляется более широким и, таким образом, охватывает понятие серии.

Признавая несколько преступлений серийными, мы наделяем их некоторыми элементами продолжаемого преступления, которое трактуется как состоящее «из нескольких тождественных или однородных деяний (действий или бездействий), каждое из которых является звеном единого преступного поведения, для которого характерен единый или схожий способ посягательства, единый источник (объект), наличие единой формы вины, единого мотива и направленность на достижение общей, единой цели»².

¹ Баранов П.П. Серийные убийства и социальная агрессия: теоретические и криминологические аспекты // Материалы 2-й Междунар. науч. конф. «Серийные убийства и социальная агрессия» 15–17.09.1998 г. Ростов-на-Дону. С.21.

² Уголовное право России/Под ред. И.Я. Козаченко. М., 1998. С.65.

Так же как и продолжаемое преступление, серия преступлений состоит из ряда тождественных действий, причем конкретное изнасилование оценивается и как отдельное преступление, и как эпизод в совокупности с другими аналогичными преступлениями. И в том и другом случае эти действия разделены временным промежутком, имеется единая форма вины, схожесть мотивов. В то же время при серийном изнасиловании деяния имеют внутреннюю разобщенность, и совершение каждого из них обусловлено вновь возникающим умыслом. На наш взгляд, новый эпизод — это прежде всего новое нападение, подготовительная часть которого основывается на формировании нового умысла на насилие, которое никак не связывается с предыдущей жертвой.

Особенности конкретного эпизода, входящего в серию изнасилований, относятся в первую очередь к насильственной стороне преступления, к особенностям нападения, к факту применения насильственного воздействия на жертву. Именно факт нового нападения, применения насилия формирует отдельный эпизод, становится его отправной точкой. В то же время и сексуальная часть преступления также может содержать серийные характеристики.

На наш взгляд, серийными нельзя признать изнасилования, совершенные поочередно с несколькими потерпевшими, одновременно зашедшими в какое-либо помещение (лифт, квартира) вместе с насильником (либо находящимися там в случае проникновения в помещение преступника), даже в том случае, если оно продолжалось достаточно длительное время. В данном случае речь идет о сформированности единого умысла на сексуальное нападение. Этим умыслом охватываются все лица, попадающие в поле зрения насильника, как правило, всем им причиняется ущерб, в том числе и моральный. Для квалификации отдельного преступления как эпизода, входящего в серию, не имеет значение, совершал ли преступник сексуальные действия со всеми участниками или только с одним из них, а остальные лишь присутствовали при этом. Внутри этого нападения происходит несколько повторных изнасилований, которые нельзя

признать как серийные. Очевидно, что серийные признаки в данном случае относятся не к этим изнасилованиям, а к сексуальному нападению в целом.

В то же время для серии вполне допустимо признание поочередного изнасилования женщин, которые заходили в тот же лифт через определенный, даже небольшой промежуток времени, но уже после окончания эпизода предыдущего нападения. В данном случае умысел у преступника возникает на повторное нападение и соответственно на повторное изнасилование, которое признается серийным, но формирование этого вновь возникающего умысла никак не связано с предыдущим эпизодом.

Не менее важным для определения преступлений серийными является рассмотрение вопроса, связанного с неоднократным изнасилованием одним и тем же конкретным субъектом одной жертвы. Необходимость выделения данного аспекта обусловлена достаточно часто встречающимися на практике случаями совершения половых насильственных преступлений в отношении родственников или близких. По нашему мнению, в данном случае решающее значение имеет отсутствие факта формирования нового умысла именно на сексуальное нападение. В силу данного положения нельзя считать серийными неоднократные насильственные сексуальные отношения между лицами, связанными родственными или семейными отношениями (отец — дочь, отчим — падчерица, дядя — племянница, брат — сестра и т.д.), поскольку формирование умысла на нападение было единовременным, направленным на одну и ту же жертву, вне зависимости от количества проведенных половых контактов. В то же время мы допускаем, что потерпевшей может стать в очередной раз одна и та же женщина, повторное нападение на которую насильник может предпринять после совершения нескольких других эпизодов.

Трудно считать преступления серийными и в том случае, если преступник насилует (т.е. совершает неоднократные насильственные половые акты) лишь одну, конкретную жертву, даже если между ними нет каких-либо личных вза-

имоотношений, например захваченную ранее заложницу. По нашему мнению, нельзя несколько однородных преступлений признать серийными, если они совершены в отношении одного и того же лица, если об этом известно преступнику. В данном случае отсутствуют повторные эпизоды нападений, а имеются лишь неоднократные половые акты, и это нельзя считать серийным преступлением. Данный признак вытекает в том числе и из определения серии, предусматривающей наличие нескольких по своей сути различных объектов, но объединяемых одним или несколькими признаками.

Таким образом, выделим основные уголовно-правовые характеристики рассматриваемой категории преступлений. Серийные изнасилования представляют собой умышленные насильственные действия, которые:

- совершены вменяемым мужчиной, достигшим возраста 14 лет;
- совершаются в отношении лиц женского пола вне зависимости от возраста потерпевших;
- заключаются в осуществлении полового сношения или иных действий сексуального характера;
- представляют собой повторные эпизоды, ни за одно из которых лицо, их совершившее, еще не было осуждено.

В определение серийных изнасилований мы включили помимо полового сношения и иные сексуальные действия, что не противоречит действующему уголовному законодательству, – преступные действия, предусмотренные однородными составами ст. 131 и 132 УК РФ, в случае их повторного совершения признаются неоднократными и квалифицируются в части 2 указанных статей. Таким образом, действия преступника в ходе серийных изнасилований состоят в совершении в отношении женщины насильственных действий сексуального характера и охватываются составами преступлений, предусмотренных ст. 131 и 132 УК РФ. Но так было не всегда. В предыдущих уголовных кодексах существовала одна статья – ст. 153 в УК РСФСР 1926 г. и ст. 117 в УК РСФСР 1960 г., при этом небольшие расхождения в их трак-

товке заключались лишь в формулировке перечня насильственных способов достижения полового контакта. Так, по УК 1960 г. изнасилованием считалось «половое сношение с применением физического насилия, угроз или с использованием беспомощного состояния потерпевшей»¹. Осуждая по данной статье сексуальных преступников, признавалось «в качестве насильственного полового сношения не только совершение полового акта в естественной, но и в так называемой извращенной форме, если виновный действовал с целью удовлетворения половой страсти»².

Единственная статья УК РСФСР квалифицировала многочисленные противоправные сексуальные действия, из которых лишь одно содержалось в диспозиции статьи. Подобные пробелы значительно ограничивали возможности квалификации преступных деяний и порождали справедливые жалобы со стороны обвиняемых и их адвокатов.

Несоответствие было устранено введением в УК РФ 1996 г. новой статьи «Насильственные действия сексуального характера» (ст. 132 УК РФ), диспозиция которой определяет подобные действия как «мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера, совершенные с применением насилия или угрозой его применения к потерпевшему (потерпевшей) или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей)». Статья, предусматривающая ответственность за изнасилование (ст. 131 УК РФ), по сути осталась прежней и изменилась лишь в части увеличения количества признаков. Таким образом, в действующем уголовном законодательстве различные насильственные сексуальные действия охватываются двумя составами преступлений. Данные статьи отличны друг от друга лишь своими диспозициями и соответственно названиями при полной идентичности как квалифицирующих признаков, так и характера и размера санкций.

¹ Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР/ Под ред. В.И. Радченко. М., 1994. С. 220.

² Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1988. № 10. С. 14; 1991. № 2. С. 11.

В основу данного разграничения была положена концепция, разработанная А. Игнатовым, который в 1972 г. говорил о необходимости включения в уголовное законодательство специального состава, которое он определял как «насильственное совершение действий сексуального характера, что устранило бы серьезные трудности, возникающие в следственной и судебной практике. Этой нормой охватывались бы любые сексуальные действия (и в извращенной, и в неизвращенной форме), но без полового сношения, совершенные как в отношении несовершеннолетних, так и взрослых лиц...»¹.

Основу концепции А. Игнатова составила идея отграничить половое сношение от остальных сексуальных действий. При обосновании своих предложений автор исходил из двух основных положений. Во-первых, по его мнению, термин «изнасилование» сложился в русском языке как «определяющий насильственное совершение с женщиной полового сношения». В русском уголовном законодательстве использовался термин «любодеяние», под которым понималось «совокупление мужчины и женщины, в отличие от «любожестничества», т.е. действий, содержанием которых могли быть все формы удовлетворения половой потребности, кроме полового сношения»².

В качестве медицинской основы юридической трактовки изнасилования было предложено М. Авдеевым определение полового сношения, который считал данное сексуальное действие как «физиологический акт, направленный на продолжение рода и заключающийся во введении мужского члена во влагалище. Половое сношение как нормальный, т.е. физиологический, акт может иметь место только между лицами разного пола – между мужчиной и женщиной. Все остальные действия, направленные на удовлетворение половой потребности в иной форме, не являются по-

¹ Игнатов А. Н. Некоторые вопросы квалификации половых преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. 1972. №17. С. 62.

² Игнатов А. Н. Ответственность за насильственное совершение действий сексуального характера // Советская юстиция. 1991. №12. С. 10–11.

ловым сношением»¹. Авторы различных комментариев и учебников в большинстве своем акцентируют внимание именно на этих двух аспектах толкования изнасилования.

Таким образом, «с научных позиций определяющим признаком полового сношения является соединение (контакт) мужских и женских половых органов... Различные способы имитации полового акта существенно отличаются от полового сношения, поскольку не могут порождать беременность женщины... (а также дефлорацию)»².

Несомненно, введение в Уголовный кодекс статьи «Насильственные действия сексуального характера» позволило не только объединить, но и юридически закрепить различные противоправные сексуальные действия, за которые ранее наказание осуществлялось по другим статьям УК РСФСР. Сюда можно отнести насильственные развратные действия в отношении несовершеннолетних девушек и взрослых женщин (раздевание, ощупывание тела и половых органов), насильственные гомосексуальные контакты. Очевидно, что ст. 132 УК РФ охватывает и некоторые преступные действия, ранее квалифицируемые как развратные действия в отношении малолетних, справедливо увеличивая за это санкции.

Нельзя не отметить, что к разработке уголовной ответственности за насильственные половые преступления отечественный законодатель подходил с более демократических позиций, чем, например, уголовное законодательство в США, где до недавнего времени «в одних штатах (их 24) все насильственные сексуальные действия между взрослыми лицами, совершаемые в частной обстановке и по согласию, декриминализированы; в других (21) оральный и анальный секс независимо от пола признается незаконным; в третьих – анальный и оральный секс между лицами одного пола криминализирован. Кстати, по УК ряда штатов санкции за это

¹ Авдеев М.И. Судебно-медицинская экспертиза живых лиц. М.: Медицина, 1968. С. 287.

² Игнатов А.Н., Дьяченко А.П. О квалификации изнасилования // Вестник Верховного Суда РФ. 1991. № 5. С. 30.

преступное деяние достигают 10–20 лет тюремного заключения»¹.

Например, ст. 27 разд. 554 аннотированного Кодекса штата Мэриленд (1979 г.) определяет ответственность за «противоестественное или извращенное сексуальное поведение»:

«Любой человек, обвиняемый в том, что он или она берут в свой рот сексуальный орган другого человека или животного, или те, которых собираются обвинить в том, что они вводят свой сексуальный орган в рот другого человека или животного, а также те, которых собираются обвинить в совершении какого-либо иного противоестественного или извращенного акта с человеком или животным, облагаются штрафом на сумму, не превышающую одну тыс. долл., либо заключаются в тюрьму, исправительный дом или пенитенциарий на период, не превышающий 10 лет, либо одновременно облагаются штрафом и заключаются в тюрьму в пределах, указанных выше, по усмотрению суда.

Кроме того, в любом обвинительном акте, представляемом на рассмотрение комиссии по любому из названных действий, которые в данной статье декларируются как преступления, не только нет необходимости описывать специфическое противоестественное или извращенное сексуальное действие комиссии, которая будет выносить заключение обвиняемому, а также описывать – каким конкретно способом был совершен указанный противоестественный или извращенный сексуальный акт, но будет достаточно, если в обвинительном акте будет сказано лишь, что обвиняемый совершил известный противоестественный или извращенный сексуальный акт по отношению к человеку или животному».

Тем не менее, на наш взгляд, сформулированные в действующем УК РФ ст. 131 и 132, разрешив одни противоречия, поставили новые вопросы. Например, нельзя не заметить, что в ст. 131 УК РФ наказанию подлежит само сексу-

¹ Дьяченко А.П. Правовое положение сексуальных меньшинств // Проблемы обеспечения прав человека в деятельности органов внутренних дел. М., 1994. С. 97.

альное действие, т.е. половое сношение, которое совершено с насилием, в то время как ст. 132 УК предусматривает ответственность за насильственные действия, которые имеют сексуальный характер, что, на наш взгляд, является принципиальным аспектом.

Вызывает сомнение правовая целесообразность разделения всего многообразия насильственных сексуальных действий на две статьи, одна из которых посвящена только одному сексуальному действию – половому сношению. Абсолютная идентичность санкций за совершенные деяния выглядит достаточно странно и делает разделение сексуальных действий юридически бессмысленным. Ведь одним из аргументов необходимости разделения изнасилования и насильственных действий сексуального характера А. Игнатов указывал меньшую степень общественной опасности последних, которую он обосновывал по материалам судебной практики, опросам потерпевших, а также тем, что «причиняет меньший ущерб потерпевшей, так как исключает возможность беременности»¹, что должно устанавливать более мягкие санкции по сравнению с ответственностью за изнасилование.

Кроме этого, возможны сложности и с квалификацией покушений на половые нападения, когда на ранней стадии преступления нельзя выяснить, что собирался предпринять преступник в отношении жертвы, какие конкретно сексуальные действия совершить, особенно если в уголовном деле отсутствуют показания обвиняемого.

А. Ткаченко, критикуя позиции современного Уголовного кодекса РФ в части половых преступлений, отмечает его характерные двусмысленности, не оправданные с точки зрения сексологии. Он справедливо замечает, что новый закон, повторяя ошибки прошлых лет, различает гомо- и гетеросексуальное насилие, не оправданное с точки зрения сексологической науки. При этом «акцент сделан не на насилии как

¹ Игнатов А.Н. Квалификация половых преступлений. М., 1974. С. 57–58; Игнатов А.Н. Ответственность за насильственное совершение действий сексуального характера // Советская юстиция. 1991. № 12. С.10–11.

способе достижения сексуальной близости, а именно на обыденном различении разных форм сексуальной активности». Не менее важное значение, создающее немало юридических проблем, по мнению автора, имеет использование в УК РФ «в качестве определения изнасилования понятия «полового сношения», не имеющего соответствующего аналога в специальной литературе, где давно уже наиболее употребляемым является представление о «половом цикле». Утверждение авторов Комментария к УК о том, что «половое сношение» – термин не юридический, а медицинский, и поэтому пониматься должен так, как трактует это понятие сексология, в связи с этим не является убедительным»¹.

Очевидно, что уголовно-правовая наука испытывает определенные сложности при описании тех или иных форм сексуальных действий. В первую очередь это связано с активным развитием в последние годы сексологии и сексопатологии, уделяющих пристальное внимание природе сексуального поведения и особенно понятийной терминологии.

Очевидно, что и законодатель не всегда адекватно толкует и применяет те или иные понятия и определения данных наук. Отсюда возникают различного рода неувязки, несовпадения и даже нелепицы. Подтверждением этому служит тот факт, что следственная и судебная практика, действовавшая на основании УК РСФСР 1960 г., использовала в официальных документах термин «извращенные способы совершения полового сношения» при описании совершенных преступниками оральных и анальных половых актов. Как показывают имеющиеся на сегодняшний день отечественные научные разработки в области сексологии, никакого отношения данные способы ни к половому сношению, ни к сексуальным извращениям не имеют.

По нашему мнению, определение изнасилования как совершения полового сношения с применением насилия или с использованием беспомощного состояния потерпевшей, не совсем верно и точно отображает механизм поведения

¹ Ткаченко А.А. Сексуальные извращения – парафилии. С. 383.

правонарушителя, что нашло подтверждение при изучении серийных изнасилований. В связи с этим сексуальная, т.е. медицинская, составляющая серийных изнасилований, на наш взгляд, требует более подробного изучения.

Определение полового сношения, представленное М. Авдеевым, лишь схематично отображает процесс сексуального действия и, как любая общая схема, имеет недостатки, прежде всего связанные с отсутствием отражения отношений партнеров и их роли в данном действии. Тем не менее и в этом определении имеется признак, который, подчеркивая объективную значимость данного сексуального контакта, обозначает и психологическую направленность обоих партнеров — и мужчина, и женщина, совершая половое сношение, исходят из стремления продолжения рода, что наиболее возможно и целесообразно проводить с их обоюдного согласия. Именно данный аспект был оставлен без должного внимания. Совершенно необоснованно рассматривать половое сношение в контексте насилия как биологический акт, что значительно упрощает механизм данного сексуального действия, так как именно психологический аспект выделяет и отличает человеческий сексуальный контакт от животного. В данном случае только мужская половина наделяется психической подготовительной стадией, связанной с поиском подходящего объекта для обеспечения необходимой эрекции (в противном случае имиссия невозможна), а женщина, лишаясь возможности как-то отреагировать на это, рассматривается как придаток к своим половым органам и как существо, целью существования которого является только ее способность к беременности.

Советская медицинская наука определяла половое сношение как физиологический процесс, начинающийся с момента введения во влагалище полового члена и заканчивающийся оргазмом и эякуляцией, при этом термин «половое сношение» был равнозначен терминам «половой акт», «половое сближение», «совокупление, соитие». В то же время, признавая, что подобная схема далеко не полностью отражает все процессы, происходящие у человека при половом

сношении, тот же источник обращает внимание, что «для определения полового сношения часто употребляют термин «копулятивный цикл», который подразумевает период, начинающийся с осознания и постановки цели непосредственного полового сближения и заканчивается полным завершением полового сношения»¹.

Известный российский ученый Г.Васильченко выделяет пять последовательных стадий копулятивного цикла женщины, из которых наше внимание привлекает психическая, охватывающая промежуток времени от осознания желания близости до принятия решения об ее осуществлении, а также сенсорная и секреторная, которые характеризуют физиологическую подготовку организма женщины для успешного проведения совокупления. Очевидно, что добровольность в половом сношении способствует возникновению необходимых психофизиологических компонентов.

Таким образом, тот процесс, который в сексологии получил название копулятивного цикла (половое сношение, совокупление и т.д.), предусматривает взаимное, равноценное и равнозначное участие и мужчины, и женщины; процесс, подготовка и осуществление которого обуславливаются наличием и взаимодействием определенных психофизиологических, физиологических и поведенческих признаков. В случае их нарушения (отсутствия) отсутствует и сам процесс. Половое сношение как парный сексуальный акт можно считать соответствующим норме только тогда, когда не только мужчина, но и женщина проходят доимиссионные стадии – стадии полового возбуждения, связанные с подготовительным этапом. Именно на данном этапе достигается необходимое взаимодействие между партнерами, именно на данном этапе женщина определяет свой выбор, соглашаясь или нет на половое сношение. На необходимость психологической подготовки женщины к половому акту как на особенность женской сексуальности обращалось внимание и в других источниках: «Половое влечение женщины перепле-

¹ Большая медицинская энциклопедия/Под ред.Б.В. Петровского. 3-е изд. Т. 20. М., 1983. С. 208–209.

тается сильнее, чем влечение мужчины, со всеми другими отношениями с партнером, они оказывают стимулирующее или тормозящее влияние. Если у мужчины вид женщины, может быть, даже фотография или спонтанно возникшее влечение может непосредственно вызвать желание полового сношения, то для женщины обычно подготовительные нежности являются как бы ключевыми раздражителями, которые... будят ее желание»¹.

В том случае, если женщина во время подготовительного этапа отказывает мужчине либо этот этап отсутствует (изнасилование с использованием беспомощного состояния, внезапное нападение на жертву), отсутствует факт взаимодействия между партнерами и соответственно половое сношение между ними. В том случае, если мы определяем изнасилование как половое сношение, мы тем самым допускаем и долю участия потерпевшей в преступлении.

Недостаточно убедительным выглядит аргумент, связанный с возможностью беременности, как отличительным признаком полового сношения. Целью полового сношения, как мы выяснили, является продолжение рода, целью изнасилования — получение сексуального удовлетворения либо мотивы иного рода. Практические наблюдения свидетельствуют о том, что беременность при изнасилованиях наступает достаточно редко. Это и неудивительно, так как трудно представить себе насильника, особенно серийного, осуществляющего свои действия с целью, пусть даже и бессознательной, продолжения рода. Скорее наоборот, беременность жертвы для насильника нежелательный факт, который может помочь уличить его в преступлении. Кроме этого, изнасилованием признаются насильственные половые сношения и с использованием противозачаточных средств, и в отношении малолетних (престарелых), которые по своим физиологическим особенностям не могут забеременеть.

¹ Шнабель З. Мужчина и женщина. Интимные отношения. Кишинев, 1983. С. 127.

По нашему мнению, изнасилование необходимо рассматривать прежде всего как насилие, насильственные действия, которые совершаются с целью достижения полового возбуждения и удовлетворения и могут заканчиваться в том числе и половым сношением. Мы предлагаем трактовать его с акцентом не на конкретном виде сексуального поведения, а на форме его проведения, т.е. на насилии в отношении женщины.

На наш взгляд, половое сношение с использованием насилия выглядит несколько искусственно. Применение насилия для преодоления нежелания женщины вступать в сексуальный контакт с одновременным либо последующим совершением сексуальных действий — это односторонний акт, действие, вызванное потребностью только насильника, направленное на достижение только ему одному необходимого и желаемого результата. Участие, даже косвенное, в данном действии жертвы (в нашем случае женщины) отсутствует, насильник использует тело жертвы как необходимый атрибут для получения нужного ему результата.

Мы предлагаем изнасилование рассматривать как волевой противоправный акт, представляющий собой односторонние насильственные действия с целью совершения имиссии (интроитус, интродекция, интромиссия), т.е. «введения полового члена с целью совершения полового акта»¹. Главное в данном понятии — насилие, совершаемое преступником, которое обеспечивает возможность дальнейших сексуальных действий, при этом исключается даже намек на какое-либо участие в данном действии потерпевшей. Необходимо также обратить внимание на то, что именно факт введения полового члена во влагалище считает изнасилование оконченным, а все остальное, что может произойти в дальнейшем, имеет значение только для оценки квалифицирующих признаков.

Для сравнения приведем примеры того, как подобные проблемы решают зарубежные уголовные законодательства. Уголовное право ФРГ предусматривает ответственность за

¹ Словарь по сексологии и сексопатологии/Под ред. А. Бова. Ростов-на-Дону, 1996. С. 108.

сексуальное принуждение, которое выражается в принуждении (используя насилие, или применяя угрозу реальной опасности для жизни и здоровья, или используя положение, в котором жертва беззащитно отдана на его произвол) другого лица «терпеть сексуальные действия этого лица или третьего лица в отношении себя или совершать такие действия в отношении исполнителя или третьего лица»¹. Изнасилование рассматривается как более тяжкий случай сексуального принуждения и трактуется как действия, которые «особо унижают потерпевшего, в особенности если они связаны с проникновением в тело»².

В американском уголовном кодексе существует понятие «нападение по сексуальным мотивам», которое определяется как незаконный сексуальный контакт, где «сексуальным контактом является любое трогание половых или иных интимных органов или частей тела для того, чтобы возбудить или удовлетворить половую страсть»³. Статья 213.0 кодекса определяет половое сношение, которое «включает в себя сношение per os или per anum, сколь бы незначительным ни было проникновение полового члена; семяизвержение необязательно»⁴.

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что целью данных рассуждений было желание автора обратить внимание на недостаточное совершенство отдельных конкретных понятий и терминов, используемых в УК РФ, и на необходимость их совершенствования, что должно играть, на наш взгляд, весьма важную роль не только при юридической оценке тех или иных противоправных поступков, но и при разрушении негативных психологических установок в отношении значимости женщины в современном обществе.

¹ Уголовный кодекс ФРГ: Пер. с нем. М., 2000. С. 110.

² Там же. С. 111.

³ Примерный уголовный кодекс США: Пер. с англ. М., 1969. С. 136.

⁴ Там же. С. 135.

1.5. Виктимологическая характеристика потерпевших

Второй, неотъемлемой «половиной» любого насильственного преступления, является тот, на кого направлено это насилие, т.е. пострадавший. Естественно, между преступником и его жертвой возникают определенные взаимоотношения, без рассмотрения которых изучение личности преступника и криминальной ситуации будет неполным. В нашем случае все изучаемые жертвы – это девочки, девушки и женщины, пострадавшие от сексуального нападения.

Общее число жертв, пострадавших от изученных нами в ГНЦ серийных насильников, составляет 522 человека. Их возраст колеблется от 9 до 80 лет и по возрастным категориям распределен следующим образом: от 9 до 12 лет – 15,3%, от 13 до 17 лет – 26,4, от 18 до 40 лет – 28,6, от 40 до 60 лет – 2,2, старше 60 лет – 2,2%.

Результаты изучения обстоятельств совершения серийных изнасилований и личности потерпевших позволяют утверждать, что для данной категории половых преступлений сложившаяся точка зрения, согласно которой большинству жертв присущи негативные нравственно-психологические черты, из-за которых и происходят подобные нападения, абсолютно неприемлема. В то же время это не означает, что пострадавшие от серийных насильников не обладают определенными свойствами, способствующими их попаданию в виктимогенную ситуацию. Мы попытаемся, обобщив их особенности, выработать основные направления и способы виктимологического предупреждения подобных посягательств.

Прежде всего рассмотрим важный аспект. В силу своих физиологических особенностей мужчина, как правило, опережает женщину в активной реализации возникшего желания установить обоюдную интимную связь. В ходе складывающихся досексуальных отношений именно мужчина предпринимает те или иные действия, направленные на достижение этого результата. Однако, по нашему мнению, приоритетная роль в окончательном согласии на вы-

бор того или иного сексуального партнера принадлежит именно женщине, а не мужчине. Реагируя на притязания мужчины, женщина выбирает тот или иной вектор поведения, соглашаясь или не соглашаясь с его предложениями. Именно женщина, определяя для себя возможность вступления с конкретным мужчиной в интимную связь, дает согласие, т.е. фактически разрешает мужчине обладать ее телом. При этом женщина заслуживает не только равного права с мужчиной на регулирование своих интимных отношений, но и нуждается в активной защите со стороны государства и общества от различного рода насильственных сексуальных проявлений.

Виктимологические характеристики пострадавших от серийных изнасилований можно разделить на две группы. К первой группе относятся основные или объективные признаки, связанные с женскими половыми (а в подавляющем большинстве случаев и с возрастными) особенностями, физической слабостью по сравнению с мужчинами. Эти признаки являются основными элементами объекта нападения серийных насильников.

До настоящего времени среди виктимологов нет однозначного мнения о целесообразности выделять женщин в общей классификационной группе. Если рассматривать женщин как отдельную группу с повышенной виктимностью, то следует иметь в виду не столько особенности непосредственного поведения представителей этой группы в криминальной ситуации, сколько наличие у этой группы определенных характеристик объективного свойства, влияние на которые с целью коррекции невозможно. Тем не менее данные характеристики необходимо учитывать при виктимологической оценке.

Очевидно, что перечисленные факторы, выступая в качестве неперемennого условия совершения серийных изнасилований и играя значительную роль в механизме преступления, свидетельствуют о повышенной уязвимости именно женщин. Мы согласны с точкой зрения о том, что «женщины в целом, при прочих равных условиях, несколько более вик-

тимны, чем мужчины...», что обусловлено в том числе и «большим распространением половых преступлений, где потерпевшим может быть только женщина, по сравнению с преступлениями, где потерпевшим может быть только мужчина»¹.

Ко второй группе относятся вспомогательные или субъективные признаки, среди которых, в свою очередь, выделяют: 1) психологические особенности будущих жертв (легкомысленность, доверчивость, повышенная внушаемость, пассивная подчиняемость, психические аномалии и т.д.); 2) систематические или одномоментные (устойчивые или случайные) поведенческие (неосторожные, непродуманные поступки, связанные с употреблением алкоголя, наркотиков, неразборчивость в половых связях и т.д.). Как правило, эти подгруппы взаимообуславливают друг друга, но тем не менее могут встречаться и случайные некритичные действия. Признаки второй группы существенно облегчают преступнику достижение его цели, они могут быть объектом его сознательного поиска и использования в его преступном намерении.

Циничными выглядят действия некоего М., образование высшее, женат, ранее судим. Выбирая из газет и журналов женщин, желающих трудоустроиться, М., представляясь ответственным работником коммерческой фирмы, обещал содействие в решении их проблем и приглашал к себе домой на собеседование. В ходе беседы обвиняемый, продолжая начатую им «игру», предлагал написать различного рода документы (анкеты, заявления и т.д.), рассказывал об обязанностях, после чего предлагал приглашенной раздеться, мотивируя свою просьбу необходимостью проведения медицинского осмотра. Обстоятельность ведения разговора и располагающая внешность вводили потерпевших в заблуждение. Не подозревая об истинных намерениях, женщины выполняли его указания. В это время М. набрасывался на женщину, заламывая руки, угрожая физическим насилием, причиняя вред здоровью, совершал половой акт. Примечательным является тот факт, что потерпев-

¹ Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. СПб., 2000. С. 72.

шие не обращались в милицию. Одна из них мотивировала это тем, что ей все равно бы не поверили, но после того, как узнала о беременности, ей пришлось обратиться с заявлением.

Как показывают наши исследования, совокупность взаимоотношений серийного насильника и его будущей жертвы отличается, как правило, отсутствием в прошлом каких-либо отношений, которые могли бы, оставив след в памяти преступника, повлиять на возникновение и развитие преступного проявления. По нашим данным, среди жертв серийных насильников удельный вес незнакомых составляет 86,6%. Из оставшихся 13,4% пострадавших к моменту нападения были в той или иной степени знакомы со своими насильниками: 4% были знакомы достаточно долго; 5,2% — знакомы поверхностно, случайно, как правило, это жители одной деревни или поселка; 4,2% потерпевших познакомились с преступником в день изнасилования.

Анализ механизма сексуального серийного посягательства свидетельствует о том, что подавляющее большинство нападений совершается внезапно, в безлюдном месте, без какого-либо предварительного контакта. Навязчивое стремление серийного преступника на непереносимое установление полового контакта, связанное с поиском сексуального символа, как бы стирает для него необходимость подготовительного периода либо сводит его к минимуму. В данном случае на стороне преступника целый ряд преимуществ: неожиданность, физическое превосходство, использование оружия и т.п., а также опыт прошлых нападений, нежелание или боязнь невольных свидетелей и очевидцев вмешиваться, непрофессионализм правоохранительных органов и т.д. Результатом сексуального насилия во многих случаях может явиться специфическая психологическая травма, способная «привести к появлению у потерпевших разнообразных по продолжительности и глубине психогенных состояний, которые укладываются в рамки острой реакции на стресс и посттравматические стрессовые расстройства. Ве-

душую роль в возникновении психических расстройств у потерпевших играет их личность»¹.

Серийный насильник в случае настаораживающего его поведения жертвы может отказаться от преследования и нападения на эту и выбрать новую жертву, обладающую, возможно, повышенной по сравнению с предыдущей виктимностью. Во многом «вина» жертвы обуславливается только тем, что она оказалась на пути ищущего жертву насильника, а не ее ненадлежащим прошлым или «провоцирующим» поведением в настоящем. Оценивая повышенную виктимную способность женщин стать жертвами серийных насильников, необходимо признать, что в подавляющем большинстве эпизодов она носила невинный характер, т.е. была связана «не с упречным поведением, а со свойствами их личности (социальными, биофизическими, психическими, демографическими и проч.)»².

Некто С., на момент прохождения экспертизы 24 года, образование среднее, холост, в течение пяти месяцев совершил ряд нападений на женщин, возраст которых, как правило, превышал 70 лет.

Первое преступление С. совершил 28 августа 1987 г. В 18 ч С., находясь в состоянии алкогольного опьянения, постучал в дверь квартиры К., 72 лет, попросил попить, после того как зашел в квартиру, повалил К. на пол, душил, угрожая ножом, совершил *regnum*. За это преступление был привлечен к уголовной ответственности. На допросе заявил, что совершил половой акт трижды, но по согласию. Был освобожден под подписку о невыезде. Спустя три месяца пытался изнасиловать Б., но ее знакомый, оказавшийся случайно рядом, избил С., нанес ему удар по голове. После этого С. 1,5 месяца лечился стационарно по поводу открытой черепно-мозговой травмы. 15 января 1988 г. в час ночи в состоянии алкогольного опьяне-

¹ Смирнова Т.А., Морозова Н.Б., Гусинская Л.В. Психогенные расстройства у потерпевших как реакция на тяжелый стресс // Социальная и судебная психиатрия: история и современность. Киев, 1995. С. 373.

² Полубинский В.И. Криминальная виктимология. М., 1999. С. 77.

ния, сорвав запоры, проник в дом Х., 76 лет, угрожая ножом, изнасиловал ее. 16 января 1988 г. в состоянии алкогольного опьянения постучал в дверь квартиры престарелой С., попросил попить, зашел в квартиру, заставил С. раздеться, угрожая при этом ножом. Потерпевшая стала стыдить его, в ответ он разрезал ножом на ней платье, нижнее белье, нанес телесные повреждения, совершил *per os*.

При обследовании установлено, что наследственность обвиняемого неотягощена, раннее развитие происходило своевременно и без осложнений. Воспитывался в основном матерью, так как отец злоупотреблял спиртными напитками. Рос общительным, активным, обидчивым, повышено вспыльчивым, раздражительным. Учиться начал с 9 лет, успеваемость удовлетворительная. Увлекался футболом, любил мастерить. Служил в армии, прошел Афганистан, имел контузию, награждался медалью «За боевые заслуги». По словам матери, после армии стал плохо спать, по ночам часто болела голова. Окончив ПТУ, работал электросварщиком, по работе характеризовался положительно.

В ходе беседы с психологом заявляет, что «женщины наговорили больше, чем он сделал». При расспросах о правонарушениях заметно волнуется, подробности не сообщает, ссылаясь на провалы в памяти после больших доз спиртного.

По заключению судебно-психиатрической экспертизы признан вменяемым, обнаруживает последствия повторных черепно-мозговых травм с усилением присущих ему психопатических особенностей личности.

Поведенческие особенности пострадавших, которые были незнакомы с насильниками, отличаются либо нейтральным, либо неосторожным характером на стадии попадания в криминогенную ситуацию. Неосмотрительность и доверчивость в действиях присущи большей части данной категории потерпевших. Большинство пострадавших в своих показаниях отметило тот факт, что они замечали пресле-

дующего их мужчину задолго до непосредственного места нападения, т.е. еще в той ситуации, когда обстановка вполне позволяла не допустить преступление. Тем не менее будущая жертва, не сумев критически оценить ситуацию, продолжала следовать и сама себя «доставляла» к месту более вероятного нападения (лифт, подъезд и т.д.).

Весьма спорной представляется позиция авторов, оценивающих поведение потерпевших по степени их физической сопротивляемости насильнику. Более того, «недостаточно активное противодействие проявлениям сексуального намерения» предлагается рассматривать как «безнравственное поведение потерпевшей»¹. Очевидно, что понятия «недостаточности» и «безнравственности» в подобных случаях очень специфичны и могут зависеть от весьма широкого набора факторов, кроме единственно возможного — правового. На наш взгляд, подобные выводы, наряду с иными аналогичного характера (например, предложение оценивать степень виновности насильника от наличия у потерпевших прошлого сексуального опыта), и особенно применение их на практике приносят больше вреда, чем пользы: аналогичные рассуждения используют некоторые сотрудники правоохранительных структур, перекладывая вину за преступление на жертву, что позволяет им не заниматься расследованием, особенно если поиск насильника «по горячим следам» затруднен.

При анализе возможных вариантов поведения потерпевших необходимо учитывать их природу и характер. И. Обросов, Л. Трегубов и Н. Шивирев проанализировали 52 случая изнасилований потерпевших от 10 до 17 лет, которые к моменту изнасилования были девственницами и психически здоровыми. Оказалось, что для большинства именно угроза избиения являлась тем фактором, который прекращал сопротивление. Страх перед физической расправой оказывался сильнее опасности быть обесчещенной. В большин-

¹ Минская В.С. Опыт виктимологического изучения изнасилования // Вопросы борьбы с преступностью. 1972. Вып. 17. С. 26.

стве случаев угрозы воспринимались и оценивались как реальные и весьма вероятные, «переживания страха смерти (угрозы убийством) лишали их стремления к активному сопротивлению... возникало состояние безразличия, покорности, что проявлялось в пассивном выполнении всех действий, которые требовали насильники»¹.

Для серийного насильника жертва, как правило, обезличена. Он использует ее лишь как определенный сексуальный символ с размытыми личностными качествами, его поведение подчиняется выработанному стереотипу, внутреннее внимание насильника сосредоточено на своих ощущениях. От жертвы он ждет поведения, соответствующего его фантазиям и переживаниям. Поэтому, если выбранная им женщина почему-то ведет себя не так, ее поведение является для него непонятным и заставляет его нервничать. Жертва может активно сопротивляться тому, кто хочет безропотной покорности, либо наоборот, безропотно выполнять все команды преступника, хотя тому необходимо активное сопротивление. В этих случаях поведение преступника может проявиться по-разному, начиная от испуга с дальнейшим паническим бегством с места преступления до неоправданно жестокого подавления сопротивления потерпевшей. В данной ситуации советовать потенциальным жертвам активно сопротивляться и обвинять их в трусости, по меньшей мере, опрометчиво. Изучение поведения серийных насильников показывает, что в ряде случаев попытка жертвы оказать активное физическое сопротивление приводило к неадекватному росту агрессивности и жестокости, вплоть до причинения смерти потерпевшей.

Как показывают исследования, нападение на жертву, которая знакома насильнику, идет по несколько иному сценарию, именно в данном случае (по нашим данным – 9,2%) преступник мог воспользоваться имеющейся у него информацией о жертве для максимального сближения с ней. У жер-

¹ Обросов И.Ф., Трегубов Л.З., Шивирев Н.А. Скрытые факторы виктимности при изнасиловании несовершеннолетних // Социальная и судебная психиатрия: история и современность. М., 1996. С. 367.

твы не вызывает подозрений, когда преступник, используя общие интересы, знакомства и т.д., вступает с ней в контакт, он может даже вызывать у нее симпатию. Поэтому, не помышляя о задуманном либо легкомысленно его не допуская, жертва следует туда, куда ее зовут.

Особый виктимологический интерес вызывает группа пострадавших (4,2%), которые познакомились с преступником в день изнасилования. Знакомство характеризовалось согласием самой жертвы и происходило, как правило, в отличной от нападения обстановке, для насильника знакомство являлось элементом способа нападения, т.е. умысел на насилие опережал начало контакта.

Некто Ч., 28 лет, образование незаконченное высшее.

В апреле 1995 г. на автобусной остановке 17-летняя З. познакомилась с молодым человеком, который предложил ей прогуляться. Она согласилась, пошла на строительную площадку, где выпила вина, которое принес Ч. После выпитого алкоголя Ч. «изменился, точно озверел», угрожая кирпичом, стал требовать совершить с ним половой акт. Поскольку у потерпевшей была менструация, он заставил ее совершить половой акт в задний проход, затем допил оставшееся вино, повалил ее на землю и совершил вагинальный половой акт. После этого они вместе дошли до остановки, сели в автобус, через некоторое время Ч. вышел. На повторном вызове к следователю потерпевшая дополнила свои показания заявлением о том, что Ч., требуя совершения полового акта, не только угрожал ей, но и бил руками по лицу, а после совершенного насилия отобрал у нее деньги.

В июле того же года, вечером, когда потерпевшая Р. ехала в трамвае домой, напротив сел молодой парень, познакомился с ней, взяв за руки пересадил ее к себе, затем предложил ей прогуляться. Когда они вышли из трамвая, Ч. показал ей бутылку вина и предложил выпить. Она согласилась, и они зашли в какое-то строящееся здание. Там он отлучился, сказав, что пойдет искать стакан-

чик. Так как его долго не было, она собралась уходить, но в это время Ч. вернулся. Ч. выпил вино и попытался раздеть ее, невзирая на сопротивление. Он снял с нее юбку и стал требовать раздеть его. Р., воспользовавшись этим обстоятельством, с силой ударила его в пах, затем дернула за половые органы. От неожиданности и болевого ощущения Ч. упал на пол, разбив в кровь руки, но тем не менее не позволил Р. убежать. Поднявшись на ноги, он несколько раз ударил ее по лицу, заставил совершить оральный половой акт. Затем, положив потерпевшую на пол, пытался ввести половой член во влагалище, но не смог из-за отсутствия эрекции. Связал ей руки ремнем, заткнул рот и сказал, что пойдет за водкой. После его ухода Р. смогла освободиться и убежать.

В ноябре того же года совершил еще одно изнасилование при схожих обстоятельствах, но был задержан. На допросах вину свою в совершении правонарушений отрицал, объясняя оговором со стороны потерпевших.

Данные, собранные в ходе следствия и судебно-психиатрической экспертизы, свидетельствуют о том, что Ч. родился несколько переносным при росте 56 см, но беременность протекала без патологии. С раннего возраста страдал хроническим бронхитом с астматическим компонентом. Был одним ребенком в семье, родители уделяли ему много внимания. Отец был добрым, справедливым, мужественным. Мать несколько вспыльчивая, трудолюбивая, отношения в семье были теплыми. В 5-летнем возрасте упал с третьего этажа, получил серьезную черепно-мозговую травму, перелом лонных костей таза, множественные ушибы, в связи с чем достаточно долго лечился стационарно. В школе начал учиться с 7 лет, успевал хорошо, «учиться нравилось». В 11 лет неожиданно во время дневного сна произошел судорожный приступ – хрипящее дыхание, сжатие челюстей, рвота, прикус языка. Через год после повторного приступа был диагностирован эпилептиформный синдром, и в течение трех лет наблюдался в консультативном центре детской

психиатрической больницы, а затем врачом-невропатологом в местном ПНД.

С подросткового возраста увлекался радиотехникой, спортом (волейбол, борьба). Успешно закончив школу, поступил на физико-математический факультет педагогического института. Будучи студентом третьего курса, в комнате общежития педагогического института нанес побои студентке этого вуза, после чего повалил ее на кровать, угрожая убийством, пытался совершить половой акт, но не смог довести свой замысел до конца из-за активного сопротивления потерпевшей. За содеянное был привлечен к уголовной ответственности и в том же году осужден на три с половиной года лишения свободы. После отбытия большей части назначенного срока был переведен на стройки народного хозяйства, но вскоре возвращен в места лишения свободы за нарушение режима.

После освобождения работал слесарем ЧПУ, поступил на вечернее отделение электромеханического техникума. По месту работы характеризовался как ответственный работник, пользующийся уважением в коллективе. В техникуме о Ч. также отзывались как о добросовестном, дисциплинированном, уравновешенном и открытом человеке, хорошо успевающим по всем предметам.

В 25 лет женился, но прожил в браке всего три недели. Со слов обвиняемого, поводом для развода послужило негативное поведение жены, которая злоупотребляла алкоголем, часто не ночевала дома, изменяла ему – однажды она заявила, что «ее изнасиловали турки, с которыми она поехала кататься на пароходе». После развода Ч. изменился: замкнулся, стал агрессивен с родителями, часто уходил из дома. Он перестал заниматься любимой им ранее радиотехникой, в свободное время читал книги о магии, покупал иконы, интересы сместились в сторону религии. В то же время часто употреблял алкоголь, иногда доза превышала литр. Спустя полгода после разрыва с первой женой женился вторично, от этого брака имеет дочь. Жена характеризует его как «тихого, спокойного, общи-

тельного, веселого человека». По словам матери, Ч. «заботливый, внимательный сын, добрый и трудолюбивый».

Во время беседы с психологом Ч. заявил, что женщина – это «гадкое существо, из-за которого происходят все беды человечества», подтверждая историческими примерами. Считает, что сам пострадал от женщин, охотно рассуждает на эту тему. Личности испытуемого свойственны эгоцентричность, уверенность в правильности собственной позиции, низкое чувство вины, стремление к лидерству, эмоциональная неустойчивость, раздражительность. По заключению комиссии, Ч. вменяем, у него обнаруживаются признаки органического поражения головного мозга сложного генеза (раннего, травматического, с эпилептиформным синдромом).

Именно поведение пострадавших, относящихся к двум последним группам, создавало условия, которые насильник использовал для облегчения своего замысла. Среди них можно выделить следующие: неосторожное установление контакта с незнакомыми мужчинами, совместное употребление спиртных напитков, уединение в укромных местах, посещение жилища преступника, согласие проехать на его машине и т.д. В то же время очевидно, что конкретные поступки пострадавших могут носить изначально либо положительный, либо отрицательный заряд по отношению к последующим противоправным действиям, поэтому должны изучаться, исходя из конкретной жизненной ситуации, а не только по статистическим показателям. Например, рискованное поведение может быть как вынужденным, так и легкомысленным: женщина может находиться поздней ночью на неосвещенной улице как после возвращения с работы, так и с целью употребления спиртных напитков; садится в машину к насильнику как к водителю, обещавшему ее подвезти, или с целью покататься и весело провести время и т.д.

В данной ситуации правомерно говорить о негативном участии потерпевшей в создании виктимогенной ситуации только в том случае, если она, имея возможность выбора,

все-таки соглашалась с худшим для нее продолжением и таким образом создавала подобную ситуацию.

На наш взгляд, при серийных изнасилованиях недопустимо рассматривать в качестве смягчающих вину насильника обстоятельств факты предыдущих сексуальных контактов потерпевших с мужчинами. Аналогичным образом необходимо оценивать факт нахождения женщины в состоянии алкогольного опьянения, а также поведение женщины, воспринимаемое будущим насильником как «заигрывание», «флирт» и т.д. При наличии в криминальной ситуации подобных фактов обстоятельства преступления порой оцениваются с точки зрения насильника, т.е. мужчины, допустившего насильственные действия как бы по «вине» потерпевшей, а потому действовавшего оправданно. Принципиально важно помнить о дистанции между поведением, пусть даже легкомысленным, женщины и следующим за этим насильственным поведением мужчины. Справедлив тезис о том, что «во всех случаях, когда женщина направляет свои усилия на то, чтобы привлечь внимание мужчин, желая интимной близости, можно говорить, если угодно, о «провоцировании» ею мужчины на эту близость, но никак не на изнасилование»¹.

Подобные аспекты необходимо использовать при изучении виктимного поведения жертв, а не степени виновности серийного преступника. В то же время данное положение не исключает действий со стороны женщины, направленных на создание видимости изнасилования. Здесь речь идет о сознательно совершенном криминальном деянии женщины, преступник и жертва меняются местами, в действиях мужчины отсутствует факт насилия.

При виктимологической оценке серийных изнасилований необходимо учитывать, что подобные преступления складываются из отдельно совершенных эпизодов, часто квалифицируемых по ч. 1 ст. 131 УК РФ, которые согласно УПК РСФСР относятся к уголовным делам, возбуждаемым только по заявлению потерпевшей. Поэтому отказ от заявления в

¹ Антонян Ю.М., Голубев В.П., Кудряков Ю.Н. Изнасилования: причины и предупреждение. С. 22.

правоохранительные органы не позволяет квалифицировать действия субъекта как противоправные, соответственно и как неоднократные. Среди причин отказа обратиться с заявлением (либо продолжить расследование и привлечь виновных к суду) называют боязнь мести преступника и его сообщников, подкуп пострадавшей, недоверие к правоохранительным органам, правовая неграмотность, желание скрыть случившееся от окружающих, ощущение собственной вины в произошедшем, желание быстрее забыть обиду и др.

В приведенном ниже примере нежелание пострадавших придавать огласке случившееся не позволило оперативно пресечь действия насильника, предупредить появление будущих возможных жертв.

Б., 34 года, образование среднее. В августе 1988 г. совершил покушение на изнасилование, был привлечен к уголовной ответственности по ст. 15 и 117, ч.1 УК РСФСР, арестован, но через некоторое время по ст. 101 УПК РСФСР освобожден под подписку о невыезде. Воспользовавшись этим обстоятельством, от следствия скрылся, в течение 7 лет неоднократно менял место жительства, нигде не работал, жил случайными заработками.

С июля 1994 г. по июнь 1995 г. совершил 5 изнасилований женщин разного возраста. Примечателен факт, что все преступления были совершены на территории одного и того же садоводческого товарищества. Б. использовал один и тот же способ нападения: в дневное или вечернее время подходил к работавшей на своем садовом участке женщине, максимально старался с ней сблизиться – просил попить, говорил, что его дача рядом, выяснял, кто находится в доме, после чего набрасывался, старался повалить на землю, требовал совершить половой акт, при отказе наносил удары кулаками, угрожал убийством, демонстрировал принесенный с собой нож, предупреждал, что в случае обращения в милицию вернется, чтобы отомстить.

По материалам судебно-психиатрического обследования установлено, что Б. неоднократно переносил черепно-мозговые травмы, в том числе и тяжелую во время ав-

томобильной аварии. В ходе обследования на большинство вопросов отвечать отказался, на остальные отвечал уклончиво, был крайне раздражен, демонстративен, многословен, отмечалась склонность к внешне обвиняющим высказываниям, эмоциональная неустойчивость, склонность к аффективным вспышкам и реакциям самовзвинчивания. В отделении часто был злобен, агрессивен, нецензурно ругался, устроил драку, отказывался от еды. По результатам экспертизы был признан вменяемым с признаками органического поражения головного мозга с психопатоподобным синдромом.

Кроме перечисленных причин отказа от обращения в правоохранительные органы ряд авторов отмечают также, что жертвы недооценивают значимости случившегося. На наш взгляд, именно данный аспект играет важную роль в латентности серийных изнасилований, среди которых высок процент покушений, а также оконченных преступлений, не причинивших вреда здоровью жертвы.

Мы полностью разделяем точку зрения, которая объясняет снижение количества зарегистрированных изнасилований в последние годы не их сокращением, т.е. фактическим несовершенством, а переносом (поглощением) совершенных в латентную зону. По оценке К. Горяинова, В. Овчинского, Л. Кондратюка, в России ежегодно «теряется» 15–18 тыс. изнасилований, т.е. в 1992–1998 гг. должно было бы ежегодно регистрироваться около 29–30 тыс. подобных преступлений, что примерно в 2,3 раза больше, чем это отражено в статистике. По данным опроса жителей России, у 42,9% опрошенных женщин отсутствует вера в то, что правоохранительные органы могут задержать преступника; 27,3% женщин высказали нежелание быть втянутыми в процесс расследования, 16,2% женщин испытывают страх перед насильниками¹.

По нашему мнению, одной из причин снижения числа зарегистрированных изнасилований в России (в их число

¹ См.: *Горяинов К.К., Овчинский В.С., Кондратюк Л.В.* Улучшение взаимоотношений граждан и милиции: доступ к правосудию и система выявления, регистрации и учета преступлений. Науч. доклад. 2001. С. 15.

падают, конечно, и входящие в серии) в течение последних лет является перенос акцента значимости общественных ценностей из нравственной в материальную сферу. Очевидно, что создание в России условий, при которых искусственный приоритет материальной составляющей в повседневной жизни над другими ценностями и его назойливое пропагандирование в ущерб иным подавляет острое восприятие нравственной значимости для человека в том числе и половой свободы и сексуальной неприкосновенности. На наш взгляд, подобное развитие ситуации, с одной стороны, повышает виктимизацию определенной категории представительниц женского пола, «помогая» попадать в криминальные ситуации; с другой стороны, воспитанный таким образом практицизм, «допуская и разрешая» возможность подкупа и запугивания жертв, позволяет отказаться от уголовного преследования насильников. На рост зарегистрированных фактов изнасилований, таким образом, будет влиять и возрастающее желание пострадавших преследовать насильников через правоохранительные структуры и стремление их помочь пострадавшим, что в определенной степени будет свидетельствовать о выздоровлении общества, ее нравственной составляющей.

Одно из главных отличий серийных сексуальных убийств от серийных изнасилований заключается в том, что после совершения изнасилования жертва нападения остается в живых. Данное обстоятельство позволяет правоохранительным органам установить механизм развития криминальной ситуации по показаниям заинтересованного в результате расследования участника преступления. Как показывают исследования, на пострадавшую в ходе противоправного сексуального воздействия действуют разнообразные травмирующие факторы. Жертва подвергается не только сексуальному насилию, но и моральному унижению, унижению чести и достоинства, и, конечно, прямому физическому воздействию со стороны насильника. В посткриминальной ситуации психотравмирующее влияние оказывают последствия насилия (беременность, заражение венерическими

заболеваниями и т.д.), необходимость обсуждения произошедшего, неадекватно проводимые допросы, очные ставки с преступником, прохождение судебных экспертиз, угрозы и шантаж со стороны обвиняемых и их представителей, длительный процесс следствия и т.п.

Как уже отмечалось, последствия совершенных серийных изнасилований представляют собой широкий спектр различного рода ущерба от психологической травмы до лишения жизни, при этом тяжесть подобного ущерба во многом определяет сама пострадавшая, ее поведение до, во время и после совершения нападения. К сожалению, трудно измерить психологический ущерб, причиненный жертве, особенно в каждом конкретном случае. Но, несомненно, нападение оставляет неизгладимый след в сознании потерпевшей, тем более если такой удар нанесен психике малолетней или несовершеннолетней.

Свойственное детям изначально подчиненное положение авторитету родителей и других взрослых проецируется и на рассматриваемые возникшие взаимоотношения, что определяет заведомое снижение их способности противостоять сексуальному посягательству. В силу этого они обладают определенной виктимностью, «поскольку часто, не понимая характера и значения совершаемых с ними действий, они пассивно подчиняются преступным замыслам, не оказывая при этом никакого сопротивления... не могут своевременно и правильно раскрыть истинные намерения правонарушителей, учесть последствия ситуации для себя»¹.

Говоря о виктимологических аспектах серийных изнасилований, необходимо выделить два из них, связанные с поведением жертв. Во-первых, насколько правильно по отношению к складывающимся обстоятельствам ведет себя будущая жертва, чтобы избежать возможной криминоген-

¹ Кудрявцев И.А., Дозорцева Е.Г., Симоненкова М.В. Применение проективных методов для психологического исследования аномалий влечения // Проблема расстройств влечений в судебно-психиатрической практике. М., 1991. С. 37.

ной ситуации. Во-вторых, насколько умело ведет себя жертва в ходе начавшегося нападения, чтобы максимально не допустить вредных для себя последствий.

Высокий процент покушений среди серийных изнасилований детерминируется, на наш взгляд, двумя причинами. Внутренние причины обуславливаются личностными особенностями насильника. Внешние причины неоконченного преступления связаны либо с умелым поведением жертвы, либо с нежелательным для насильника появлением третьих лиц.

Как свидетельствует практика, оказать реальное физическое сопротивление насильнику может лишь незначительная часть представительниц слабого пола. Среди возможных способов избежать насилия жертвы предпочитали звать на помощь, пытаться уговорить и обмануть насильника, умоляли пожалеть, пытались убежать.

По нашему мнению, поведение женщин в ходе совершающегося на них нападения может быть:

- *адекватное*. В данном случае необходимое поведение было точно угадано потерпевшей, соответствовало создавшейся ситуации и конкретной личности насильника. Результатом такого поведения явилось предотвращение развития сексуального нападения, реальный ущерб от посягательства либо полностью отсутствует, либо сведен к минимальному, преступник из-за умелого поведения жертвы не смог воплотить свой умысел. Одним из возможных последствий адекватного поведения является то, что жертва сумела принять меры к задержанию и доставлению в правоохранительные органы преступника. Мы намеренно применяем термин «адекватное поведение», а не инициативное, активное сопротивление и т.д., так как считаем, что поведение потерпевшей должно соответствовать конкретной ситуации и личностным особенностям насильника, поэтому погашению агрессии и прекращению сексуальных действий может способствовать весь спектр поведения от активного физического сопротивления до пассивной отстраненности, от резкого и громкого призыва о помощи до безмолвного безучастия.

Как свидетельствует практика, весьма эффективно оказывается ложное согласие жертвы совершить с насильником половой акт, часто вызывающее замешательство преступника, что помогает жертве приблизиться к людным местам, т.е. к реальной помощи.

Адекватное поведение потенциальной жертвы может быть направлено не только на погашение агрессивности нападавшего, но и на компенсацию своих виктимных черт характера. Данное возможно лишь в том случае, если женщина реально оценивает свои возможности. Например, если женщина понимает, что в случае нападения она не сможет успешно противостоять насильнику в силу слабых физических возможностей, она сможет, заранее предполагая повышенный риск возникновения криминогенной ситуации, не попадать в нее, например не ходить к знакомым, вызывающим подозрение, или заранее заручиться чьей-то помощью. Следует подчеркнуть, что мы рассматриваем только те случаи, когда речь идет об уже выбранной насильником жертве.

Полагаем, что значительный процент эпизодов с адекватным поведением жертв находится вне регистрации и, следовательно, изучения;

- *ошибочное.* Несоответствующее, неумелое поведение жертвы не только не мешает преступнику, но и усиливает его агрессивные тенденции. Именно поведение жертвы приводит к возникновению неоправданной жестокости. Тяжесть ущерба от посягательства в данном случае несоизмерима с настоящими целями насильника;

- *нейтральное.* В первую очередь это относится к тем пострадавшим, которые не могли уже до момента начала нападения либо сразу после начала нападения каким-либо образом влиять на развитие ситуации. Те, которые по объективным обстоятельствам не могли каким-либо образом воспрепятствовать действиям нападавшего — опьянение, обморок, явное физическое и психологическое превосходство насильника, сумевшего застать врасплох и быстро подавить сопротивление, и т.д. К данной категории относятся слу-

чаи, когда преступник в силу своих особенностей не обращает внимания на поведение жертвы.

Изучение поведения жертвы в ходе нападения и соответствие этому поведению реакции насильника может помочь в составлении психологического портрета, выявить сексуальные и психологические особенности насильника. По нашему мнению, поведение жертвы при совершении серийных изнасилований обычно не содержит провоцирующих к нападению признаков, но в отдельных случаях поведение жертвы может спровоцировать повышение агрессии. Необходимо отметить, что серийный насильник максимально навязывает необходимую ему реакцию жертвы, облегчая тем самым получение результата. В то же время следует признать, что в ряде случаев будущая жертва имела возможность избежать насилия, однако присущие ей особенности характера и поведения обусловили ее попадание в криминальную ситуацию и не позволили принять правильное решение, чтобы не допустить негативных результатов.

ГЛАВА 2

ДЕТЕРМИНАЦИЯ СЕРИЙНЫХ ИЗНАСИЛОВАНИЙ

2.1. Общий анализ причин серийных изнасилований

Половые преступления, в том числе и серийные изнасилования, характеризуются агрессивно-насильственным и пренебрежительно-циничным отношением к женщине, которое формировалось на протяжении тысячелетней истории цивилизации.

На ранних ступенях развития человек, являясь полуживотным, удовлетворял свои половые потребности открыто и беспорядочно. Женщина в те времена представляла собой «общее достояние мужчин, временную добычу более могущественного, более сильного. Этот последний стремится к обладанию наиболее красивыми представительницами другого пола и тем самым инстинктивно выполняет своего рода половой подбор»¹.

Охота и военные действия, как основные способы выжить в первобытных племенах, оказали непосредственное влияние на отношение мужчины к женщине, рассматривающего ее как добычу и жертву. Образы охоты перетекали в образы брачных отношений, создавая эквивалентные переходы «охота — брачные отношения», «стрелок — жених», «дичь — невеста»².

В древних государствах мужская половина человеческого общества закрепляла выгодное ей второстепенное социальное положение женщин с помощью обычаев, традиций и законов. Приведем несколько примеров. Если в Древнем Египте мужчина совершал уголовное преступление, то вме-

¹ Крафт-Эбинг Р. Половая психопатия. С. 15.

² Ткаченко А.А. Сексуальные извращения — парафилии. С. 5.

сте с преступником наказывали жену и его детей (как правило, их обращали в рабство). Так же поступали индейцы майя в Центральной Америке во времена позднего средневековья.

С Древнего Вавилона на Ближнем Востоке культивировался образ жизни более благоприятный для мужчины, чем для женщины, которая не имела достаточных возможностей заработать себе на жизнь. Мужчина же, обладая материальным достатком, мог позволить себе иметь нескольких жен, что всегда расценивалось как его достоинство. До настоящего времени многоженство поощряется среди мусульман.

В Афинах женщины обладали не большими политическими и гражданскими правами, чем рабы. В дозамужней жизни женщины полностью подчинялись ближайшему родственнику-мужчине, они не могли получить образование и вступали в брак независимо от своего желания, им разрешалось выходить из дома только в редких случаях и обязательно в сопровождении.

Для грека, живущего в I тысячелетии до н.э., женщина независимо от ее возраста и социального положения была только «гупе», что значит «та, которая вынашивает детей». Социальное положение женщин было «значительно ниже мужчин, что обуславливало интеллектуальную неразвитость и делало духовную близость с ней невозможной. Женщину рассматривали как годную для того, чтобы иметь детей, но не как друга или равного партнера»¹.

В Древнем Китае выбор невесты был схож с приобретением дома. В силу недостаточного количества мужчин, часто погибавших в войнах, вместе с женой мужчине «доставались» ее сестры и служанки, которые становились побочными женами.

В Индии вплоть до 1860 г. регистрировались случаи самосожжения женщин, которые предпочитали умирать вслед за своими мужьями (обычай сати). По древним традициям вдове вместе с запретом повторного брака запрещались все

¹ Антонян Ю.М., Ткаченко А.А., Шостакович Б.В. Криминальная сексопатология. С. 6.

материальные удобства и радости. Ее присутствие воспринималось всеми как проклятье, ее появление считалось дурным предзнаменованием. Вдова спала на земле, питалась один раз в день самой простой пищей, не могла носить цветные одежды, а в средние века должна была обривать голову.

В Древнем Риме муж по закону мог убить жену, если заставал ее на месте преступления при супружеской измене. Мнение о том, что супружеская измена позволена мужу, но не позволена жене, существует до наших дней. В Англии только в 1923 г. женщины добились права на развод с мужем на основании его измены. Показательна правовая регламентация ответственности за прелюбодеяния, существовавшая до середины XX в. почти во всех кодексах западных стран. Вся тяжесть ответственности ложилась на женщину, которой не прощалась даже однократная измена, при этом наказание жены было значительно суровее, чем мужа. Муж по закону нес ответственность лишь за прелюбодеяние с женщиной, которую он «поселил в супружеском доме» (УК Франции) или «открыто в другом месте» (УК Аргентины) или содержал таким образом, что «это вызывает скандал» (УК Чили)¹.

Европейская религиозная концепция отношений с женщиной была определена в XIII в. Фомой Аквинским, считавшим, что, поскольку женщина создана из ребра Адама, она может стать партнером мужчины, но только с целью продолжения рода. Во всем остальном мужчина должен занимать главенствующую роль, что видно даже в технике полового акта, где мужчина занимает активную и, следовательно, более благородную роль, тогда как женщина должна пассивно подчиняться².

Таким образом, приходится констатировать, что различные государственные образования независимо от политико-экономических форм управления отводили женщинам роль существа, необходимость которого обуславливалась

¹ Ткаченко А.А. Сексуальные извращения – парафилии. С. 103.

² См.: Тэннзхилл Р. Секс в истории: Пер. с англ. М., 1995. С. 253.

лишь ее природной способностью продолжать род и доставлять интимное удовольствие мужчинам, что, несомненно, повлияло на формирование психологии подавляющего большинства популяции, в том числе и женской половины, ее второстепенного, подчиняемого мужчине положения.

Конечно, ни одно в достаточной степени цивилизованное общество не одобряло сексуальные нормы, допускающие прямое насилие. Тем не менее часто законы, традиции и обычаи закрепляют менее выраженные формы проявления пренебрежительного отношения к женщине, к ее внутренней и внешней свободе, негативно воздействуют на ее право независимого социального положения. Общество, имеющее несколько подобных правил, формирует устойчивые общественные воззрения на неуважительное отношение к женщине, влияющие на конкретные поступки не только преступников, но и лиц, определяющих их степень виновности и меру наказания, а также самих женщин, потерпевших от преступления.

Живучесть подобных социально-психологических установок в современном мире, безусловно, значительно влияет на формирование у половых преступников соответствующего отношения к женщине в целом, что в дальнейшем проявляется в конкретном преступном поведении этих лиц в процессе подготовки и совершения ими половых преступлений.

Без изучения динамики развития личности, степени влияния социальной микросреды, где родился и воспитывался индивид, нельзя понять причины, заставившие его совершить те или иные действия. В полной мере это справедливо и в отношении изучаемой нами категории преступников. К сожалению, при проведении судебно-психиатрических исследований данному аспекту лишь в последние несколько лет стало уделяться внимание, поэтому наша выборка, охватывающая 15-летний временной период, не имеет достаточно полных сведений о ранних этапах развития подэкспертных. Между тем необходимость анализа социальных отношений, складывающихся в детском и подростковом возрасте, очевидна.

Первый жизненный опыт, способность определенным образом реагировать на проявления окружающей действительности приобретаются в детстве и юности под влиянием тех, кто окружает молодого человека. Как правило, это родители и сверстники. На развитие личности, особенно психосексуальное, оказывает непосредственное участие в воспитательном процессе обоих родителей – отца и матери, способных методом научения, своим позитивным примером сформировать у ребенка необходимые социально приемлемые установки. Отсутствие родителей либо их негативное влияние существенно снижает социально адекватное восприятие и оценку тех или иных явлений, формирует повышенную агрессивность и циничность по отношению к другим людям.

Среди изучаемой нами категории насильников половина воспитывалась в полной семье, т.е. обоими родителями. Другая половина была лишена одного или обоих родителей: 17% воспитывались в интернате, 10% – иными родственниками (родители либо отсутствовали, либо фактически не принимали участие в воспитании), 7% изучаемых воспитание получили в семье, где определяющим было влияние мачехи (отчима), 5% – приемными родителями, 2% росли без матери. В большинстве случаев в неполной семье (57%) будущие насильники с детства были лишены воспитательного влияния отца, что значительно затрудняло «усвоение мужских половых ролей и соответствующего стиля поведения, в связи с чем такие мальчики чаще других гипертрофируют свою маскулинность, проявляя агрессивность, грубость, драчливость»¹.

Изучение поведения сексуальных преступников свидетельствует о том, что многим из них свойственно совершать свои деяния жестоким способом, который проявляется в определенных действиях, доставляющих особые страдания жертвам. Констатация повторного совершения подобных

¹ Ткаченко А.А. Социальные детерминанты аномального сексуального поведения // Очерки социальной психиатрии. М., 1988. С. 188.

действий серийными девиантами может свидетельствовать о наличии у них психологической черты – жестокости, которая часто может ими и не осознаваться.

Приводимый ниже пример серийного преступника свидетельствует не только о высоком уровне агрессивности лица, проявлявшейся с детских лет, но и о наличии у него жестокости, возникновение которой многие исследователи объясняют социальным, т.е. приобретенным, происхождением, в то время как агрессивность имеет природный характер. Тем не менее именно агрессивность может переродиться в одну из самых отвратительных человеческих проявлений – жестокость, которая определяется как «намеренное и осмысленное причинение другому существу мучений и страданий ради них самих или достижения других целей...»¹.

Ч., 38 лет, ранее дважды судим за избиение сожительницы, которую хватал за волосы, бил головой о стену, кулаками и ребром ладони по лицу, голове и шее, другим частям тела. Раздев ее догола и связав полотенцем, положил на кровать и ввел во влагалище бутылку, а когда она пыталась кричать, зажимал ей рот рукой, давил коленом на голову, связав ее телефонным шнуром, наносил множество ударов по оголенным частям тела.

Через год после освобождения совершил два сексуальных нападения в отношении ранее знакомых женщин, которых под различными предлогами приглашал в гости. Для преступного поведения Ч. характерны следующие обстоятельства. В тот день Ч. со своим знакомым пригласили в гости К., которая ранее от приглашения неоднократно отказывалась. Выпив с ними несколько рюмок спиртного, К. хотела уйти, однако Ч. затащил ее в смежную комнату, связал руки, засунул в рот кляп. Избивая потерпевшую, говорил, что наказывает ее за то, что долго не соглашалась идти к ним, и он научит ее быть покорной. Бил ее ремнем и шнуром от кипятильника. В дальнейшем совершил не-

¹ Антонян Ю.М. Жестокость в нашей жизни. М., 1995. С. 11.

сколько насильственных половых актов, в том числе и в извращенной форме, после чего водил кипятильником по телу, заставлял раздвигать ноги, зажигал спички и тушил их во влагалище, заставлял брать половой член в рот. На следствии Ч. отрицал совершение каких-либо насильственных действий, цинично отзывался о потерпевшей, утверждал, что она рассказывала о «французской любви» и своих любовниках, после чего у него якобы был провал в памяти.

Родной брат Ч. страдал эпилепсией. Дед по линии матери отличался вспыльчивостью и «бешеными выходками». Отец по характеру «прямолинейный», решительный, трудолюбивый, «нудноватый», был склонен к назиданиям, часто конфликтовал с матерью, иногда дело доходило до драки. Мать – требовательная, вспыльчивая, но отходчивая женщина. В раннем возрасте Ч. перенес тяжелую операцию под наркозом. После этого по ночам часто плакал, кричал, вздрагивал. В 5 лет у него во время игры «отнялись ноги», несколько часов не мог ходить, но за медицинской помощью родители не обращались. В школе учился легко. По характеру был обидчивый, капризный, неуравновешенный, склонен к различным выдумкам и фантазиям. Среди сверстников стремился к лидерству. Часто дрался. При поражении своей команды или другой неудаче внезапно появлялись слезы, не мог себя сдерживать, его охватывала дрожь, иногда неожиданно терял равновесие, плохо воспринимал окружающее. Дома был груб, эгоистичен. Имел много друзей. Увлекался шахматами, спортом. Часто дрался, причем вмешивался в конфликты, прямо его не касавшиеся. Был членом школьной редколлегии, внештатным корреспондентом областной газеты, мечтал написать фантастический роман, стать журналистом. Мысленно представлял различные сюжеты будущего романа, воображал себя стоящим «во главе внеземных роботов». Эти эпизодические погружения в мир грез были второй жизнью. Почти полностью отключался от действительности, при этом так вживался в роль, что ощущал себя «сразу в

двух мирах», не сразу мог отвлечься и отреагировать на вмешательство матери. Испытывал повышенный интерес к кладбищу, тягу к огню. Опасаясь насмешек, своими мыслями с окружающими не делился или представлял все в выгодном для себя свете. С подросткового возраста стали отмечаться состояния, когда становилось вдруг жарко, душно, не хватало воздуха. Когда в ответ на замечание его «колотила дрожь», начинал кричать, плакать, совершал демонстративные попытки самоубийства. Подобные состояния возникали несколько раз в год и длились до нескольких часов. В 15 лет перенес травму головы с кратковременной потерей сознания, после чего стал более конфликтным, вспыльчивым, ухудшилась память и появились головные боли. В возрасте 16 лет на уроке внезапно на фоне сильной головной боли появились «пелена перед глазами», шум в ушах, слабость, оказался «как в шорах», в темноте, голоса окружающих слышал как сквозь сон.

Окончил юридический факультет университета. Начал употреблять спиртные напитки, в состоянии опьянения становился нетерпимым к чужому мнению, часто вступал в мелочные ссоры, иногда был груб, агрессивен. В 20 лет женился. Отношения в семье были неровные, особенно после рождения детей. Мог ударить, оскорбить жену, но быстро успокаивался, просил прощения. Через два года семья распалась.

В беседе с психиатрами жаловался на головные боли в височной и затылочных областях, головокружения, повышенную утомляемость и раздражительность, провалы памяти, непереносимость жары, духоты, езды в транспорте. Охотно и красочно описывал свои переживания. Отмечал различного рода «вспышки ярости», приступы ужаса и припадки с потерей сознания, заканчивающиеся сном, после припадка чувствовал себя разбитым, испытывал головные боли и слабость во всем теле. Подобные состояния повторялись 10–12 раз в течение всей жизни и не были связаны с каким-либо внешним поводом. Наряду с этим описывал состояния, когда в ответ на замечания

возникла «истерика», проявлял агрессивные тенденции либо совершал суицидальные попытки. Рассказывая о своей сексуальной жизни, пояснил, что ухаживать за девушкой стал в 16 лет, с этого же времени поллюции, до первых половых актов наблюдавшиеся 2–3 раза в месяц. В 17 лет первая попытка близости, оказавшаяся неудачной из-за исчезновения эрекции непосредственно перед половым актом. В дальнейшем при половом акте удовольствия не получал, испытывал боль. В первую брачную ночь после свадьбы боялся, что вновь не наступит эрекция. Отмечал «хладнокровное» отношение к женщинам, не менявшееся и во время полового акта, к которому всегда относился как к чему-то низкому. Делал акцент на том, что интимные отношения для него имели второстепенное значение и отказ от близости могли повлечь даже мало существенные поводы, например малейший запах женщины. Пассивная подчиняемость женщины обычно отталкивала, тогда как привлекали гордые, считавшиеся неприступными женщины, которых приходилось активно подчинять. Нравились стыдливость и смущение, когда женщина отдавалась, оказывая сопротивление. Возникавшие в эти моменты состояния описывал как «разрывающуюся связь между мозгом и нервами, когда просыпается инстинктивная сила». Говорит, что в последнее время замечает ослабление потенции.

Причиняя страдания и мучения, часто внешне ничем не мотивированные, жестокость выступает средством самоутверждения, затрагивая внутренний, глубинный личностный смысл существования причиняющего лица, повышает его самооценку. Для жестокого преступника часто недостаточно подавить жертву физически, причиняя ей боль, те или иные телесные повреждения. Особый смысл проявляется в уничтожении женщины психически, унижении ее человеческого достоинства. Для насильников, совершающих преступления жестоким способом, характерны эмоциональная холодность, эгоцентризм, интеллектуальная тупость, неспособность к сопереживанию и др.

Жестокость выступает специфическим способом решения своих внутренних проблем, попыткой изменить имеющееся негативное представление о самом себе, подтвердить свои волевые качества, повысить самовосприятие, преодолеть собственную неуверенность, тревогу, страх.

Исследования показывали, что повышенная агрессивность и совершение жестоких поступков объясняется наличием у насильственных преступников тревожности, которая занимает ведущее, доминирующее место среди их личностных качеств. Тревожность, как психологическая черта личности, характеризуется стойкой, повышенной склонностью испытывать беспокойство и страх и состоит в ожидании, с одной стороны, вероятной, но, как правило, нереальной опасности и в ощущении своей беспомощности и неспособности ей противостоять – с другой.

Длительность воздействия тревожного состояния заставляет личность бессознательно проецировать свое состояние на окружающую среду, приводит к ее восприятию как агрессивной и чуждой, формирует неприспособленность, дезадаптированность индивида, его отгороженность и замкнутость, порождает необходимость защитной реакции от окружающего якобы враждебного мира.

Можно с достаточной степенью уверенности предположить, что тревожность характерна для значительного числа страдающих нервно-психическими расстройствами, соматическими заболеваниями, для перенесших последствия психотравмирующих ситуаций. Ведущую роль тревожность играет в возникновении сексуальных дисфункций. У лиц с чертами тревожности уже первые, иногда случайные неудачи вызывают чувство страха и концентрацию внимания на половых органах. Страх порождается робостью, волнением, боязнью компрометации и насмешек. Важным фактором в формировании сексуальной дисфункции является неуверенность в себе вообще или связанная преимущественно с сексуальными контактами и социальными связями в целом. Требования сексуальной полноценности в рамках социального контакта, предъявляемые партнером или самим собой,

становятся основным фактором, «запускающим» механизмы сексуального расстройства. Появляется страх ожидания предполагаемой неудачи со всеми отрицательными последствиями. Каждая неудача и разочарование углубляют чувство несостоятельности и неуверенности в себе, распространяющиеся и на другие виды человеческой активности. При этом механизм возникновения сексуальной дисфункции вполне понятен. В нормальных условиях сексуальные представления – это факторы, направляющие функции, ведущие к цели, т.е. сексуальному удовлетворению, причем сами функции осуществляются автоматически, на основе физиологических реакций. В случае неуверенности в себе представления сосредоточиваются не столько на цели сексуальной активности, сколько на характере протекания сексуальных функций. Тем самым автоматическая реализация сексуальной функции нарушается вмешательством сознания и концентрацией внимания на ней; это вызывает появление дезорганизации автоматической функции и последующей сексуальной дисфункции¹.

Тревожность, как психологическое свойство человека, может явиться следствием негативных семейных взаимоотношений. Криминологическая наука достаточно полно изучила проблемы, возникающие в процессе формирования противоправной личности, и те факторы, которые оказывают данное воздействие. Одним из главных звеньев этого процесса является отторжение будущего преступника семьей. Речь идет об отсутствии эмоционального устойчивого контакта между ребенком и его родителями или лицами, их заменяющими. Эмоциональная близость и отзывчивость, основанная на душевной теплоте, влияют на формирование у подростка качеств, способных стать серьезным препятствием на пути выбора криминального образа жизни. Следует подчеркнуть, что «эмоциональные связи в семье оказывают существенное влияние на формирование личности ребенка, большее, чем нарушения эмоционального равновесия у одного или обоих родителей (которые могут быть компен-

¹ *Имелинский К.И.* Сексология и сексопатология. С. 244.

сированы объединяющей их эмоциональной связью), и даже большее, чем утрата одного из родителей»¹.

Одной из теорий, объясняющих возможность формирования агрессивных форм поведения, является концепция «отторжения» таких лиц в детстве со стороны родителей, имеющая психоаналитические корни.

Ряд исследований показали, что наиболее агрессивно со сверстниками и взрослыми вне дома вели себя те подростки, в отношении которых родители применяли жесткие меры наказания, в первую очередь физические. Однако к родителям эти мальчики, как правило, подобную агрессию не проявляли. У «отверженных» детей происходит искаженное формирование нормы поведения, так как блокируется потребность в подражании родителям, при этом усваивается деформированное представление о мужественности. Большинство мужчин, которые избивали своих жен, в детстве воспитывались в условиях агрессивно-неприятных отношений между родителями, являлись либо свидетелями происходящих между ними конфликтов, либо сами становились их объектами. При этом у $\frac{3}{4}$ опрошенных сформировалось устойчивое мнение, что мужчина должен занимать лидирующее положение в семье.

Тем не менее результаты ответов серийных насильников на вопросы, связанные с их внутрисемейными взаимоотношениями, свидетельствуют, что подобные отношения опрашиваемые оценивают достаточно высоко: $\frac{2}{3}$ опрошенных отзывались о своих родителях как о заботливых и любящих, чуть менее одной трети охарактеризовали отношение к ним со стороны родителей как равнодушное, и лишь несколько человек негативно оценили эти взаимоотношения, считая, что родители относились к ним враждебно — били и выгоняли из дома. Необходимо учитывать также, что в представленных результатах оцениваются не реальные межличностные отношения, а субъективные мнения, которые могут отражать скрытые эмоциональные процессы, например связанные с желанием оправдать свои негативные поступ-

¹ *Имелинский К.И.* Сексология и сексопатология. С. 247.

ки или выдать желаемое за действительное. В то же время результаты этих опросов достаточно полно характеризуют позицию самого обвиняемого как в отношении себя, так и в отношении окружающих его людей.

Шкала оценок насильниками их отношений с матерью практически полностью совпадает с предыдущей: 30 человек из 42 опрошенных характеризуют эти отношения положительно (10 как тесные и эмоционально теплые, 20 как хорошие, но с серьезными конфликтами), 8 изучаемых считают, что мать относилась к ним безразлично, только 4 человека не питают к матери каких-либо положительных эмоций, так как та относилась, с их точки зрения, враждебно, часто применяя физические наказания.

Не меньшую ценность в благоприятном формировании личности индивида занимают отношения с отцом. Польский исследователь З. Старович, проанализировав механизм образования насильственного сексуального поведения будущих преступников, пришел к выводу, что отсутствие положительной чувственной связи и, как результат, образование негативного восприятия личности отца привело к тому, что представление о мужской половой роли формировалось на основе модели женского поведения (положительная оценка личности матери), при одновременной антиидентификации с личностью отца как отрицательно воспринимаемого примера мужской половой роли. Установление гетеросексуальных связей и реализацию сексуальных потребностей насильственным путем автор рассматривает как «попытку «подстраивания» своего поведения под представляемый ими образец выраженной мужской половой роли, ассоциирующейся с гипермаскулинным сексуальным поведением.

В тех же случаях, когда обследуемые позитивно оценивали личность отца и воспринимали его в качестве идентификационного примера, а личность матери оценивали негативно или индифферентно, насильственный путь удовлетворения направленных на женщин сексуальных потребностей скорее был связан с восприятием ими мужской роли агрес-

сора и завоевателя. При этом отмечалось полное пренебрежение к личности сексуального объекта, являвшееся проекцией общего отношения ко всем женщинам, характерного для такого восприятия мужской половой роли»¹.

Во взаимоотношениях со сверстниками в детском и подростковом возрастах преобладал обидчивый (26%) и упрямый (22%) характер поведенческих реакций при том, что большинство изучаемых характеризовалось как постоянно конфликтующие личности – 55%. Значительная часть подэкспертных (49%) уже в этот период развития стремилась к уединению, что нашло отражение во взрослом образе жизни. Подавляющее большинство в своих играх и контактах отдавали предпочтение лицам своего пола и примерно того же возраста.

Часть изучаемых (12 человек) в качестве одной из причин, оказавших значительное влияние на их развитие и формирование в детстве, назвали особенности их внешности, из-за которых они подвергались незаслуженным обидам со стороны сверстников: четверо пожаловались на чрезмерную полноту, двое – на маленький рост, пятеро – на дефекты речи и одного в детстве дразнили «кривоногим и косолапым».

Очевидно, что дальнейший образ жизни человека находится в прямой зависимости от особенностей детского и подросткового формирования, что подтвердили и наши исследования. Большая часть серийных насильников в быту это либо люди замкнутые, даже нелюдимые, ведущие уединенный образ жизни (37%), либо люди, отличающиеся повышенной агрессивностью, часто конфликтующие с окружающими (30%). По оценке исследователей, сексуальные расстройства часто возникают в связи с нарушением коммуникации. Замкнутость, как черта характера, может обуславливаться концентрированностью внимания в основном на себе, что приводит к снижению интереса к партнеру и, как результат, нарушению собственной сексуальности. Тем

¹ Старович З. Судебная сексология. С. 205.

не менее среди небольшой части серийных насильников (9%) отличительной чертой характера являлась общительность и широкие контакты в быту.

Ряд исследователей полагают, что получение в детстве личного опыта агрессии способствует ее сохранению и передаче из поколения в поколение. Исследования синдрома жестокого обращения с детьми свидетельствует о том, что факторами риска семейной агрессии являются алкоголизм, наркомания и психические нарушения супругов¹.

Любопытные результаты получили английские ученые, которые с помощью шкал агрессивности и антисоциального поведения обследовали 122 мальчика. Оказалось, что у них обнаруживается прямая взаимосвязь с поведенческими особенностями именно биологических отцов, а не отчимов, которые воспитывали их с детских лет. Это позволило исследователям сделать вывод не только о социальной обусловленности агрессивных черт, но и об их генетической трансплантации.

Одной из характерных черт, присущих серийным насильникам, является их сравнительно небольшой сексуальный опыт, который свидетельствует об их слабой адаптации в половых партнерских отношениях с женщинами. На момент совершения серийных изнасилований 70 испытуемых не были женаты, из них лишь семеро имели сожительницу, а 12 человек к тому времени были разведены. Остальные 30 испытуемых в ходе совершения серии половых нападений официально состояли в браке, при этом 8 человек в браке находились повторно.

Не вступали в брак 58 испытуемых (из них треть не достигла 18-летнего возраста), остальные были женаты хотя бы один раз. Возраст вступления в первый брак распределился следующим образом: большинство (54,7%) вступили в первый брак в возрасте 21–25 лет, по 19% испытуемых – от 18 до 20 лет и от 26 до 30 лет. Лишь 2,4% зарегистрировали брак в возрасте до 18 лет, 4,8% – после 30 лет.

¹ См.: Старович З. Судебная сексология. С.89.

Изучение характера взаимоотношений в семье свидетельствует о неблагополучии и в этой области межличностных отношений: большая часть (70,6%) в семье конфликтовали, причем у половины из них отношения с женой характеризовались как остро конфликтные; остальные обвиняемые сумели поддерживать с женой ровные и доброжелательные отношения. Поэтому не случайно, что в ходе совершения серийных нападения треть ранее женатых развелись, причем основными причинами развода послужили пьянство мужа или жены, измена одного из супругов. Для небольшой части разведенных причиной развода послужила сексуальная дисгармония в браке. Безусловно, такие преобладающие особенности в личности серийных насильников, как замкнутость и агрессивность, особенности образа жизни, связанные с криминальным прошлым и их патосексуальными устремлениями, способствуют нарушению и разрыву внутрисемейных связей, развитию неприязни, а это, в свою очередь, углубляет патопсихические процессы и отторгает насильника от микросреды, которая могла бы содействовать надлежащей социальной адаптации индивида. Подобные отношения приводят фактически к социальной изоляции, которая сама по себе содержит криминогенные черты с ее аномальной инициативой поиска нового сексуального партнера.

З., 48 лет, привлечен к уголовной ответственности впервые в 34 года за совершение 4 покушений и 20 оконченных эпизодов изнасилований взрослых женщин и 3 несовершеннолетних девочек.

Мать изучаемого в пожилом возрасте лечилась у психиатров, отец злоупотреблял спиртными напитками. В раннем возрасте З. был свидетелем сцен ревности и скандалов, которые устраивала мать, обвиняя отца в изменах. В детстве часто болел простудными заболеваниями, страдал ревмокардитом. В дошкольном возрасте испытывал страхи, пугался точки на стене, которая ему виделась. В школе учился удовлетворительно, был спокойным, послушным. Состоял на учете у терапевта по поводу недостаточности митрального клапана, неоднократно лечил-

ся в больницах. Отмечает, что его всегда «влекло к женскому полу», якобы играя в детстве в «папу с мамой», у него возникало половое возбуждение с эрекцией. С 11 лет стал онанировать. (Научился этому у своего друга старше его на 3 года, который рассказывал ему о женщинах и о половой жизни.) В 12 лет стал с одновременной мастурбацией подглядывать за женщинами в бане. Примерно в том же возрасте при мастурбации произошло первое семяизвержение. Онанировал в тот период почти ежедневно, сопровождая это гетеросексуальным эротическим фантазированием, периодически раздевался перед зеркалом, измерял свой половой член, что сопровождалось приятными ощущениями. С 17 лет постоянно обращался к врачу с жалобами на сильные головные боли, во время которых у него отмечалась тошнота, иногда – рвота. В то время также выявлялось повышение артериального давления, субфебрильная температура по вечерам. Первый половой акт совершил в 18 лет с девушкой своего возраста в трезвом состоянии по обоюдному согласию. Впоследствии половая жизнь с ней происходила достаточно регулярно в течение года с частотой 2–3 раза в неделю с периодическими эксцессами до 4 половых актов в день. Каких-либо трудностей при половых актах не испытывал. От первой сожительницы заразился гонореей. Этим объясняет то, что примерно в 20-летнем возрасте он на какое-то время охладел к женщинам, стал испытывать к ним чувство отвращения, было «противно» с ними общаться. В то же время утверждает, что в этот период он почти ежедневно мастурбировал, представляя симпатичных женщин. Примерно с 25 лет стал испытывать влечение к обнажению половых органов, которое сохранялось до 33 лет. В 25 лет впервые женился, однако через 5 лет развелся из-за взаимных измен. В 31 год второй брак, от которого имеет ребенка. Вновь возникло отвращение к жене и всем женщинам после того, как жена однажды предложила сделать ему фелляцию. После этого считает всех женщин развратными, достой-

ными обращения с ними лишь как с животными, в том числе и при сексуальных контактах.

В 33 года впервые совершил изнасилование незнакомой женщины. З. утверждает, что ночью почувствовал, как какая-то сила тянула его к незнакомому месту и требовала встретить женщину, которая там обязательно должна была пройти. По его словам, он действительно встретил в указанном месте одинокую женщину, которую затем изнасиловал. В дальнейшем совершал изнасилования якобы после того, как ночью его «поднимал» с постели «голос», который требовал совершить изнасилование и указывал место и время, где должна была пройти очередная жертва. Живя регулярной половой жизнью со второй женой и имея одновременно двух внебрачных сексуальных партнерш, З. несколько раз в неделю по ночам совершал сексуальные нападения, иногда до 3 изнасилований в течение суток. Отрицает какое-либо насилие по отношению к потерпевшим, утверждает, что добивался половой близости с ними угрозами и внезапностью нападения. Впоследствии стал замечать, что ему доставляет большее удовольствие не половой акт, а наблюдение за реакцией жертвы, ее страх, сопротивление. При этом понимал, что именно так необходимо вести себя с женщинами, считал их всех «самками», получающими от такого обращения удовольствие. Порой семяизвержение происходило, когда хватал жертву и, видя ее испуг, начинал раздевать.

При обследовании психиатрами он говорил, что женщина ему вообще не была нужна – был необходим сам момент нападения, сопротивления. Заявлял, что у него появлялось желание искусать, растерзать жертву, не мог с собой справиться. Утверждал, что у него две радости в жизни – его сексуальные влечения и дочь. Отбывая наказание, систематически мастурбировал и периодически совершал анальные половые акты с другими заключенными, выступая при этом в качестве активного партнера. Сексуальное влечение к мужчинам категорически отри-

цает. За время отбывания наказания З. якобы «пересмотрел» свое отношение к женщинам, стал видеть в них людей, имплантировал себе под кожу крайней плоти инородные тела для того, чтобы при половом акте доставлять женщине большее удовольствие. Переписывался с женщиной, с которой после освобождения стал сожителем. В сексуальном плане она его удовлетворяла, он испытывал к ней нежность, однако через некоторое время вдруг «понял, что и эта женщина хочет совершить с ним минет». После этого вновь возникло отвращение и презрение к партнерше и ко всем женщинам, появилось желание насиловать женщин, «как кур».

В ходе бесед с психиатрами просил разобраться в его состоянии и избавить его от болезни. Многословно, обстоятельно, сильно волнуясь, рассказывал о своих сексуальных переживаниях. Описывал состояния, когда ночью чувствовал, как какая-то сила тянула его к незнакомому месту, где якобы должна была пройти женщина. Такие эпизоды сопровождались внутренней борьбой, когда «один голос говорил идти и встретить женщину, а другой останавливал, напоминая об ответственности». Встречая красивую женщину на улице, якобы иногда на мгновение «терял сознание», а затем мог долго идти за ней следом, «как привязанный». По словам, неоднократно задерживался милицией за приставание к незнакомым женщинам на улице. Отмечал, что в последнее время его преследовала навязчивая мысль и желание совершить с женщиной куннилингус (возбуждение половых женских органов ртом). Был уверен в неестественности этого желания, считал его «извращением», признаком происходящего «внутреннего разложения». Указывал также на необычность некоторых ощущений перед совершением изнасилований, которые сравнивал с состоянием пробуждения, когда «пытается вспомнить сон», терял ощущение реальности. Тут же говорил, что такие состояния не всегда сопровождали возникновение желания, после реализации которого постоянно испытывал чувство стыда и раскаяния.

Полученные данные позволяют сделать вывод, что к совершению серийных изнасилований изучаемые пришли не случайно. Уже в подростковом возрасте каждый четвертый (по тем материалам, где имелись соответствующие сведения) заявил о себе как о потенциальном преступнике, в связи с чем был поставлен на учет в ИДН. Основной причиной у 65% поставленных на учет было совершение агрессивных действий, при этом 62% совершили агрессивные сексуальные действия. Среди других причин постановки на учет преобладали кражи и бродяжничество.

Почти $\frac{2}{3}$ обвиняемых (62 человека) ранее привлекались к уголовной ответственности за различные правонарушения, из них 66,7% вменялось совершение сексуальных домогательств, подавляющее большинство из которых (92,1%) составляют изнасилования. Остальные привлекались за насильственные, но не сексуальные преступления (12 человек) и за совершение краж (5 человек). Характерно, что криминальный опыт серийных насильников «богаче», чем у серийных сексуальных убийц, среди которых «лишь» 40,2% ранее привлекались к уголовной ответственности, причем только половина из них за сексуальные действия¹.

Более половины (35 человек) из числа ранее привлеченных к уголовной ответственности были направлены в места лишения свободы. Освободившись или окончив курс принудительного лечения в психиатрической больнице, 15 испытуемых совершили новое преступление, т.е. первый эпизод в серии изнасилований, находясь на свободе больше одного года; 9 человек стали совершать серию, находясь на свободе в период от 6 месяцев до года; 3 человека – от 3 до 6 месяцев; 8 человек – до 3 месяцев. Стремление к совершению насильственных сексуальных девиаций преобладает после освобождения, что, на наш взгляд, во многом обусловлено наличием парафилий, их прогрессирующим развитием и неспособностью справиться с подобной патологией. З.Старович делает вывод о том, что «распространенный в популя-

¹ См.: Павлов А.Р. Серийные сексуальные убийства и их предупреждение. С. 67.

ции насильников опыт отбывания наказания за совершение изнасилования усиливает их агрессивные позиции по отношению к женщинам, которые субъективно рассматриваются как источник личного оскорбления и унижения. Опыт осуждения стимулирует и потребность в тщательном сокрытии совершаемых преступлений, что достигается и с помощью устрашения жертвы»¹.

Отдельно хотелось бы остановиться на таком крайне важном аспекте, как влияние злоупотребления алкоголем на совершение насильственных серийных преступлений. Прежде всего необходимо отметить, что почти половина (44) изученных медицинских материалов содержит сведения о злоупотреблении алкоголем со стороны родителей подэкспертных, подчас обоими. Данное обстоятельство, без сомнения, играет отрицательную роль и в наследственной деформации, и в формировании личности будущих насильников.

Бесспорным является факт непосредственного влияния алкоголизма на совершение многих преступных действий, изучаемая категория преступников не явилась исключением. Об освобождающем действии алкоголя на сексуальную агрессию, а следовательно, и способствующем сексуальной преступности пишут многие исследователи. Установлено, что алкоголь усиливает сексуальную агрессивность, это влияние в равной мере характерно и для лиц, не имеющих зависимости от алкоголя, причем «зависимость от алкоголя и наркотиков имеет двоякую связь с сексуальной преступностью. С одной стороны, эти вещества провоцируют преступное поведение, а с другой — преступное поведение углубляет или провоцирует зависимость от них»².

Некто Ж., 33 года, образование среднее, женат. Обвиняется в том, что в течение полутора месяцев совершил шесть покушений на изнасилование девушек и молодых женщин примерно по одной и той же схеме. В вечернее время, в достаточно людных местах, будучи в

¹ Старович З. Судебная сексология. С. 206.

² Там же. С. 92.

состоянии алкогольного опьянения, догонял выбранную жертву, не вступая в вербальный контакт, наносил несколько ударов кулаком по голове или в лицо, старался повалить на землю, после чего, угрожая убийством, стаскивал с жертвы верхнюю одежду, задирает юбку и проникал руками к половым органам пострадавшей. Во всех случаях либо сама потерпевшая оказывала активное сопротивление, либо помощь приходила со стороны прохожих.

На допросах вину свою в совершении нападения признал, но категорически отрицал намерение совершить половые акты, настаивал на хулиганском мотиве.

Отец Ж. злоупотреблял алкоголем, в состоянии опьянения становился агрессивным, бил сына. Мать умерла от сердечного приступа, когда Ж. было два года. Вскоре отец женился вторично, отношения с мачехой были ровными и спокойными, но привязанности к ней и к отцу не испытывал. До школы воспитанием занимались родители матери, о которых вспоминает с благодарностью. В детском возрасте развивался правильно, формировался живым, подвижным. Трудностей в межличностных контактах не испытывал, имел много приятелей, пользовался среди них уважением. До 8-го класса учился в школе-интернате, старшие классы закончил в обычной школе. Отслужив в армии (демобилизировался на общих основаниях), работал каменщиком, за отличную работу неоднократно поощрялся премиями и награждался грамотами. В 20 лет женился, имеет двоих детей. По словам жены, отношения в семье хорошие, но в последние три года стал злоупотреблять спиртными напитками, в состоянии опьянения становился очень агрессивным, во время полового акта стремился причинить боль, сексуальная активность заметно снизилась.

В ходе обследования сексопатологом установлено, что испытуемый о сексуальных отношениях узнал в 12–13 лет от сверстников, с этого же возраста стал обращать внимание на девочек. Мастурбацией занимается с 14 лет по настоящее время с фантазиями любовных сцен из кинофиль-

мов. Садистическое содержание фантазий отрицает. Первый половой акт, который считает успешным, провел в 17 лет со своей будущей женой по обоюдному согласию. С 18 лет – регулярная половая жизнь, первые годы практически ежедневная, через 5 лет примерно 1–2 половых акта в неделю. В последние годы отметил снижение полового влечения к жене, требовалось дополнительное эротическое фантазирование. Когда стал причинять жене болевые ощущения (с силой вводил несколько пальцев во влагалище), заметил повышение эрекции, удлинение полового акта, более яркие оргастические переживания. Заметил, что, когда в состоянии алкогольного опьянения видел на улице понравившуюся девушку, то чувствовал «подъем и радость». Шел за ней, но не нападал. Через 5–10 минут после того, как терял девушку из виду, успокаивался. Причину, которая заставляла нападать, объяснить не может, «что-то толкало», в голове не было никаких мыслей, был полностью отрешен от окружающего, о последствиях не думал. Эти состояния всегда сопровождались половым возбуждением и эрекцией. Через полтора-два часа после нападения чувство радости и подъема проходило. Старается подчеркнуть, что во время нападений был только «слегка выпивши».

По заключению сексопатолога, у Ж. обнаруживается садистическое сексуальное влечение на фоне снижения полового влечения и ослабления эрекции с нарушением гетеросексуальной адаптации. Алкогольное опьянение оказывало провоцирующее воздействие на поведение испытуемого и совершение правонарушений. Проникновение к женским половым органам является у Ж. компонентом копулятивного цикла, облегчающим проведение всех этапов полового акта и способствующим возникновению более ярких оргастических переживаний.

Отвечая на вопросы психолога, Ж. смущается, но отвечает охотно, при расспросах о сексуальной сфере стремится сообщить исчерпывающие сведения. Затрудняется объяснить причину правонарушений, считает, что они обус-

ловлены состоянием алкогольного опьянения, сожалеет о случившемся. При экспериментально-психологическом исследовании обнаруживает дисгармоничность личности, проявляющуюся в сочетании стремления ориентироваться на мнение окружающих, строить поведение в соответствии с ожиданиями напряженности, аффективной ригидностью, ощущением враждебности со стороны окружающих. У испытуемого отмечается неуверенность в себе, низкая самооценка, подчиняемость. Характерны проявления мазохизма, склонность к подавлению и накоплению грубых эмоций, злонамеренность в поступках.

Судебно-психиатрическая экспертиза обнаружила у Ж. психопатические черты характера со склонностью к злоупотреблению алкоголем.

Половина серийных насильников (48%) совершали свои нападения, находясь в состоянии алкогольного опьянения. Однако лишь у нескольких из них судебно-психиатрическая комиссия отмечала склонность к злоупотреблению алкоголем, и только одному было рекомендовано лечение от алкоголизма, что не соответствует предварительным прогнозам о тотальном выявлении у насильников хронического алкоголизма. Алкогольная зависимость поведения серийных насильников оказалась чуть ниже, чем у серийных сексуальных убийц (по данным А. Павлова, около 60% этой категории преступников совершали убийства в состоянии алкогольного опьянения¹) и гораздо ниже, чем у разовых насильников (по данным А. Варданяна и Н. Сафиуллина, около 90% изнасилований совершается в состоянии алкогольного опьянения²).

Поведение серийных насильников более, чем у остальных перечисленных категорий половых преступников, определяется наличием сексуальных парафилий (особенно степенью их тяжести), которые сами по себе обладают дос-

¹ См.: Павлов А.Р. Серийные сексуальные убийства и их предупреждение. С. 54.

² См.: Варданян А.В., Сафиуллин Н.Х. Преступное насилие над личностью и виктимное поведение лиц, потерпевших от изнасилования. С. 7.

таточными детерминирующими криминогенными свойствами, и если и нуждаются, то лишь в незначительной дополнительной стимуляции.

В данном случае можно говорить не столько о непосредственном влиянии алкоголя на совершение серий сексуального насилия, сколько о том, что «развивающаяся со временем алкогольная или наркотическая деградация личности благоприятствует возникновению, развитию и последующему закреплению сексуальных девиаций; имевшиеся ранее сексуальные девиации при алкоголизме и наркомании приобретают стойкий характер и трудно поддаются медицинской корреляции»¹.

Наряду с алкоголизмом мощным негативным социальным явлением, сопутствующим преступности, является наркотизм, проявляющийся в употреблении различных наркосодержащих веществ. Употребление наркотиков, особенно при констатации наркомании, влечет ускоренную деградацию личности в социально-нравственном плане, значительную деформацию интеллектуальных, эмоциональных и волевых составляющих. Подверженный наркотической зависимости быстрее, чем алкоголик, утрачивает социальную адаптацию, моральные ценности и ориентиры, труднее поддается лечению. Неустойчивость эмоций, возбудимость, резкие колебания настроения, склонность к агрессии служат причиной утраты семейных и социальных связей, что приводит к замыканию в себе, в среде себе подобных.

Среди серийных насильников только некоторые (7%) совершали сексуальные нападения под воздействием наркотиков, тем не менее даже эта небольшая на первый взгляд цифра говорит о значительном и все более нарастающем влиянии наркотизма на детерминацию преступности в России. Об этом свидетельствует прежде всего динамика зарегистрированных за последние годы преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков – в период с 1990 по 1999 г. их число увеличилось почти в 15 раз, доля этих преступлений в

¹ Старович З. Судебная сексология. С. 21.

общем числе зарегистрированных увеличилась за тот же период почти в 8 раз.

Состояние наркотического опьянения снимает самоконтроль, обнажает нравственное огрубение, обостряет имеющиеся психопатологические особенности. Нередко поведение этих лиц непредсказуемо и неадекватно, одна и та же ситуация может вызвать реакцию с бурными аффективными и двигательными разрядами или оставляет их спокойными. Насильники, находящиеся под воздействием наркотических веществ, совершали сексуальные преступления, как правило, в отношении малолетних и несовершеннолетних, что подчеркивает их повышенную социальную опасность.

Некто В., 23 года, образование среднее, холост. В течение двух месяцев совершил серию изнасилований, состоящую из 4 нападений на несовершеннолетних девушек. После задержания на допросе пояснил, что преступления совершал под действием наркотиков, поэтому не мог с собой совладать.

Отец обвиняемого злоупотреблял алкоголем, часто устраивал скандалы в семье, бил жену и сына. За провинности сына бил ремнем с 3 лет, мог поставить в угол на всю ночь. В возрасте одного года В. получил черепно-мозговую травму и перенес легкое сотрясение головного мозга. По словам матери, в 6-летнем возрасте ему привязывали на ночь руки, так как заметили, что стал манипулировать с половым членом. По характеру формировался вспыльчивым, импульсивным, раздражительным в кругу родных, но в то же время общительным и веселым в кругу сверстников и приятелей. Не любил сестру, мог без причины ударить ее, был агрессивен в отношениях с другими девочками. Любил прятать от взрослых вещи, получал удовольствие от их беспокойства. В школе начал учиться с 8 лет, в начальных классах проявлял интерес к учебе, учился хорошо. С 13 лет отношение к школе изменил — стал конфликтовать с учителями, прогуливал занятия, снизилась успеваемость. Часто конфликтовал с родителями, причем нередко сам провоцировал конфлик-

ты, после которых уходил из дома, прятался на чердаках. Родители и родная сестра характеризовали его как лживого, двуличного человека. В 14 лет был замечен в агрессивных действиях по отношению к маленькой девочке. После окончания школы учился в ПТУ. При обследовании медицинской комиссией райвоенкомата был признан здоровым с диагнозом психиатра «умственная отсталость, не достигающая степени дебильности». Отслужив в армии, работал по специальности, по месту работы характеризовался посредственно. В свободное время любил смотреть фильмы ужасов, сцены насилия и жестокости.

Отвечая на вопросы психолога, пояснил, что отклонения в психике связывает с употреблением наркотиков. При расспросах о правонарушениях возбуждается, кричит, что никого не насиловал, так как импотент. В то же время признает, что совершил около 25 нападений на девушек. Утверждает, что никогда не было эрекции и эякуляции, поэтому проникал к женским половым органам руками (по показаниям потерпевших, в некоторых случаях эрекция была). Эмоционально неустойчив, стремится привлечь к себе внимание, вызвать сочувствие. У испытуемого отмечается эгоцентризм, демонстративность, инфантилизм, сниженность морально-этических норм поведения, антагонизм, ригидность, раздражительность.

По решению судебно-психиатрической комиссии В. в отношении инкриминируемых ему деяний признан вменяемым, у него обнаруживаются последствия раннего органического поражения головного мозга с психопатизацией личности и синдромом сексуальных перверсий в форме садизма на фоне ретардации психосексуального развития.

Очевидным представляется факт негативного влияния лиц с дефектной психикой на формирование личности. Прежде всего это относится к тем случаям, когда в силу своей психической патологии родители не способны в должной мере обеспечить надлежащее воспитание детей. При этом необходимо учитывать как биологический фактор, т.е. передачу

по наследству от родителей к детям предрасположенности к психическим дефектам, так и социально-психологический, при котором антисоциальное поведение таких родителей формирует у детей психологические установки аналогичного содержания.

По нашим данным, среди серийных насильников значительная часть имела зарегистрированную в анамнезе наследственную патопсихологическую предрасположенность – у 38% изучаемых родители страдали психическими расстройствами, однако в большинстве случаев диагноз заболеваний не указан. Подобный аспект имеет продолжение: у трети обвиняемых за серийные изнасилования остались дети: большинство из них (73%) имели одного ребенка, у 20% – по двое детей, у одного осталось четверо детей.

2.2. Причины серийных изнасилований в психиатрическом аспекте

Результаты патопсихологических исследований оказались в достаточной степени неожиданными – подавляющее большинство изученных лиц либо имеют различные психические аномалии, либо страдают хроническими психическими заболеваниями.

Так, 75 обвиняемых из 100 были признаны вменяемыми, но только в 5 случаях эксперты не обнаружили каких-либо психических изменений, оценив состояние обвиняемых как психически здоровое. 70 насильников страдают различного рода психическими аномалиями, причем у большинства обнаружено органическое поражение головного мозга (ОПГМ) – 52 человека, психопатией страдают 8 человек, семеро являются психопатическими личностями, трое – олигофренами.

Остальные 25 обвиняемых были признаны невменяемыми, основную массу которых составили больные шизофренией – 12 человек, лица с органическим поражением головного мозга – 8 человек, психопатией и олигофренией –

соответственно 3 и 2 испытуемых, которым, по результатам проведенных экспертиз, были рекомендованы принудительные меры медицинского характера: в психиатрических стационарах со строгим наблюдением — 10, с обычным наблюдением — 8, с усиленным — 7. Еще двоим по ст. 100 УК РФ рекомендовано амбулаторное принудительное лечение, так как они были признаны ограниченно вменяемыми.

Необходимо учитывать, что в отличие, например, от серийных убийц, не все насильники направляются на судебно-психиатрическую экспертизу и соответственно не все попали в нашу выборку. Назначая судебно-психиатрическую экспертизу, следователи руководствуются прежде всего наличием в анамнезе психических расстройств (как правило, учет в ПНД или лечение в психиатрической больнице) либо тяжестью совершенных ими деяний. По нашему мнению, такое положение совершенно неоправданно. Введение в УК РФ статьи об уголовной ответственности лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, фактически обязывает органы предварительного расследования значительно расширить принятый ранее на практике перечень признаков, на основе которого обвиняемые направлялись на судебно-психиатрическую экспертизу. На наш взгляд, одним из основных признаков является факт совершения серии преступлений даже в том случае, если в прошлом обвиняемого не установлены факты его обращения к психиатру. В подобных случаях возникает необходимость собирать и исследовать данные о патопсихологических особенностях серийного правонарушителя в повседневной жизни, в его отношениях с близкими, коллегами по работе и т.д. В первую очередь это связано с тем, что выявленное своевременно психическое расстройство непременно учитывается судом при назначении наказания и, что более важно, может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера (ст. 22 УК РФ). Фактически законодатель признал, что принудительному лечению должны подвергаться не только лица, признанные невменяемыми в отношении инкриминируемых деяний, но

и лица, приговоренные к различным видам наказаний. По оценке специалистов, накопленный опыт свидетельствует о том, что норма ограниченной вменяемости внедряется в судебно-психиатрическую экспертизу достаточно динамично, причем «в практике применения «ограниченной вменяемости» органическое психическое расстройство оказалось наиболее актуальной психической патологией. В 1997 г. от всего числа признанных ограниченно вменяемыми в Центре им. В.П. Сербского 67% составили испытуемые с органическим поражением головного мозга, тогда как испытуемых с психопатией было 16%, с умственной отсталостью – 8%, больных шизофренией – 5%, прочих – 4%»¹.

В анамнезе 60 человек из всех испытуемых по тем или иным причинам стояли на учете у психиатра и в той или иной форме получали лечение, причем из них 49% проходили курс лечения стационарно в психиатрической больнице, а 63% из тех же 60 человек длительное время наблюдались в ПНД. Среди обнаруженных психических расстройств преобладали те же, которые были в дальнейшем диагностированы в ходе проведения судебно-психиатрической экспертизы. В основном это шизофрения, олигофрения, ОПГМ и психопатия. Необходимо отметить, что к моменту совершения серии изнасилований 5 подэкспертных были сняты с учета в ПНД.

Отличие патопсихологических особенностей серийных насильников от серийный убийц заключается не только в количественных показателях (среди убийц невменяемыми признаны 16,5%, с психическими аномалиями – 60,6, здоровы – 22,9%), но, что значительно важнее, в процентном представительстве в нозологических группах (среди убийц, признанных вменяемыми, у 47% диагностирована психическая аномалия в форме психопатии, у 16,7% – органическое заболевание ЦНС, по 15,5% – шизофрения и олигоф-

¹ Вандыш В.В., Андреева Е.С. Некоторые клинические и организационные аспекты применения нормы «ограниченной вменяемости» в отношении лиц с органическим психическим расстройством // Российский психиатрический журнал. 1999. №2. С. 4.

рения в стадии дебильности, а также хронический алкоголизм — 4,6%)¹.

Психические расстройства и их дальнейшее прогрессирование часто обуславливаются ранней травматической этиологией, связанной в первую очередь с негативными условиями зарождения плода и его появления на свет. Сведения о развитии беременности свидетельствуют о высоком проценте патологических проявлений на данной стадии — в 35 материалах содержится ответ на этот вопрос: в 16 случаях отмечалась различная патология, в первую очередь связанная с токсикозом. Из 45 материалов, содержащих сведения о том, как происходило рождение исследуемого, в 14 случаях отмечалась асфиксия, 5 — окончились родовыми травмами, в 3 случаях роды произошли раньше срока, 4 — с иной патологией. Таким образом, в более чем половине случаев рождение будущего преступника связано с негативными процессами беременности, а также с той или иной травматизацией при родах.

К психическим аномалиям следует относить расстройства, которые не дают оснований считать человека психически здоровым полностью, но не позволяют отнести его и к психически больным. Среди изучаемой категории преступников процент лиц с психическими аномалиями весьма велик — у 70 подэкспертных из 75 признанных вменяемыми выявлены психические расстройства, из них 52 человека составляют лица с органическим поражением головного мозга, у 15 обнаружены признаки психопатии и психопатической личности, трое признаны олигофренами.

Лица с указанными формами психопатологии в основном сохраняют свои социальные связи, как правило, они правоспособны и подлежат уголовной ответственности, однако аномалии затрудняют их социальную адаптацию, снижают способность отдавать отчет в своих действиях и руководить ими. Психические аномалии способствуют возникновению и развитию раздражительности, агрессивности,

¹ См.: Павлов А.Р. Серийные сексуальные убийства и их предупреждение. С. 43.

жестокости и в то же время снижают волевые процессы, ослабляют сдерживающие контрольные механизмы, сужают возможности разумного восприятия ситуации, принятия адекватного решения возникшей проблемы и выбора соответствующего поведения. Более того, психические аномалии, проникая в бессознательную сферу психики человека, негативно изменяют его взаимоотношения с окружающим миром и самим собой, гипертрофируют отдельные потребности личности, мешают осмыслить свои поступки, активно участвуют в формировании мотивов поведения, что может в первую очередь проявляться в склонности к стандартизации поведения. «В самом общем виде можно предположить, что наличие аномалий психики повышает роль бессознательных явлений и процессов в преступном поведении в том смысле, что подлинные мотивы такого поведения осознаются меньше, чем здоровым человеком. Управлять своим поведением лицу с психическим аномалиями поэтому сложнее»¹.

Так как между отдельными видами психических аномалий и отдельными видами противоправного поведения, между интенсивностью проявлений психических отклонений и устойчивостью преступной активности существуют взаимосвязи, необходимо тщательнее исследовать факторы, приущие каждой из выявленных нозологических групп.

Как показывают результаты исследований, у большинства (60%) серийных насильников установлено органическое поражение головного мозга, в основном травматической этиологии. Кроме того, отмечаются многочисленные случаи отсутствия в анамнезе факта констатации данного расстройства, при этом непосредственная причина данного расстройства, т.е. черепно-мозговая травма, либо не фиксируется в медицинских документах, так как пострадавший не обращался в медицинское учреждение, либо фиксируется, но лишь как травма головы без психопатологических последствий. В связи с этим мы получаем ре-

¹ *Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступное поведение и психические аномалии. М., 1998. С. 52.*

зультаты, которые в итоге прямо влияют на предупреждение данной категории насильников: следовательно, игнорируя объективное наличие психического расстройства, не направляет на судебно-психиатрическую экспертизу обвиняемого, имеющего психические аномалии, суд нарушает права подсудимого, не смягчая ему наказание, и к осужденному в местах лишения свободы не применяются соответствующие меры, в том числе принудительно-медицинского характера.

В 1997 г. судебно-психиатрическая экспертиза признала двух обвиняемых за совершение серийных изнасилований ограниченно вменяемыми и рекомендовала применение амбулаторного принудительного наблюдения и лечения в порядке ст. 100 УК РФ. Причем обоим обвиняемым диагностировано органическое поражение головного мозга.

Органическое поражение головного мозга обусловлено внешними отрицательными воздействиями (травматическими, инфекционными, интоксикационными и иными), при которых возникающие в подкорковой части головного мозга микроповреждения оказывают значительное и специфическое влияние на поведение человека. Лица с психической патологией органического генеза составляют значительную часть числа проходящих судебно-психиатрическое освидетельствование, что связано как с частотой этого вида патологии в популяции в целом, так и с наличием определенной зависимости между характером подобных психопатологических проявлений и особенностями адаптации таких лиц, их поведением, в том числе противоправным.

Черепно-мозговая травма, занимая доминирующее место в этиологии органических психических расстройств, представляет собой механическое повреждение черепа или внутримозговых образований, т.е. головного мозга, мозговых оболочек, сосудов, черепных нервов, и составляет 25–30% всех травм, а среди летальных исходов при травмах ее удельный вес достигает 50–60%. Причины черепно-мозговых травм социально обусловлены, среди них доминируют транспор-

тный (в основном автодорожный), бытовой и производственный травматизм¹.

Последствия закрытых черепно-мозговых травм проявляются в разнообразных нервно-психических расстройствах, среди которых основное место занимают состояния помраченного сознания, нарушения интеллекта, памяти, эмоциональные и волевые нарушения. Для них характерны резкие колебания настроения, причем при пониженном часто отмечается злобность, при повышенном – дурашливость. Особенно повышает вероятность правонарушений сочетание психических расстройств вследствие травмы черепа и алкоголизма. На отдаленных этапах подобных травм могут появляться стойкие психические расстройства, снижение социально-трудовой адаптации, затяжные негативные реакции личности на проявление болезни, неблагоприятные микросоциальные воздействия, что способствует формированию антисоциальных интересов.

Взаимосвязь между органическими психическими расстройствами и сексуальными нарушениями отмечают многие исследователи. С. Теросян отмечает, что у каждого 3–4-го больного в возрасте от 20 до 50 лет органическое поражение головного мозга неизбежно сопровождается теми или иными отклонениями сексуальной сферы; 8 из 10 больных обращаются с жалобами на половую слабость спустя 3–15 лет после перенесенного органического поражения головного мозга с остаточными явлениями². По данным З. Старовича, после перенесенного сотрясения головного мозга сексуальные расстройства проявляются у 75% женщин и 64% мужчин³. При клиническом, психологическом и криминологическом сравнении двух групп сексуальных агрессоров (200 человек) И. Кудрявцев пришел к выводу, что «раннее поражение головного мозга является той биологичес-

¹ См.: Малая медицинская энциклопедия/Под ред. В.И.Покровского. Т. 6. М., 1996. С. 268.

² См.: Теросян С.А. Сексуальные дисфункции при органических заболеваниях нервной системы//Актуальные вопросы сексопатологии. С. 301.

³ См.: Старович З. Судебная сексология. С. 20.

кой почвой, на которой происходит становление патологической сексуальности»¹.

Весьма значим для развития органического поражения головного мозга временной фактор, т.е. в какой период становления индивида им были получены нежелательные воздействия. В случае раннего органического поражения, например в результате патологии беременности и родов у матери, асфиксии при рождении (ранняя этиология среди серийных насильников с ОПГМ была диагностирована у 33%), отмечались психопатоподобные расстройства, которые прогрессировали в пубертатном возрасте. Среди аномальных особенностей на первое место выступал повышенный интерес к вопросам секса. При частом общем психофизическом инфантилизме наблюдалось не только рано пробудившееся (к 8–9 годам) половое влечение, но и довольно рано наступившее половое созревание (завершение к 11–12 годам). Этот феномен ускоренного созревания отмечают многие отечественные и зарубежные авторы.

Рано пробудившееся половое влечение весьма негативно влияет на формирование сексуального опыта, в значительной степени утрачиваются качества, необходимые для нормальных интимных отношений между мужчиной и женщиной. Половое поведение, не получая необходимой романтической окраски, приобретает «потребительскую» форму. По мнению А. Нохурова, повторность сексуальных противоправных действий причинно связана «с проявлениями раннего ОПГМ: ригидностью, тупоподвижностью психических процессов, в том числе фиксацией на приобретенных навыках (в частности, эротических), стереотипизацией поведения при затруднении усвоения адекватных (а для данных лиц неприемлемо новых) способов половой жизни»².

¹ Кудрявцев И.А. Психопатология и психология сексуальных агрессоров // Материалы 2-й Междунар. науч. конф. «Серийные убийства и социальная агрессия». Ростов-на-Дону, 1998. С. 145.

² Нохуров А. Нарушения сексуального поведения. Судебно-психиатрический аспект. М., 1988. С. 98.

Некто А., 24 года, за полгода совершил три нападения (два покушения, одно окончено) на женщин в возрасте от 25 до 40 лет. Противоправное поведение обвиняемого характеризует эпизод, произошедший при следующих обстоятельствах: в 17 часов догнал А. у подъезда двух молодых женщин, лицо закрывал коричневой тряпкой, угрожая ножом и пистолетом (газовым), затолкал одну из них в лифт. Придерживая ногой дверь лифта и наставляя пистолет на вторую женщину, заставил мастурбировать половой член, а затем совершил *peg os* с эякуляцией. Отобрав у женщин украшения и верхнюю одежду, скрылся.

История болезни А. свидетельствует, что его мать при беременности лежала на сохранении, мальчик родился в двойне семимесячным, первую неделю находился в барокамере, рос слабым. Отец злоупотреблял спиртными напитками, бил мать, с семьей не живет. Воспитывался бабушкой, формировался общительным, добрым, отзывчивым, вспыльчивым, внушаемым. Со школьной программой не справлялся, часто пропускал занятия по болезни, постоянно жаловался на головные боли и утомляемость, испытывал трудности в общении с одноклассниками. Окончив 8 классов, учился в ПТУ. По направлению военкомата обследовался в психиатрической больнице, где у него была выявлена дебильность в легкой степени с эмоционально-волевыми нарушениями. Признан негодным к воинской службе в мирное время, поставлен на учет в ПНД.

При обследовании у сексопатолога отказался отвечать на большинство вопросов, однако пожаловался, что за всю жизнь у него было всего около 8 эпизодических половых контактов, но повторно девушки почему-то старались с ним не встречаться. Первый половой акт состоялся с 20-летней девушкой, эякуляция «произошла быстро, было противно». Категорически отрицает свою вину в совершении правонарушений, считает, что «дело сфабриковано». Результаты обследования обнаруживают последствия раннего органического поражения ЦНС с некоторыми изменениями психики. Основным сексуаль-

ным расстройством является дисгармония пубертата (задержка психосексуального развития при нормативном соматосексуальном).

Обвиняемые с последствиями травматического поражения головного мозга составляют среди «органиков» 20,5% и отличаются лучшей, в сравнении с другими, социальной адаптацией. Среди них больше общительных, меньше – замкнутых. Как правило, лица данной группы причиняли своей жертве легкие телесные повреждения, только в двух случаях пострадавшие были убиты.

У серийных насильников с ОПГМ смешанной этиологии (сложного генеза), составляющих 38,5% общего числа «органиков», отмечались в анамнезе не только черепно-мозговые травмы, но и перенесенные инфекционные заболевания, осложненные различного рода интоксикациями. Лица с подобным расстройством испытывали сложности с усвоением материала в учебных заведениях, среди них отмечается высокий процент бросивших школу после получения неполного среднего образования, что также характерно и для раннего ОПГМ. У половины насильников этой категории выявлены парафилии, среди которых преобладает садизм, а также высок процент преступников, действовавших с нарастающей агрессией. Поведение подавляющего большинства насильников этой группы отличалось игнорированием вербального контакта с жертвами на месте преступления. Более половины насильников с ОПГМ смешанной этиологии употребляли перед нападением алкоголь. Этот факт лишний раз подтверждает, что алкоголизация «органиков» является одной из причин отягощения психического расстройства. Подобные результаты свидетельствуют о весьма высокой степени криминогенности данной группы серийных насильников.

Приведенный ниже пример характеризует поведение серийного насильника, у которого выявлено органическое поражение головного мозга сложного генеза, включающего патологию раннего периода развития, повторные травмы головы, алкоголизм.

Некто Р., 25 лет, ранее судимый за попытку изнасилования, в течение 3 месяцев совершил четыре нападения (два окончены) на женщин в возрасте от 17 до 56 лет. В начале декабря, поздним вечером, увидев на безлюдной улице двух ранее незнакомых несовершеннолетних девушек, Р. неожиданно напал, одну из них ударил по голове бутылкой, но она смогла убежать. Тогда Р., схватив за одежду вторую, потащил ее в овраг, где стал раздевать, предварительно накрыв ее голову капюшоном и полами верхней одежды. Сразу совершить половой акт не смог, так как не было эрекции, тогда некоторое время прижимался половым членом к лобковой части жертвы, после чего совершил половое сношение. После задержания во время допроса, выбив два стекла, выпрыгнул из окна 2-го этажа, объяснив это желанием покончить с собой. Правонарушения признал, но пояснил, что ничего не помнит, так как был пьян.

Как свидетельствует история болезни, обвиняемый рос в семье жестоких родителей. Отец часто злоупотреблял алкоголем, избивал жену и детей, через три года после рождения сына родители развелись. Мать характеризует как злопамятную, жестокую женщину, которая часто была по пустякам. В раннем детстве перенес несколько травм головы с потерей сознания, лечился из-за этого стационарно; до 16 лет страдал энурезом. Рос общительным, подвижным, легко возбудимым, учеба давалась с трудом, жаловался на плохую память, завидовал отличникам. После окончания 8 классов поступил в ПТУ, но вскоре бросил из-за сложностей в учебе, конфликтов с учащимися — подвергали избиению и унижению, дразнили «безотцовщиной». Близких друзей не было, хотя этим не тяготился. Испытывал постоянную ненависть к отцу, вспоминая, как тот избивал его и мать. Было желание отомстить ему, даже однажды после армии приехал с этой целью, но, увидев новую семью отца, от мести отказался. В армии служил водителем. Отличался конфликтностью, однажды, не сдержавшись, хотел задавить машиной одного из обидчиков, но тот

сумел убежать. В 20 лет в группе изнасиловал девушку, было возбуждено уголовное дело, но после вмешательства родителей потерпевшая заявление забрала. В том же году привлекался по ст. 119 УК РСФСР за половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости, уголовное дело прекращено с передачей в товарищеский суд. Через полгода вновь совершил противоправное деяние — в состоянии алкогольного опьянения предложил ранее знакомой А. вступить в половую связь, при отказе ударил ее кулаком в лицо, потерпевшая потеряла сознание. По факту хулиганства было возбуждено уголовное дело, но Р. от следствия скрылся. Через год был задержан и осужден на 2 года исправительных работ, освобожден по амнистии. Женат, имеет сына, отношения в семье хорошие, что подтвердила жена, но злоупотреблял спиртными напитками.

При обследовании сексопатологом Р. пояснил, что девушки нравятся с 16 лет, с этого же возраста встречался с 14-летней девушкой. Эротические сны появились в подростковом возрасте, с 15 лет пробовал мастурбировать, всегда сразу же наступало семяизвержение, но затем отказался, считает, что «это не прилично». Первую попытку полового акта предпринял в 18 лет по согласию со своей 14-летней знакомой, но в процессе отказался от продолжения, так как пожалел партнершу, которая была девственницей. Отметил, что до брака были единичные половые контакты. По заключению сексопатолога, у Р. нарушений сексуальной сферы не выявлено, обнаруживается сексуальное расстройство в форме тотальной задержки пубертата.

Сравнительный анализ характеристик «органиков», характеристик всей категории серийных насильников в целом и представителей иных нозологических групп в отдельности выявил ряд параметров, свидетельствующих об особенностях лиц, имеющих органические психические расстройства: средний возраст начала серийной активности такой же, как в основной группе, — 24 года; в детстве отличались драчливым и упрямым характером; среди «органиков» высок

процент тех, кому учеба в школе давалась с трудом, однако общий образовательный уровень у них несколько выше, чем среди остальной части обследуемых, — среди получивших среднее образование у 69,7% затем было диагностировано ОПГМ; значительна доля лиц, для которых совместная семейная жизнь вызывала затруднения — 87,5% разведенных приходится на долю «органиков» и 70,8% состоящих в браке имели конфликтные отношения с женой; некоторые «органики» быстро теряют контроль над собой, о чем свидетельствует тот факт, что только среди них были отмечены лица, доказывающие свою «правоту» силой (5 человек отличались частыми бытовыми драками); только среди данной группы обследованных были лица, начинавшие свою преступную активность с краж (5 человек). Среди рецидивистов — серийных насильников отмечается большой процент «органиков» (77,8%), в том числе таких, кто трижды привлекался за серию; выявлена значительная доля «органиков» среди тех, кто в ходе нападения предпочитал использовать оружие или иные предметы для подавления сопротивления жертв. Высокий процент (77,8%) «органиков» отмечен в числе преступников, кто причинил потерпевшим вред здоровью средней тяжести, аналогичный показатель среди тех, кто убивал своих жертв. Только среди лиц с органическими расстройствами отмечены те, кто в ходе одной серии нападал на женщин старше 60 лет (2 человека), одновременно и на пожилых, и на несовершеннолетних (также 2); только среди этой категории отмечено усиление полового возбуждения после нанесения ударов (2 насильника).

На основе широкого распространения органического поражения головного мозга некоторыми исследователями была создана теория, согласно которой любые структурные или биохимические изменения в мозге, такие, как острые или хронические интоксикации или болезни мозга, посттравматические состояния или психические заболевания, могут стать причиной появления девиантных форм сексуального поведения. При этом предполагается, что «одним из механизмов, участвующих в формировании девиантного

поведения, является общее ослабление контроля психики, которая уже не в состоянии сдерживать «замаскированные» девиантные формы сексуального поведения»¹.

Психопатии определяются как аномалии характера, патологические характеры и относятся к так называемой пограничной психиатрии. Среди серийных насильников удельный вес лиц, имеющих психические расстройства в форме психопатии, составляет 18%. Исследователи видят причины возникновения психопатий в недоразвитости регуляторных механизмов коры головного мозга, акцентуации характера, психопатиях у родителей, особенно отца.

Основные симптомы такого типа развития личности у субъектов моложе 18 лет выражаются в конфликтах с воспитателями, импульсивном поведении в школе, конфликтах с правоохранительными органами, раннем сексуальном опыте, алкоголизме, вандализме, прогуле уроков. После 18 лет отмечается пренебрежение должностными обязанностями, неприятие общественных норм, разводы и отдельное проживание от семьи, проявление физической агрессии.

Психоаналитическая концепция психопатии указывает, что лица, страдающие психопатиями, хорошо осведомлены о принятых в обществе обязательных нормах морали, однако эти нормы они усвоили недостаточно и по отношению к избранному кругу лиц готовы их преступить. Они не могут руководить последствиями начатых действий, имеют слабую ориентацию в действительности, склонны желаемое принимать за действительное. Импульсивные действия у таких лиц не подчиняются внутреннему контролю, они не выносят депривации, т.е. недостаточности удовлетворения каких-либо потребностей организма. Напряжение может разрешаться только путем совершения антиобщественных и аморальных поступков. В соответствии с положениями психоанализа авторы усматривают причину возникновения психопатий в нарушении чувственных связей в семье².

¹ *Имелинский К.И.* Сексология и сексопатология. С. 363.

² См.: *Старович З.* Судебная сексология. С. 93.

Психопатия возникает под влиянием внешней среды у личности, имеющей биологически неполноценную нервную систему, врожденную либо рано приобретенную. При этом наличие патологически измененной нервной системы для диагностирования психопатии как психиатрического диагноза обязательно, что позволяет не смешивать ее с асоциальными формами поведения и акцентуациями характера. Для психопатов характерна относительная сохранность своих познавательных способностей, которая сочетается с несоответствием эмоционально-волевых свойств, что значительно сужает адаптационные возможности личности¹.

Приведем характерный пример серийного насильника, у которого диагностирована психопатия. Некто С., 19 лет, ранее привлекавшийся к уголовной ответственности за попытки сексуального насилия, вновь совершил аналогичные преступления.

Полгода С. безнаказанно совершал нападения на девочек в возрасте 8–15 лет, придерживаясь примерно одной схемы: заходил за своей жертвой в лифт, угрожая ножом или лезвием бритвы, заставлял раздеваться, прикасался к половым органам потерпевшей, затем насиловал *per os* и *per anum*. В ряде случаев попытки полового сношения были неудачны. Затем, изменив способ нападения, стал проникать в квартиры потерпевших, где совершал половые акты, открыто похищал ценности.

В ходе следствия заявил, что совершил около 60 подобных нападений, хотя предварительное расследование инкриминировало ему 22 эпизода. Свое поведение объяснял незнанием того, что половые акты в задний проход и в рот наказуемы.

Рождение и раннее развитие С. протекали в нормальных условиях, формировался тихим, обидчивым, не умеющим постоять за себя. Отец отличался несдержанностью, желанием подчинять, был судим за хулиганство; мать —

¹ См.: *Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступное поведение и психические аномалии. С. 23.*

легко ранимая, впечатлительная. Был сильно привязан к матери, которая много времени уделяла воспитанию сына, водила его на выставки, в театры. В младших классах успевал хорошо, отличаясь легким усвоением учебного материала. Близких друзей не было, во дворе играл в подвижные игры с ребятами младшего возраста, в отношениях с девочками испытывал «сложности общения, робость и нерешительность». С появлением в семье второго ребенка большую часть свободного времени был предоставлен сам себе. Увлекался астрономией, занимался баскетболом. В 13 лет заметно прибавил в весе, появился интерес к сексуальным отношениям, порнографии, с этого же возраста стал заниматься мастурбацией. Изменился по характеру, начались конфликты с учителями, считал, что те «несправедливы к нему», снизилась успеваемость, из-за чего начались конфликты и с отцом. Проявлял упрямство при достижении своей цели, иногда устраивал истерику, настаивая на своей правоте. С 15 лет один бродил по Москве. В 16 лет совершил развратные действия с малолетней девочкой, за что был поставлен на учет в ИДН. Окончив 8 классов, поступил в ПТУ по специальности сварщика, где отличался как способный, успевающий по всем предметам, занимался спортом, вел общественную работу, но по характеру был несдержан, неуравновешен, даже груб. В 17 лет в лифте, угрожая ножом, совершил попытку изнасилования 15-летней девушки, был задержан. Уголовное дело было прекращено, материалы переданы в комиссию по делам несовершеннолетних. За примерное поведение был снят с учета примерно через год, т.е. уже в ходе совершения им серии изнасилований малолетних.

В беседе с психологом заявил, что родители его не понимают, относятся к нему «как к неродному», препятствовали его встречам с подростками. В компаниях в последнее время стремился занять позицию лидера, в этой роли становился энергичным и деятельным. О правонарушениях говорит неохотно, отрицает свое влечение к

девочкам, утверждает, что выбор возраста жертв был случайным. После первых нападений испытывал страх перед будущим наказанием, однако в дальнейшем от случая к случаю росла уверенность в безнаказанности, считал, что его «не поймают и все пройдет гладко». Мысль об изнасиловании приходила при виде понравившейся девочки, но мог легко отказаться от своего намерения, если кто-либо мешал. После правонарушения испытывал «чувство удовлетворения», о содеянном забывал, как только уходил с места преступления. Настаивает на том, что только к сверстницам испытывает половое влечение, но тем не менее реализовывать его не пытался, так как испытывает трудности при знакомстве с девушками своего возраста. В последнее время нравилось совершать нападения, так как испытывал чувство удовлетворения от риска, преследования, преодоления сопротивления и подчинения девочек. По результатам судебно-психиатрического исследования, С. обнаруживает признаки формирующейся психопатии истеро-возбудимого круга с формирующимся сексуальным садизмом.

Сравнительный анализ характеристик психопатов с представителями иных нозологических групп выявил ряд особенностей данной группы. Средний возраст начала серийной активности чуть старше основной группы – 25 лет; лишь пятая часть всех психопатов воспитывалась в полной семье, половина – без отца, при этом 60% всех опрошенных представителей этой группы относились к своей семье по типу отторжения, считая, что те не заботились о них в должной степени. Среди психопатов высок процент злоупотреблявших в подростковом возрасте токсическими и наркотическими веществами, а также занимавшихся бродяжничеством, что в дальнейшем оказало непосредственное влияние на совершение ими преступлений – половина совершивших изнасилования в состоянии наркотического опьянения были психопатами. Примерно половина на момент совершения преступлений были женаты, однако среди них отмечается высокий процент (45%) повторных браков; взаимоотноше-

ния с женой по существу отличаются от иных групп — $\frac{2}{3}$ в семье конфликтовали, $\frac{1}{3}$ оценивали эти отношения как доброжелательные. Психопаты отличаются более высоким уровнем социальной адаптации — среди них более высокий уровень образования, по месту работы в целом характеризовались положительно. Среди них мало лиц, ведущих замкнутый образ жизни (12%), в то же время, как и предыдущая группа, психопаты часто конфликтуют с окружающими (43,8%), выбирая объектами своей агрессии либо жену (30%), либо случайных лиц (50%). 67% рассматриваемой группы ранее привлекались к уголовной ответственности, причем 75% — за сексуальные насильственные преступления. Они предпочитают нападать в вечерние и ночные часы, используя колюще-режущее оружие. В исследуемой группе отмечен самый низкий процент покушений по сравнению с оконченными преступлениями (34,9%); 60% психопатов причинили потерпевшим вред здоровью, при этом явно прослеживается стремление к убийству — 43% нанесли жертве тяжкий вред здоровью, который в ряде случаев повлек смерть потерпевшей, в одном случае потерпевшая предприняла попытку суицида.

Несомненно, что отдельного рассмотрения требует важный и сложный вопрос о том, должна ли криминология изучать личность и общественно опасное поведение душевнобольных людей. На наш взгляд, криминология не должна отстраняться от изучения и оценки общественно опасного поведения насильников, признанных невменяемыми. Безусловно, для криминологического исследования прежде всего важны насильники, признанные судебно-психиатрической экспертизой психически здоровыми либо имеющие психические аномалии в рамках вменяемости. Если судебные инстанции, соглашаясь с рекомендациями СПЭ, признают лицо невменяемым, то данное лицо не может быть субъектом состава преступления, оно совершает не преступление, а общественно опасное деяние, освобождается от уголовной ответственности и наказания, соответственно как объект исследования выпадает из круга интересов уголов-

ного права и криминологии. Тем не менее мы считаем, что криминология обязательно должна изучать данную категорию правонарушителей: необходимо учитывать, что каждый четвертый из совершивших серийные сексуальные нападения признан психиатрической экспертизой невменяемым, что свидетельствует о весьма значительном проценте таких людей среди серийных насильников. Их игнорирование не даст полного и объективного представления о всей категории изучаемых преступников, их поведение не менее, а порой и значительно более социально опасно, чем поведение лиц, признанных вменяемыми, от них также необходимо оградить общество. Нельзя не заметить, что и вменяемые, и невменяемые совершают на месте преступления внешне схожие действия, и те и другие после воздействия на них со стороны правоохранительных и медицинских организаций вновь продолжают совершать аналогичные поступки.

Рассмотрим пример серийного насильника, у которого судебно-психиатрической экспертизой выявлено хроническое психическое заболевание в форме шизоидной психопатии на органически неполноценной почве с аффективными колебаниями и расстройством сексуального влечения.

Н., 41 год, образование высшее техническое, работал начальником строительного участка, за 11 лет совершил 13 нападений на девушек и женщин в возрасте от 13 до 28 лет. В качестве примеров, характеризующих девиантное поведение Н., рассмотрим два нападения, совершенных обвиняемым.

В начале весны примерно в 8 ч утра Н. за поселком догнал идущую на работу двадцатилетнюю К., угрожая принесенным с собой ножом, завел в заброшенный дом, связал ей руки и надел на голову мешок, забрал украшения, раздел, повалил на кровать лицом вниз, совершил половой акт сзади во влагалище, закончив его семьяизвержением. Не снимая с ее головы мешок, одел ее, стал расспрашивать, где живет, работает, сколько лет и т.д. Затем снова снял с нее джинсы и нижнее белье, положил на кровать,

снял с головы мешок, но завязал глаза. После этого стал фотографировать К., при этом заставлял ее брать половой член в рот, при сопротивлении бил ладонями по лицу. Вновь совершил половой акт во влагалище. Длительность преступных действий составила 3 ч.

В середине лета того же года днем к находящимся около пруда трем девочкам возраста 14–15 лет подбежал незнакомый мужчина, на голове которого был надет чулок. Угрожая ножом, он связал им руки принесенными веревками, сложил их одежду в пакет (девочки загорали на пруду), завел их в расположенный недалеко лес, расстелил на земле одеяло и заставил всех потерпевших лечь на это одеяло лицом вниз. После этого снял со всех купальники, трогал их половые органы, фотографировал их обнаженные тела, заставляя принимать различные позы, головы девушек накрывал одеялом. В ходе этих действий задавал вопросы о том, где они живут, с кем, девственницы ли они, жили ли до этого половой жизнью. Периодически ненадолго уходил в лес, затем возвращался. Заставлял брать половой член в рот, вводил его во влагалище. Длительность этих действий составила 2 ч.

После задержания Н. при обыске в его гараже были обнаружены украшения потерпевших, пленки, фотографии с изображением потерпевших, записная книжка. Во время следствия признал вину по всем преступлениям, добровольно расшифровал свои записи в записной книжке, заявив о дополнительных эпизодах. Объясняя свое поведение, рассказал, что в 17-летнем возрасте, увидев в лесу девушку, почувствовал, как будто что-то замкнуло, слышал все как через вату, но сексуального возбуждения при этом не испытал. Через некоторое время стал приезжать на это место, гулял без определенной цели. Однажды увидел, как мужчина пытался изнасиловать девушку и, вмешавшись, помешал этому. Считал этот лес своей территорией, «гонял оттуда бомжей». Утверждал, что заранее не планировал нападения, шел просто гулять, напал только тогда, когда появлялось состояние, аналогичное

первому. Часто при нападениях казалось, что ранее во сне видел все это, он и его жертва ведут себя «как должно быть». Возраст и внешность при выборе жертвы значения не имели. Происходившее помнит отрывочно, особенно свои непонятные действия, когда уходил в кусты, брал вещи. О чем разговаривал с потерпевшими, не помнит, свой голос слышал как будто со стороны. Казалось, что нападение длилось несколько минут. На суде узнал в лицо только одну жертву. Утверждал, что стремление было только к разглядыванию женских половых органов, желание потрогать их, сфотографировать. Половые акты совершал потому, что «так должно было быть», ему лично это не было нужно. В большинстве случаев половой акт не удавался из-за отсутствия эрекции, поэтому прибегал к фелляции. Сразу после нападения наступало состояние приподнятости, облегчения, через несколько часов наступала подавленность, но раскаяния и жалости к жертвам никогда не испытывал. Зачем завязывал жертвам руки и глаза, надевал на голову мешок, объяснить не смог. Не понимал, зачем берет вещи пострадавших, но хранил их в чемоданчике, периодически доставал, разглядывал, вспоминал обстоятельства нападений, при этом сильно возбуждался и мастурбировал. В этих случаях возбуждение было гораздо сильнее, чем в ходе самих нападений.

Н. родился в семье учителей, был единственным ребенком. В детстве был склонен к различным страхам, фантазиям, рос послушным, добрым, общительным, хорошо учился. Отец по каким-то причинам был демобилизован из армии досрочно, часто злоупотреблял алкоголем, был конфликтным, легко возбудимым, часто бил сына, из-за чего отношение к нему было негативным, поэтому, когда тот ушел из семьи, не переживал. Эмоционально был ближе к матери, хотя и та была вспыльчивым человеком, наказывала сына, часто и физически, большую часть времени проводила на работе, перед смертью страдала психическим заболеванием, умерла от инсульта. Н. был предоставлен самому себе, много времени проводил на

улице со сверстниками, увлекался чтением, коллекционировал марки. В детстве перенес черепно-мозговую травму, сильно ударившись головой о батарею, потерял при этом сознание, но стационарно не лечился. В последующем были еще две травмы головы, после чего стали беспокоить головные боли. Когда ему исполнилось 12 лет, родители развелись. В компаниях старался быть лидером, но добивался этого «за счет ума», драться не любил, хотя мог и постоять за себя. Плохо переносил вид крови, «чуть не падал в обморок». После развода родителей и переезда на новое место жительства изменился по характеру, стал замкнут, длительное время настроение было сниженным. Полюбил ночные прогулки по городу, в ходе которых терял чувство времени, мог часами ходить, не замечая усталость и голод, стал подглядывать в окна, после прогулок успокаивался. Задачу специально подсмотреть за обнаженными женщинами сначала не ставил, но утверждает, что в 14–15 лет несколько раз, открывая двери ножом, заходил в чужие квартиры к одиноким женщинам и, пользуясь тем, что они спали, откидывал одеяло, рассматривал и трогал их половые органы. В этом же возрасте появились сны аналогичного содержания, грань между снами и явью стала стираться, возникло сомнение в реальности происходящего. В квартирах он забирал чужие вещи. Вспоминая, мастурбировал.

После окончания 10 классов поступил в политехнический институт, жил в общежитии. Первый курс отучился легко, настроение было ровным, чувствовал себя активным. Но на втором курсе вновь все изменилось, потерял интерес к учебе и с трудом окончил институт. Работал инженером на различных предприятиях, неоднократно поощрялся за добросовестное отношение к служебным обязанностям, характеризовался только с положительной стороны.

В юности увлекался волейболом и баскетболом, так как достаточно высокого роста, даже имел кличку «длинный». Любит животных, особенно собак. С 12–13 лет увлекался фотографией, с этого же времени стал собирать

порнографические фотографии, особенно привлекал вид женских половых органов. На учете в наркологическом и психо-неврологическом диспансерах не состоял. В 22 года стал встречаться с сестрой приятеля, она была инициатором продолжения знакомства. Хотя и был к ней равнодушен, вскоре женился на ней, «не любил, но старался быть хорошим мужем». Через три года брак распался. Через некоторое время женился повторно, имеет сына. Жена отмечает его молчаливость, «закрытость», в деталях был скрупулезным, любил порядок, много читал, особенно увлекался литературой о лечении заболеваний народными средствами, очень боялся любой боли, по поводу незначительной ранки сильно волновался. В сексуальном плане каких-либо проблем она не отметила.

В беседе с сексопатологом Н. рассказал, что с 6—8 лет стал испытывать интерес к девочкам, появилось желание увидеть и потрогать их половые органы. С этого же возраста появились фантазии аналогичного содержания. Подглядывая за раздевающимися девочками, испытывал половое возбуждение, в общении со сверстниками — смущение и робость, не знал, как подойти к ним. С 12 лет сняты ласки, половые акты с женщинами, которых видел на порнографических фотографиях. С 8 лет стал заниматься мастурбацией, представляя при этом женские половые органы или смотря на порнофотографии. До 11 лет, занимаясь мастурбацией примерно раз в неделю, испытывал оргазм без эякуляции. При наступлении эякуляции стал мастурбировать практически ежедневно с эксцессами до 2—3 раз в день. Впервые поцеловался в 16 лет по инициативе девочки, первый половой акт совершил в 20 лет также по инициативе партнерши моложе его на год. Половой акт оценивает как успешный, но отмечает, что долго не было эрекции. Повторный брак считает счастливым, половая жизнь в браке регулярная, 1—2 раза в неделю, хотя в последние годы стал страдать отсутствием эрекции и трудностями в достижении эякуляции. Отмечает, что прекратил нападения на женщин после того, как женился

во второй раз. Однако через несколько лет возобновил преступные действия, что связывает с временным отсутствием работы, «жил на средства жены».

По заключению сексопатолога, у испытуемого ведущим сексологическим синдромом является атипичная раптофилия, которая определяла совершение им противоправных сексуальных действий. Основное сексуальное расстройство – дисгармония пубертата (преждевременное психосексуальное развитие при нормативном соматосексуальном).

Продолжая разговор о возможности и необходимости изучения криминологией противоправного поведения душевнобольных лиц, необходимо заметить, что вопрос о признании конкретного лица невменяемым или вменяемым в отношении инкриминируемых ему действий не всегда может решаться четко и верно, особенно если совершение правонарушений отнесено далеко в прошлое. Достаточно часто фиксируются случаи, в том числе и в ходе нашего исследования, когда «одного и того же человека одна судебно-психиатрическая экспертная комиссия признает вменяемым, другая – нет. Даже если названная грань и проводится в конце концов, а это необходимо для решения уголовно-правовых и уголовно-процессуальных задач, вопрос для научного криминологического осмысления остается....»¹.

В ходе нашего исследования получены примеры совершения одним насильником двух серий, одна из которых была признана судебно-психиатрической экспертизой совершенной в состоянии невменяемости, вторая – в состоянии вменяемости, при этом кардинально способ совершения правонарушений не меняется. Более того, нередко отмечается усиление жестокости и тяжести совершенного во втором случае, что может свидетельствовать и о возможности в ряде случаев ошибок экспертов.

Некто М., 27 лет, образование среднее, женат. С 15 лет наблюдался в ПНД в связи с проявлением агрессивных действий к окружающим вне дома. В феврале 1977 г.

¹ Антонян Ю.М., Гульдан В.В. Криминальная патопсихология. С. 27.

в подъезде дома, угрожая физической расправой, изнасиловал незнакомую А. Был задержан, привлечен к уголовной ответственности, ему проводилась судебно-психиатрическая экспертиза, по результатам которой М. был признан невменяемым с диагнозом «глубоко психопатическая личность с расстройством влечений». По решению суда проходил курс принудительного лечения в психиатрической больнице. После возвращения из ПБ работал автослесарем, токарем. В течение 1979 — 1981 гг. неоднократно лечился в психиатрических больницах с диагнозом «вялотекущая шизофрения, психопатоподобный синдром». В перерывах не работал, злоупотреблял спиртными напитками. Первый брак в 19 лет со сверстницей, женился по настоянию родителей и лечащего врача, но через 3 месяца разошлись. В возрасте 23 лет женился вторично, отношения в семье хорошие, имеет дочь. Работал руководителем детских кружков кинолюбителей и картингистов, характеристика с места работы положительная, учился на заочном отделении института.

Органами предварительного расследования вновь привлечен к уголовной ответственности за совершение двух попыток изнасилования в октябре 1975 г. и в мае 1976 г. Кроме этого, с октября 1978 г. по февраль 1986 г. совершил 6 сексуальных нападений на женщин и 2 попытки грабежа примерно по одной схеме: обычно в темное время суток обращался к понравившейся женщине с просьбой вызвать из квартиры вымышленное лицо, обманным путем завлекал ее в заранее намеченное место (подъезд, густой кустарник у дома и т.д.), затем нападал, избивал, угрожая ножом, совершал половые акты, отбирал ценности.

По результатам собранных материалов, дед обвиняемого страдал психическим заболеванием, сестра находится на II группе инвалидности в связи с диагнозом «шизофрения». Во время беременности у матери М. были приступы бронхиальной астмы, родился в «синей» асфиксии. Раннее развитие происходило с задержкой: ходить начал на втором году, говорить с 3 лет. До 7 лет наблюдалась

хроническая пневмония с астматическим компонентом. По характеру формировался крикливым, упрямым, плаксивым, чрезмерно подвижным, плохо спал по ночам, боялся темноты, одиночества. В школе учился плохо, с трудом усваивал материал, не слушал учителей. С 15 лет стал еще менее усидчивым, прогуливал занятия в школе. Примерно с этого возраста появилось желание нападать на девочек, причинять им боль в сочетании с развратными действиями.

В ходе обследования у сексопатолога М. пояснил, что мастурбацией начал заниматься с 12 лет с эротическими фантазиями. Первая попытка полового акта произошла в подъезде в 16 лет в состоянии алкогольного опьянения со зрелой женщиной с насилием, но в момент раздевания женщины исчезла эрекция. Половая активность ежедневная с эксцессом до 3 половых актов в сутки. Вторая жена старше на 2 года, отношения с ней хорошие, но полной удовлетворенности с ней не испытывает. По заключению сексопатолога, у М. выявляется синдром сексуальных извращений полиморфной структуры, отмечается склонность к орогенитальным насильственным контактам, избиению, принуждению к иным извращенным формам половой активности (фроттеризм, пикацизм, эксгибиционизм).

На вопросы психолога отвечал скуп, виновным в совершении правонарушений признался частично, в ходе беседы легко раздражался. При расспросах об особенностях сексуальных влечений проявляет недовольство, заявляет, что здоров. Тепло отзывался о родителях, жене. Эмоционально неустойчив, легко возбудим, выявляется недостаточность интеллектуального и волевого контроля за своими действиями и переживаниями.

По заключению судебно-психиатрической комиссии, в период совершения правонарушений в октябре 1975 г. и мае 1976 г. у него отмечалась длительная декомпенсация психопатии с выраженным усугублением дисгармонии психики в период пубертатного возрастного криза. Поэтому в отношении этих правонарушений М. признан

невменяемым. В отношении инкриминируемых ему деяний, совершенных в период с 1978 по 1986 г., М. хроническим психическим заболеванием не страдает, вменяем, обнаруживает признаки психопатии на органически неполноценной почве.

Без сомнения, действия, совершенные невменяемым лицом, объективно опасны для общества и его членов и влекут за собой причинение вреда, что заставляет детальнее изучать механизм формирования такого поведения с целью разработки совместных медико-правовых профилактических мер.

Подобные рассуждения обязывают криминологов, по меньшей мере, изучать подобных лиц, выделив их в отдельную категорию. Среди серийных насильников, признанных невменяемыми (25 человек), у половины (12 человек) было диагностировано хроническое психическое заболевание в форме шизофрении. Характерная особенность этого заболевания – крайне низкий процент признаваемых вменяемыми.

Шизофрения, как психическое заболевание, определяется утратой единства психических процессов с быстро или медленно развивающимися изменениями личности особого типа (снижение энергетического потенциала, эмоциональное оскуднение), на фоне которых могут проявляться разнообразные так называемые продуктивные психопатологические расстройства¹. Шизофрения, протекающая хронически как в виде приступов, так и непрерывно, имеет типичные проявления, названные негативными и отражающие тот ущерб для психики, который причиняет болезнь. В наибольшей степени поражаются эмоциональная и волевая сферы².

В основе агрессивного поведения детей и подростков, больных шизофренией, – грубые извращения инстинктов и эмоционально-волевые расстройства. Сексуальные девиации и расторможенность становятся ведущими в клинической картине дебюта шизофрении в пубертатном возрасте. Агрессивно-садистические действия совершаются под влия-

¹ См.: *Нохуров А.* Нарушения сексуального поведения. С. 15.

² См.: *Еникеева Д.Д.* Популярныe основы психиатрии. Донецк, 1997. С.240.

нием галлюцинаторно-бредовых переживаний. Дети умышленно причиняют боль животным, испытывая при этом сексуальное возбуждение, проявляют жестокую агрессивность или мученическую ревность к членам семьи. Их действия, как правило, нелепые, вычурные, психологически непонятные¹.

При шизофрении особое значение придается нарастающему аутизму, который в психиатрии определяется как уход от действительности, фиксация на внутренних переживаниях с одновременной отгороженностью от внешнего мира, потеря эмоционального контакта с окружающими с изменением отношения к людям. Аутизм приводит к постоянному сужению социальных связей и препятствует нормальному проявлению сексуальности. Частые жалобы больных на ослабление либидо и половую слабость вытекают из самой сущности шизофренического процесса, типичны для шизофреников². При этом диапазон сексуальных нарушений столь велик, что трудно определить, какие из конкретных видов сексуальных расстройств чаще встречаются при этом заболевании³.

Причина шизофрении остается неизвестной, хотя исследования указывают на участие генетического фактора и биохимических нарушений в мозге, вызывающих генерализированное расстройство и разорванность мышления. Кроме этого, не исключаются и факторы окружающей среды, способные при наличии предрасположенности пациента к заболеванию действовать в качестве пусковых механизмов болезни. Проведенные по всему миру исследования показали, что распространенность шизофрении составляет около 1% популяции в целом⁴.

¹ См.: Кибрик Н.Д., Панюкова И.А. Агрессивность в структуре психо-сексуального развития // Материалы 2-й Междунар. науч. конф. «Серийные убийства и социальная агрессия». 15–17.09.1998 г. Ростов-на-Дону, 1998. С. 118.

² См.: Нохуров А. Нарушения сексуального поведения. С.18.

³ См.: Старович З. Судебная сексология. С. 34.

⁴ См.: Хэзлем М.Т. Психиатрия: Пер. с англ. М., 1998. С. 221–222.

По результатам сравнительного анализа характеристик серийных насильников, страдающих шизофренией, были выявлены следующие особенности: средний возраст начала серийной активности старше, чем в основной группе, — 26,5 лет; большая часть (60%) воспитывалась в полной семье, но лишь половина из них считает, что родители о них заботились, большинство (70%) было подвержено бродяжничеству и злоупотреблению алкоголем; только одна треть шизофреников состояла в браке, при этом отношения с женой отмечались как достаточно ровные с эпизодическими конфликтами. Образовательный уровень ниже, чем в остальных группах, — $\frac{2}{3}$ смогли получить лишь неполное среднее образование, при этом у значительного процента (25%) отмечается снижение интереса к учебе в старших классах; более половины вели замкнутый, уединенный образ жизни; 58% представителей этой группы ранее привлекались к уголовной ответственности за сексуальные посягательства — 70%; в ходе нападения, как правило, не использовали (58,3%) оружия, а если использовали, то колюще-режущее (80%); большинство (66,7%) причинили единичные телесные повреждения, однако $\frac{1}{3}$ шизофреников причинили потерпевшим тяжкий и средней тяжести вред здоровью. В этой группе большой процент тех, кто похищал у жертв имущество — 41,6%; отмечается превышение количества совершенных покушений над оконченными — 20 против 18.

Рассмотрим наиболее характерный пример преступного поведения лица, страдающего хроническим психическим заболеванием в форме шизофрении.

Некто К., на момент прохождения экспертизы было 42 года, образование среднее, по профессии резчик по металлу.

Семья обвиняемого считалась благополучной, отец работал агрономом, умер в пожилом возрасте. Дед по линии отца страдал психическим заболеванием. В школе К. успевал удовлетворительно, был общителен. К старшим классам стал замкнут, среди друзей появились подростки асоциального поведения. В 17 лет был впер-

вые осужден за кражу и приговорен к 3 годам лишения свободы. Через два года в исправительном учреждении у К. стала замечаться необычная медлительность, говорил не по существу, в связи с чем был направлен на лечение в психиатрическую больницу. Освободившись из мест заключения, был направлен на ВВК и по ее решению признан негодным к строевой. Устроился работать подсобным рабочим. В том же году вновь привлекался к уголовной ответственности за кражу, но по решению ССПЭ признан невменяемым с диагнозом «шизофрения». В течение трех лет проходил курс принудительного лечения в психиатрической больнице общего типа. После возвращения домой получил II группу инвалидности, жил с матерью, работал грузчиком. В 26 лет женился, в браке прожил полтора года.

В 28 лет привлекался к уголовной ответственности за изнасилование. По заключению ССПЭ признан невменяемым – «шизофрения». В течение 4 лет лечился в психиатрической больнице специального типа. Совершил оттуда побег в другой город, где вновь был привлечен к уголовной ответственности, на этот раз за разбойное нападение. Вновь был признан невменяемым и проходил курс лечения в больнице специального типа. После возвращения нигде не работал. В 38 лет перенес пневмонию, абсцесс легкого. С этого времени ежемесячно осматривался в ПНД с диагнозом «шизофрения, ремиссия». В быту отличался конфликтностью, набрасывался на окружающих, злоупотреблял алкоголем. Через год в состоянии алкогольного опьянения под угрозой ножа пытался завести женщину в подъезд. В связи с психопатоподобными проявлениями вновь лечился в психиатрической больнице.

Органами предварительного расследования К. обвиняется в том, что в течение 2 месяцев совершил 23 нападения на женщин и несовершеннолетних девушек. При нападении сдавливал им шею руками, приставлял к шее нож или шило, угрожал убийством, снимал золотые украшения, часы, шапки, сапоги, отбирал деньги. В большин-

стве случаев пытался насильствовать, как правило, *per os* и *per vag*. По заключению судебно-психиатрической комиссии, К. страдает хроническим психическим заболеванием в форме шизофрении, представляет особую социальную опасность, склонен к повторному, множественному совершению особо тяжких общественно опасных действий, побегам из психиатрических больниц. Отмечаются изменения личности с эмоциональной холодностью, жестокостью, расторможенностью влечений.

Занимая последнее место среди серийных насильников с психическими расстройствами (5%), олигофрения, как отдельная нозологическая группа, представляет собой достаточно интересный объект для исследования – значительное количество серийных насильников в детстве страдало умственной отсталостью, которая в дальнейшем у части изучаемых приобрела тотальный характер, охватывая всю психику в целом. На первый план у олигофренов выступает недостаточность высших форм познавательной деятельности (абстрактного мышления), преобладания конкретности суждений¹.

Олигофрения представляет собой врожденное или приобретенное в первые годы жизни слабоумие, которое выражается в общем психическом недоразвитии с преобладанием интеллектуального дефекта и затруднения социальной адаптации. На основе причин возникновения и развития выделяют формы олигофрении, преимущественно связанные с внешнесредовыми воздействиями (внутриутробными, родовыми и воздействующими в раннем детском возрасте) и наследственными факторами. Доля наследственно обусловленных форм среди всех случаев олигофренических расстройств составляет от 69,5 до 90%, при этом существует более 300 различных наследственно обусловленных заболеваний и нарушений, являющихся причинами умственной отсталости. Но есть и такие формы психического расстройства, которые вызываются сочетанием влияния

¹ См.: Блейхер В.М., Крук И.В. Толковый словарь психиатрических терминов. Ростов-на-Дону, 1996. Т.2. С. 41.

наследственных (генетических) и внешних факторов. Одной из частых причин умственной отсталости является отрицательное воздействие на развитие головного мозга у плода во внутриутробном периоде со стороны психических расстройств у одного или обоих родителей, страдающих алкоголизмом. Основная особенность – тотальное недоразвитие, которое обнаруживается в интеллекте и мышлении, восприятии, памяти, внимании, речи, координации движений, в эмоциональной и волевой сфере. При отсутствии высших эмоций сохранены примитивные эмоциональные реакции – обида, злоба, гнев. Олигофренам свойственно отсутствие способности подавлять свои влечения. Слабость побуждений сопровождается отсутствием целенаправленности и последовательности поведения. Дети и подростки с олигофренией «почти всегда прибегают к насилию и жестокости, сталкиваясь с препятствиями на пути сексуального удовлетворения»¹.

У серийных насильников, страдающих олигофренией, были выявлены следующие особенности: средний возраст начала серийной активности моложе, чем в основной группе, – 22 года; отношения с родителями достаточно теплые, почти все отзываются о них как о заботливых родителях; среди олигофренов самый низкий уровень социальной адаптации – все на момент совершения серий были холостые и ранее не состояли в браке. Все имели неполное среднее образование, причем половина прекратили занятия в школе до 5-го класса. Все использовались на малоквалифицированных должностях, при этом характеризовались только отрицательно. Все олигофрены в быту отличались замкнутым поведением, у большинства наблюдалась несексуальная агрессия в отношении сверстников или коллег по работе, выражавшаяся в нанесении побоев или вербального унижения; 60% из них ранее привлекались к уголовной ответственности, причем все за насильственные преступления. Как и у

¹ Кибрик Н.Д., Панюкова И.А. Агрессивность в структуре психосексуального развития. С. 118.

шизофреников, противоправное поведение олигофренов отличалось недоведением до конца задуманного — количество совершенных покушений превышало оконченные преступления (9 к 6). В момент совершения изнасилований практически все находились в состоянии алкогольного опьянения, никогда не похищали имущество жертв, предпочитали нападать на малолетних, причиняя весь спектр телесных повреждений, начиная с легкого вреда и заканчивая тяжким, включая смертельные повреждения.

Преступное поведение олигофренов характеризует пример 3., 22 лет, образование 4 класса, неработающего, холостого.

Органы предварительного расследования обвинили 3. в том, что в течение десяти дней совершил три нападения (два из них окончены) на девочек 9–10 лет, которых поджидал на лестничной площадке подъезда, и, угрожая убийством, нанося удары руками и ногами, совершал половые акты. В ходе проведения стационарной судебно-психиатрической экспертизы в отношении инкриминируемых ему деяний был признан вменяемым, у него обнаружены признаки олигофрении в степени умеренно выраженной дебильности.

Предрасположенность к психическому расстройству 3. получил от своих родителей, которые злоупотребляли алкоголем: отец неоднократно направлялся в ЛТП, стоял на учете в наркологическом диспансере, мать была лишена родительских прав, братья — умственно отсталые. 3. с детства отставал в психофизическом развитии, уже в дошкольном возрасте проходил курсы лечения в детской психиатрической больнице. С 8 лет обучался во вспомогательной школе-интернате, с учебой не справлялся, дублировал классы, в 16 лет окончил только 4 класса. Часто уходил с занятий, бродяжничал, стоял на учете в ИДН. С 14 лет был признан инвалидом II группы с диагнозом «олигофрения в степени выраженной дебильности». Поведение в быту характеризовалось как неровное — то был вспыльчив, раздражителен, агрессивен, неопрятен, то был

тихим, спокойным, помогал отцу по хозяйству, работал дворником. В 18 лет привлекался к уголовной ответственности за хулиганство, но по заключению СПЭ был признан невменяемым и 2 года проходил курс принудительного лечения в психиатрической больнице.

В разговоре с психологом последовательно сообщил о себе необходимые сведения, категорически отрицал агрессивное поведение в семье, конфликты с родителями, злоупотребление алкоголем. При расспросах о правонарушениях начинал волноваться, но вину признал, пояснил, что понимает, что должен нести ответственность.

На наш взгляд, характеристика различных нозологических групп была бы неполной, если бы мы не привели особенности, выявленные у группы серийных насильников, признанных экспертами психически здоровыми: средний возраст начала серийной активности выше, чем в остальных нозологических группах, — 28,5 лет. Все психически здоровы, имели либо жену, либо сожительницу, у всех были дети; взаимоотношения с женой характеризуются как остро конфликтные. Все получили среднее (среднее специальное) образование, характеристика с работы, как правило, положительная; в быту отличались частыми конфликтами с окружающими. Половина ранее привлекалась к уголовной ответственности за насильственные несексуальные преступления; совершая изнасилования, предпочитали нападать вечером, не отдавали предпочтения ни определенному оружию, ни определенному месту нападения, ни определенному возрасту потерпевшей, совершили 13 покушений и 16 оконченных изнасилований.

С учетом малочисленности последней группы нельзя не заметить, что лица, не имевшие патологических психических расстройств, позже других стали совершать насильственные сексуальные серии, не имея достаточного криминального патосексуального прошлого. В поведении представителей этой группы прослеживается слабая выявляемость явных криминальных особенностей, т.е. того, что мы называем «почерком» сексуального преступника.

Как видим, представители разных нозологических групп, имея различные по своему механизму формирования и уровню тяжести психические аномалии, совершают в ходе нападений на женщин схожие преступные действия. В то же время в рамках одной нозологической группы серийными насильниками совершаются различные по способу и последствиям нападения. Серийные изнасилования совершаются лицами как с психическими аномалиями и хроническими душевными заболеваниями, так и психически здоровыми. Очевидно, что не все лица, страдающие психическими аномалиями, совершают преступления, и это свидетельствует о том, что психические аномалии не носят фатальный криминогенный характер для обладающих ими личностей. В то же время врожденные аномалии передают, а приобретенные способствуют предрасположенности к формированию определенных особенностей личности индивида, которые могут иметь криминогенный характер.

Необходимо отметить наличие среди серийных преступников высокого процента психических расстройств, симптомы которых начинают проявляться уже в раннем возрасте. Олигофрения, шизофрения, раннее поражение головного мозга обуславливают ранний повышенный интерес к половым отношениям, что заметно омолаживает возраст активных сексуальных девиаций, приводящих к совершению правонарушений, и в частности серийных изнасилований.

Характерная для большинства серийных насильников замкнутость представляет собой, на наш взгляд, не что иное, как аутизм или его элементы, появление которых связано как с психическими расстройствами и сексуальными девиациями, так и с негативным влиянием социальных отношений, прежде всего отторжением со стороны родителей. Аутизм непосредственно обуславливается нарушениями социальных связей, эмоциональных контактов с окружающими, что приводит к формированию и развитию личностных особенностей, связанных со склонностью к накоплению внутренних переживаний и напряжения, доминированием своих интересов и суждений, игнорированием интересов окружающих.

Кроме этого, психические аномалии влияют на формирование и развитие у серийных насильников повышенной агрессивности, связанной с легкостью возникновения реакций раздражения, вспыльчивостью, нетерпимостью, тревожностью. Повышенная агрессивность, не имея социально приемлемого выхода, приводит к насилию и жестокости в отношении как близких, так и посторонних лиц.

Немаловажное значение имеет и различная степень тяжести той или иной аномалии или болезни, в связи с которой они по-разному влияют на подобный процесс в психике индивида, соответственно увеличивая или уменьшая степень влияния негативных асоциальных установок.

Особое криминогенное значение психических аномалий состоит в том, что данные психические расстройства влекут снижение контроля за своими действиями, снижают уровень критического осмысления мотивов и последствий своих поступков, ослабляют волевую составляющую человека, предназначенную противостоять антисоциальным осознаваемым желаниям и стремлениям.

Как видно, одной лишь констатацией психической аномалии недостаточно, чтобы объяснить, почему именно эти люди совершили серийные изнасилования. В то же время очевидно, что формирование мотивов преступного поведения происходит под влиянием дефектов психики, которые у серийных насильников играют роль условий, способствующих совершению преступлений, детерминируют определенный круг, содержание и устойчивость социальных контактов и привязанностей; способствуют формированию криминогенных взглядов, стремлений, потребностей и влечений, в целом мотивации преступного поведения. Очевидно, что без знания и учета психических аномалий невозможно понять причины и механизмы совершения сексуальных насильственных преступлений и, следовательно, эффективно предупреждать их и исправлять преступников¹.

¹ См.: *Антонян Ю.М., Бородин С.В.* Преступное поведение и психические аномалии. С. 6.

2.3. Причины серийных изнасилований в сексопатологическом аспекте

Серийные изнасилования, как один из видов преступной активности, включают два центральных, стержневых признака – насилие и сексуальность, зарождение и формирование которых уходит корнями в доисторическое прошлое к моменту зарождения и формирования самой природы. Половой инстинкт и выживание одной особи за счет другой были определены как важнейшие условия гармоничного развития жизни на Земле. Но если у животных это является единственной возможностью выжить, то человек превратил средства естественного отбора в способы безумного уничтожения друг друга и жестокого глумления над себе подобными.

Многообразие проявлений сексуальности человека, как совокупности эмоциональных переживаний и поведенческих актов, обусловлено многими факторами – психосоциальными, генетическими, гормональными, нервными, а также индивидуальными свойствами личности. Стремление к обоюдному согласию и добровольность сексуальных отношений являются одним из критериев сексуальной нормы. Однако сложная, связанная с большим количеством непрогнозируемых факторов человеческая жизнь не всегда создает условия для соблюдения этого критерия.

Имеющиеся сексологические данные позволили обобщить полученные результаты, на основе анализа которых были сделаны выводы о тесной взаимосвязи противоправного поведения серийных насильников и сексуальных девиантных факторов. В 44 актах экспертиз из изученных нами 100 в ходе проведения судебно-психиатрического исследования была зафиксирована оценка личности испытуемого сексопатологом, содержащая достаточно полные сведения об этой стороне его жизни. Некоторые сведения о сексуальных отклонениях подэкспертных содержатся в рамках проведенных исследований со стороны психологов, однако они разрозненны и скудны.

У 34 подэкспертных установлено наличие парафилий, у восьми основным сексуальным расстройством выявлена дисгармония пубертата, лишь у двоих обследованных не установлены сексуальные девиации, при этом у одного из них ввиду установочного поведения. Лишь у одного из 44 обследованных не было обнаружено аномалий в психосексуальной сфере. На наш взгляд, подобный процент выявленных расстройств у серийных насильников определяется не отсутствием сексуальных аномалий у остальных подэкспертных, а тем обстоятельством, что к оценке общего психического состояния обвиняемого сексопатолог в большинстве случаев не привлекался, что подтверждает степень участия этого специалиста в проводимых судебно-психиатрических экспертизах. Из общего количества судебных экспертиз треть (31) была проведена с 1984 по 1988 г., из них лишь в 5 случаях привлекался сексопатолог, в период с 1989 по 1993 г. были проведены 39 экспертиз – в 14 случаях принимал участие сексопатолог. В остальных 30 (с 1994 по 1998 г.), сексопатолог участвовал уже 25 раз, т.е. фактически каждое заключение судебно-психиатрического исследования поведения серийного насильника составлялось и на основании выводов этого специалиста.

Представляется, что причины столь очевидного участия сексопатолога сводятся к тому, что из года в год знания сексологии в отечественной правовой науке стремятся занять соответствующее место, однако практика их применения еще далека от совершенства. На наш взгляд, сексопатологическому изучению должен подвергаться каждый совершивший правонарушение на половой почве вне зависимости от тяжести причиненного ущерба потерпевшему.

По результатам сексопатологических обследований напрашивается вывод, что подавляющее большинство серийных насильников – это сексуально аномальные индивидуумы, причем их процентное содержание аналогично процентному содержанию патопсихологических.

Медицинская наука определяет сексуальные (половые) расстройства как нарушения сексуальных проявлений – полового влечения (его силы и направленности), полового воз-

будимости, эрекции, эякуляции (у мужчин) и др., что приводит, в свою очередь, к различным нарушениям половой жизни, сексуальной дисгармонии. В большинстве случаев сексуальные расстройства являются вторичными, т.е. следствием соматических и нервно-психических заболеваний, при этом все расстройства, обусловленные нервно-психическими нарушениями, можно разделить на вторичные, обусловленные наличием психического заболевания, психопатии или акцентуации характера, инвалидизацией (например, потеря зрения), дезактуализацией половой жизни вследствие угрозы смерти (при подозрении на наличие злокачественной опухоли), и первичные, связанные с дезорганизацией непосредственно сексуальной сферы (в том числе половые извращения)¹.

Сексуальное девиантное поведение можно условно разделить на «потенциальные (внутренние разновидности без реализации вовне, например, фантазирование с перверсной тематикой, сверхценное увлечение сексопатологической литературой и т.д.), умеренные, при которых сохраняется способность к полному самоконтролю поведения, и выраженные или проблемные формы, создающие сложности для психосоциального функционирования индивида»².

На формирование психологического образа, связанного с сексуальными переживаниями, непосредственное влияние оказывает характер фантазирования в детском и подростковом возрасте. Доказательством того, что содержание фантазий играет существенную роль в возникновении и закреплении сексуальных девиаций, является тот факт, что ряд исследователей в рамках теории научения выдвинули гипотезу, в основе которой лежит «механизм запечатления», т.е. быстрое и необратимое по последствиям научение в ситуациях, связанных с выраженным эмоциональным напряжением. Согласно этой концепции детские сексуальные переживания, закрепившиеся по «механизму запечатления»,

¹ См.: Малая медицинская энциклопедия/Под ред. В.И.Покровского. М., 1996. Т.5. С. 340–341.

² Агазаде Н.В. Сексуальные отклонения при аффективных расстройствах // Сексуальные преступники. М., 1992. С. 133.

являются источником девиантных фантазий во время мастурбации, причем их оргастическое окрашивание способствует дальнейшему стойкому психическому закреплению при обесценении нормативных фантазий. Определяющим фактором авторы гипотезы выделяют временное опережение закрепившегося девиантного переживания над нормативным, что в дальнейшем позволяет ему приобрести большую ценность в качестве раздражителя, стимулирующего первые мастурбационные действия¹. Данная концепция, на наш взгляд, выглядит достаточно убедительной с одним немаловажным уточнением. Вероятно, на успешное закрепление девиантных фантазий в психике ребенка влияет не только и не столько опережающий временной фактор, сколько степень эмоционального напряжения как в момент его осуществления, так и в ходе дальнейшего его воспроизведения в памяти.

По полученным данным, лишь треть опрошенных серийных насильников настаивали на наличии у них нормативных эротических переживаний в детском и подростковом возрасте. Остальные $\frac{2}{3}$ признались, что в тот период у них преобладали сексуальные фантазии, связанные с различными перверсными элементами, в том числе и с агрессивной тематикой.

В то же время ненормативное фантазирование, не связанное со стремлением неперменного девиантного поведения, частично может выполнять и позитивные функции, выступать одной из форм психологической защиты, особенно на ранних этапах формирования парафильных фантазий, способствовать «освобождению от негативных эмоций, давая возможность выражать нормальные сексуальные чувства. Таким образом, агрессивные сексуальные фантазии могут рассматриваться не только как эквивалент аналогичного поведения, но и как способ защиты индивида от него»².

¹ См.: *Имелинский К.И.* Сексология и сексопатология. С. 371–372.

² *Ткаченко А.А., Якубова А.В.* Механизмы психологической защиты и агрессивное сексуальное поведение // Пограничные расстройства в судебно-психиатрической практике. М., 1991. С. 26.

На наш взгляд, несомненный интерес представляет определение тех признаков, которыми руководствовался насильник, выбирая жертву. Необходимо подчеркнуть, что механизм выбора жертвы при изнасилованиях коренным образом отличается от выбора жертвы другими насильственными преступниками, например грабителями или разбойниками. Прежде всего, это, конечно, связано с сексуальной мотивацией преступления. Главная цель нападения в данном случае — получение сексуального удовлетворения, которое может иногда носить скрытый характер, поэтому преступник ищет в жертве прежде всего те признаки, которые способствовали бы достижению именно этой цели. В сознании индивида в ходе его развития и формирования на основе различных биологических, психических и социальных факторов складывается либо сексуальный образ, либо отдельные его элементы, которые являются для него сексуально привлекательными и которые, в конечном счете, становятся объектом нападения со стороны насильника. Часто эти образы отличаются от общепринятых, тогда мы говорим о сексуальных отклонениях, в том числе и о парафилиях.

Иногда насильнику для нападения достаточно увидеть фигуру одиноко идущей женщины, некоторые выбирают в качестве жертв только лиц малолетнего или пожилого возраста, «оправдывая» свой выбор неспособностью этой категории пострадавших оказать сопротивление, для некоторых насильников важна не сама жертва, а то, как она реагирует на их действия, что помогает преступникам реализовывать свои агрессивные и садистические проявления. Характерно, что 48% из опрошенных серийных насильников утверждали, что половое возбуждение возникло у них задолго до правонарушения, 32% пояснили, что возбуждение возникало при виде понравившейся жертвы, у 10% — в процессе подготовительного этапа, 5% почувствовали половое возбуждение после нанесения потерпевшей ударов, столько же отметили усиление возбуждения при сопротивлении жертвы.

В ряде случаев девиантного сексуального поведения прослеживается закономерность, которая заключается в том, что одни стимулы запускают поведение, т.е. вызывают определенные действия (внешние факторы: сокращение индивидуального расстояния – в лифтах, стук каблуков, вид жертвы; внутренние: вегетативные и эмоциональные сдвиги), другие – направляют или прерывают стереотип аномального сексуального поведения¹. Примером последних могут быть различные реакции жертв нападений: это может быть не только испуг, но и насмешка, даже проявление сексуальной заинтересованности, а в некоторых случаях нарочитое невнимание. Молчание жертвы у некоторых садистов прерывало поведение, а стоны усиливали возбуждение.

Исследуя специальную характеристику, присущую только половым преступлениям, как сексологическую, необходимо отметить особенности сексуальных действий изучаемых в ходе совершения ими правонарушений. Половые акты во время преступных деяний отличались по форме: только вагинальный – 34,8%; вагинальный и оральный – 19,3; вагинальный и анальный – 0,8; вагинальный, оральный и анальный – 8,1; только оральный – 19,3; только анальный – 6,7; оральный и анальный – 11,1%. Семь преступников свои противоправные действия до конца не довели, ограничившись покушением. В совокупности вагинальный способ применялся в 42,7% случаев, оральный – в 39,2, анальный – в 18,1%. Необходимо учитывать, что оральный способ часто выступает не только в виде основного способа совершения полового акта, но и как дополнительный стимулятор при недостаточной эрекции.

Одним из отличительных признаков изучаемой категории преступников является то, что сексуальное удовлетворение они достигают только контактным способом. Иные способы, составляющие основу таких парафилий, как, например, эксгибиционизм или вуайеризм, т.е. связанные с определенной дистанцированностью от объекта девиантного

¹ См.: Ткаченко А.А. Сексуальные извращения – парафилии. С. 99.

проявления, как правило, выполняют функции подготовительных, являясь одновременно структурной частью мозаичного парафильного синдрома. Все виды сексуальных действий серийных насильников в отношении своих жертв мы разделили на две группы. К первой отнесли действия, связанные с введением полового члена насильника в естественные отверстия пострадавшей, — прежде всего это вагинальный, а также оральный и анальный коитус. В последнее время оральную стимуляцию гениталий сексуального партнера противоположного пола многие сексологи рассматривают как предварительное удовольствие, дополнительную форму сексуального возбуждения, совместимую с нормой. При этом важную роль играет внутреннее отношение к этому обоих партнеров и, конечно, добровольность их участия в подобных действиях. Однако в ряде случаев индивид, страдая от сексуальных дисфункций, например импотенции, прибегает к фелляции или куннилингусу как к заместителям полового сношения. Психоаналитическая концепция возникновения сексуальных девиаций рассматривает подобное замещение как невроз, требующий соответствующего лечения.

Стремление совершать анальные половые акты психоаналитики склонны рассматривать прежде всего как попытку удовлетворить свои скрытые гомосексуальные желания на уровне фантазий. Кроме этого, некоторых мужчин педерастия привлекает как что-то «нечистое», связанное с мощным сексуальным запретом¹.

Вторую группу, к которой относятся действия, не связанные с имиссией мужского полового органа, мы разбили на две подгруппы, в одной из которых сосредоточены действия, совершаемые насильником, — обнажение и рассматривание половых органов жертвы (особенно характерно для педофилов), манипуляции с половыми органами жертвы, введение во влагалище пальцев и различных предметов, куннилингус, мастурбирование полового члена своею рукой или его трение о различные части тела пострадавшей и др.

¹ См.: Канрио Ф. Многообразие сексуального поведения. М., 1995. С. 291–292.

К этой же подгруппе сексуальных действий мы относим и нанесение ударов руками, ногами или предметами, а также иное причинение телесных повреждений с целью получения полового возбуждения и удовлетворения. Ко второй подгруппе относятся действия, которые совершала жертва, вынуждаемая на это насилем преступника, — фелляция, мастурбирование ею полового члена, введение в его анальное отверстие пальцев руки или различных предметов и др.

Кроме этого, в ряде случаев насильники использовали фотосъемку своих жертв. На наш взгляд, подобные действия обуславливаются не только вуайеристскими (подглядывающими), но и фетишистскими наклонностями и по психологической природе схожи с похищением у жертвы принадлежащих ей предметов для использования в дальнейшем в качестве фетиша для получения сексуального удовлетворения, как правило, в ходе мастурбационных действий.

Приведем пример серийного насильника, использовавшего в ходе нападений фотосъемку.

Военнослужащий П., 28 лет, в течение полугода совершил 7 нападений (три окончены) на женщин. Поздним вечером он останавливал незнакомых женщин, угрожая ножом, заводил в укромные места, где совершал изнасилования. В ходе насильственных сексуальных действий фотографировал свои жертвы в различных позах, их обнаженные половые органы.

По данным собранных документов, П. родился и рос без патологии, в школе учился без особых проблем, отличился старательностью и дисциплинированностью. Всегда был спокоен, сдержан, в конфликты не вступал, близких друзей не имел. В свободное время читал, увлекался современной музыкой. С родителями был послушен, вежлив, но не откровенен. С отличием окончил 8 классов, затем Суворовское училище. Имел много благодарностей за отличную учебу и примерное поведение. Поступив в Высшее военное училище ПВО, учился легко, считался образцовым курсантом, в то же время был замкнут, имея собственную точку зрения, не высказывал ее, предпочи-

тая отмалчиваться. В отношениях с девушками отличался робостью и нерешительностью, но на последнем курсе училища женился, имеет сына. Через некоторое время после свадьбы стал фотографировать в различных позах жену, а также проводимые с нею половые акты. Переснимал фотографии из порножурналов, увлекся переводом статей и книг эротического содержания. Жена отзывалась о нем как о заботливом, обходительном муже, помогающем ей во всем. В то же время отмечала его замкнутость, молчаливость, упрямство. В половой жизни производил впечатление вполне нормального мужчины, но ее удивляло его увлечение и пристрастие к подглядыванию за полуобнаженными парами на пляже, стремление их сфотографировать, для чего он использовал бинокль, фоторужье.

В беседе с психологом П. утверждал, что половые акты с женой с самого начала не приносили удовлетворения, совершал их больше для жены, для себя предпочитал мастурбацию с использованием фотоснимков или подглядыванием за обнаженными женщинами. Нападения объяснил желанием обновить коллекцию фотографий, так как старые «приелись и больше не возбуждали». О правонарушениях дал подробные показания, признав еще несколько эпизодов, но утверждал, что насиловать не собирался, все произошло само собой. Чувство вины за содеянное не испытывает, оказавшись на свободе, продолжал бы подобные занятия. Жалуется на трудности в общении, даже с сослуживцами, хотя по интеллекту считает себя выше других. Даже профессию выбрал себе такую, где общение с людьми можно свести до минимума. Решением судебно-психиатрической экспертизы признан вменяемым, является психопатической личностью шизоидного круга.

Сексуальные дисфункции у мужчин в силу своей социальной значимости часто приводят к невротическим проявлениям, сексуальным девиациям, супружеской дисгармонии, разводам, формированию агрессивных тенденций в поведении, иногда с суицидальными попытками. Самые

распространенные дисфункции — различного рода нарушения эякуляции и эрекции, отмеченные как во время совершения насильственных нападений, так и при нормативных сексуальных контактах. По полученным данным, половина преступных нападений оканчивалась эякуляцией, причем в большинстве случаев насильники добивались семяизвержения только с помощью генитальной стимуляции.

Как правило, среди несовершеннолетних насильников отмечалась преждевременная эякуляция, т.е. семяизвержение наступало в ходе совершения насильственных действий до имиссии полового члена. На наш взгляд, подобная дисфункция у серийных насильников связана с невротической реакцией, наложившейся на повышенную сексуальную возбудимость. Эмоциональная напряженность, связанная с опасением неудачного полового контакта, устраняет тормозные механизмы, способствующие продлению момента эякуляции. Чрезмерная концентрация внимания на половых органах и их функционировании, присущая большинству серийных насильников, еще более сокращает период между возбуждением и эякуляцией. Подобная дисфункция угнетающее действует на психику индивида, заставляя его испытывать чувство страха и напряжения, что, в свою очередь, нарушает межличностные связи и усиливает эгоцентризм в сексуальной сфере.

Некто С. в 27 лет совершил два нападения на несовершеннолетних девушек (15–16 лет), за что был осужден на 6 лет лишения свободы. Освободившись досрочно за примерное поведение, вновь совершил нападение на 17-летнюю девушку. Во всех случаях семяизвержение наступало до попытки проведения имиссии (введения полового члена).

В ходе обследования установлено, что отец С. злоупотреблял спиртными напитками, по характеру был нервным, раздражительным, часто бил жену, воспитанием детей не занимался. Старший брат и две сестры стояли на учете в ПНД. В детстве С. отличался робостью, стеснительностью, играл с сестрами в куклы. Со школьной

программой не справлялся, дублировал 1-й класс. В 6-м классе начал заниматься боксом, но быстро бросил. Военно-врачебную комиссию смог пройти только со второго раза с диагнозом «олигофрения».

В ходе беседы с сексопатологом пояснил, что девочки нравятся с 15 лет, но знакомиться с ними стеснялся. Первый половой акт, который провел в 22 года, смог состояться только с третьей попытки, так как происходила преждевременная эякуляция. После того как он узнал, что его девушка не дождалась из армии, появилось чувство обиды и злости на всех женщин. После армии было несколько эпизодических половых контактов с пьяными женщинами легкого поведения, которые «смеялись над его неудачами», неспособностью провести полноценный половой акт. После этого стал испытывать страх перед вступлением в половую связь. По заключению сексопатолога, у С. наблюдается сексуальное расстройство в форме задержки пубертатного развития, ведущим сексологическим синдромом которого является преждевременная эякуляция. У испытуемого на момент обследования выявлен невроз ожидания неудачи на фоне преждевременной эякуляции вследствие хронического простатита.

По результатам экспертизы, у С. обнаруживаются признаки раннего органического поражения головного мозга с некоторыми изменениями психики. По ст. 100 УК РФ С. нуждается в амбулаторном принудительном наблюдении и лечении у психиатра.

Каждый пятый серийный насильник, прерывая насильственный половой акт, не смог закончить его семяизвержением. На наш взгляд, данное обстоятельство связано не столько с сексуальной дисфункцией (задержкой эякуляции), сколько с агрессивной стороной нападения. Факт достижения эякуляции для насильника несущественен, так как сексуальное возбуждение и удовлетворение связаны с агрессивными и жестокими действиями в ходе насильственного нападения, которые в дальнейшем становятся предметом парафильных эротических фантазий.

В поведении мужчин молодого возраста (до 25 лет), переживающих сексуальную несостоятельность, нередко встречаются начальные формы сексуальных расстройств, которые чаще возникают у лиц с задержкой психосексуального развития. Неудачи первых интимных встреч перерастают в агрессию по отношению к окружающим: чрезмерная раздражительность в общении, конфликтное поведение, совершение физического насилия. Немногим более половины опрошенных об обстоятельствах своего первого в жизни полового акта сообщили, что он прошел успешно, $\frac{1}{3}$ изучаемых получили в ходе его проведения психическую травму, в основном связанную либо со слабой эрекцией или с ее отсутствием, либо с проблемами нормальной эякуляции. Остальные признались, что вообще не поняли, зачем половой акт нужен, так как либо не почувствовали каких-либо оргазмических ощущений, либо почувствовали их слабо. При этом почти половина опрошенных (42%) пояснили, что в ходе совершения первого полового акта они применяли насилие.

В среднем возрасте причинами сексуальных дисфункций часто становятся супружеские конфликты, возникающие на почве супружеской неверности, соматических психических расстройств, порождающие, в свою очередь, агрессивные тенденции как в виде аутоагрессии, так и в виде агрессивно-насильственных действий по отношению к сексуальной партнерше, детям, сослуживцам и др.

При оценке патосексуального состояния насильников наибольший исследовательский интерес представляет диагностирование парафилий. Весьма точную сравнительную оценку этому сексопатологическому явлению дал писатель С. Лем: «Синдром извращений в основе своей аналогичен синдрому любой наркомании с присущими ей стадиями беспрерывного увеличения дозы, уменьшения удовлетворенности, сокращения амплитуды ощущений, а все это – комплекс распада основных структур личности»¹.

¹ Лем С. Секс и культура. Психосексология: Хрестоматия. Мн., 1998. С. 195.

В нашем случае у 21 подэкспертного установлены единичные парафилии, у 13 обследованных – полиморфный парафильный синдром, включающий 12 видов парафилий в различных (33) вариантах. Во многих случаях парафильные диагнозы усложнялись за счет сочетаний или последовательной смены одной парафилии другой на разных этапах развития индивидуума. Например, проявления вуайеризма, фроттеризма и эксгибиционизма часто предшествовали развитию садистических тенденций и проявлений. Садизм как основное сексуальное расстройство был выявлен у 8 обследованных и у 4 – в составе полиморфного синдрома, агрессивно-садистические тенденции – у 3 и 6, педофилия – у 4 и 3, раптофилия – у 3 и 2, эфебофилия – у 1 и 4, по одному – эфебофилия, геронтофилия, расстройство половой идентичности. Эксгибиционизм был установлен у пяти обследованных, но лишь в составе полиморфного синдрома, по два раза вуайеризм и фроттаж. Только в составе полиморфных синдромов наблюдались единичные случаи трансвестизма, пикацизма, геронтофилии, заместительной зоофилии, клептомании.

Представленные в табл. 5 результаты взаимосвязи психологических и сексуальных расстройств свидетельствуют о многообразии сексуальных девиантных проявлений в рамках достаточно узкого представительства психических аномалий (ОПГМ, психопатия). Лишь у одного обвиняемого, страдающего шизофренией, была выявлена педофилия. Ни в группе олигофренов, ни в группе психически здоровых не установлены какие-либо сексуальные расстройства. В то же время необходимо отметить преобладающий характер агрессивно-садистического поведения серийных насильников, сформировавшийся на органически неполноценной почве.

По оценке З. Старовича, психопатология как причина возникновения сексуальных нарушений проявляется трояко: сексуальные нарушения как следствие, как причина или как один из симптомов психического заболевания. Сексуальные нарушения, источником которых являются психические заболевания, могут быть обусловлены конкретными причинами, например как результат побочного действия

**Распределение парафилий
в различных группах психических аномалий**

Сексуальные расстройства		ОПГМ	Психопатия	Шизофрения	Всего
Садизм:	Парафилия	8	4	—	21
	Агрессивно-садистические тенденции	7	2	—	
Педофилия		2	4	1	7
Эфебофилия		3	2	—	5
Экзгибиционизм		3	2	—	5
Раптофилия		4	1	—	5
Вуайеризм		2	—	—	2
Фроттеризм		1	1	—	2
Пикацизм		—	1	—	1
Иные		6	—	—	6
Всего		36	17	1	54

психотропных препаратов, как следствие длительного перерыва в половой жизни либо распада прежней сексуальной связи и т.д. Сексуальные нарушения могут выступать и в качестве одного из симптомов психического заболевания, причем случается, что они предвестники его развития, а иногда и причина развития психопатологии¹.

Термин «парафилия» (греч. *para* — около, мимо, вблизи; *philia* — любовь) впервые использовали американские психиатры с целью замены понятий «извращение» и «перверсия», которые прежде всего противопоставляли девиантные формы сексуального поведения господствующим стереотипам культуры.

Современные основы парафилий были определены в 1980 г. американской систематикой DSM-III как необычные или причудливые образы или действия, которые могут быть настойчиво и произвольно повторяемыми и обычно включают в качестве наиболее предпочтительного для сек-

¹ Старович З. Судебная сексология. С. 33.

суального удовлетворения нечеловеческий объект, повторяющуюся активность с людьми, подразумевающую реальное или изображаемое страдание или унижение, или повторяющиеся сексуальные действия с партнерами без их согласия.

Необходимо обратить особое внимание на последний признак парафилий, выделенный американскими специалистами-разработчиками этого определения, т.е. «повторяющиеся сексуальные действия с партнерами без их согласия». Наличие сексуальных парафилий само по себе обуславливает стремление индивида повторять девиантные акты, что в нашем случае вполне соответствует одному из признаков серийности и имеет основное криминологическое значение.

Дальнейшая систематика (МКБ-10) парафилий выделила три общих диагностических критерия расстройств сексуального предпочтения: во-первых, периодически возникающие интенсивные сексуальные влечения и фантазии, включающие необычные предметы или поступки; во-вторых, индивидуум или поступает в соответствии с этими влечениями, или испытывает значительный дистресс из-за них; и наконец, это предпочтение наблюдается минимум 6 месяцев.

3. Фрейд считал, что в основе парафилий лежит врожденная субстанция, свойственная всем людям в одинаковой степени как предрасположение, которое, «колеблясь в своей интенсивности, ждет того, чтобы его пробудили влияния жизни»¹. Таким образом, речь идет не только о врожденных биологических корнях сексуального влечения, но и о приобретенных признаках, сформированных под воздействием особенностей социального развития.

В отечественной сексопатологии соответствие психического, физического и полового развития рассматривается как прерогатива нормы. Искажение этого процесса вследствие различных воздействий в критические возрастные периоды предполагает формирование асинхроний развития, т.е. отклонений своевременности функционирования тех или иных систем от типичного для данного возраста. При сексологическом обследовании серийных насильников наряду

¹ Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. М., 1989. С. 23.

с парафилиями, как правило, выявлялись асинхронии развития с ретардацией (задержкой) психосексуального созревания, что, в свою очередь, является благоприятной почвой для формирования сексуальных извращений.

Критериями оценки парафилий служат нарушения психосексуальных ориентаций в виде искажения направленности полового влечения и форм его реализаций, которые частично или полностью замещают нормальную половую жизнь. Парафилии рассматриваются как результат нарушений индивидуального развития, гипертрофии и закрепления отдельных проявлений психосексуального развития, свойственных его ранним этапам. Эта концепция подчеркивает необходимость учета особенностей биологического и психического развития личности, а также взаимодействий конституциональных факторов и воздействия условий окружающей среды. Анализ данных свидетельствует о том, что парафилии чаще развиваются на фоне нарушений полового развития и являются биологической базой для возникновения и закрепления в дальнейшем перверсных форм сексуального поведения. Определенные варианты нарушения полового развития могут являться основой для развития определенного вида парафилий¹.

В основе парафильного поведения лежат прежде всего «определенные патобиологические механизмы, создающие условия для формирования своеобразной психической патологии, ведущей к нарушению произвольной регуляции сексуального поведения и, в конечном счете, к его аномальным проявлениям»². В то же время половое поведение не бывает только биологически обусловленным, его формы зависят от социальных условий, влияющих на жизнь партнеров. Смысл и функциональное значение парафилий как фиксированных форм поведения в конечном итоге сводятся к адаптации, хотя и на более низком уровне, в условиях ограниченности средств адекватно адаптированного реагирования.

¹ Васильченко Г.С. Частная сексопатология. М., 1983. Т. 2. С. 96.

² Ткаченко А.А. Эволюционно-биологическая концепция парафилий// Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1998. №5. С. 66.

Как свидетельствуют полученные результаты, большинство из обвиняемых (56%), страдающих сексуальными расстройствами, не признают у себя наличие патологического сексуального влечения. Однако в ряде случаев связь между перверсным влечением и действиями насильников в ходе совершения преступления столь значительна, что становится очевидной даже для неспециалистов в области сексопатологии и психиатрии. 38% изучаемых, определяя свое отношение к наличию ненадлежащей сексуальной активности, согласились с тем, что у них имеются некоторые отклонения в этой области, и лишь 6% не только признали наличие подобных расстройств, но и высказали пожелание от них избавиться. Часть парафиликов, осознавая свою непохожесть на общепринятую норму, оценивают ее как неполноценность, что усиливает стремление к отстраненности, уединению, разрыву социальных связей по инициативе девианта, созданию предпосылок для отчуждения со стороны микроокружения. Подобное отчуждение личности, подрыв ориентации на общественные ценности, в свою очередь, приводит к депрессивным состояниям, углубляя патопсихологические расстройства.

Таким образом, из-за нарушения темпов и сроков психосексуального развития происходит формирование сексуальных расстройств, что на фоне общей психической деформации в детском возрасте может привести к обостренному половому любопытству с фиксацией интересов на сексуальной сфере, при этом любые формы половой активности сопровождаются у ребенка приятными ощущениями. Наличие психических расстройств, особенно прогрессирующих, способствует нарушению процессов социальной адаптации. Совокупность подобных негативных влияний формирует у развивающейся личности различного рода сексуальные девиации, стремление к удовлетворению которых порождает проявления сексуальной агрессии. Данные процессы порождают замкнутость, раздражительность, ущербность, тревогу за свою сексуальную состоятельность, беспокойство по поводу предстоящей супружеской жизни,

собственного здоровья, чувство бессилия в борьбе с навязчивостями. При завершении динамики парафилий личность полностью подчиняется собственным девиантным побуждениям. При этом деятельность, связанная с реализацией парафилий, полностью вытесняет прежние интересы и увлечения, заставляя вновь и вновь совершать девиантные действия.

Рассмотрим те формы парафилий, которые чаще других встречаются у серийных насильников. Наиболее распространенная форма – садизм, который с учетом агрессивносадистических тенденций был диагностирован у почти половины (47,7%) всех обследованных сексопатологом обвиняемых и составил 39% всего количества диагностированных парафилий.

Садизм определяется как предпочтение сексуальной активности, включающей причинение боли, унижение или установление зависимости. Парафилия устанавливается там, где насилие необходимо для эротического возбуждения. Э. Фромм наделял садистскую личность стремлением освободиться от мучительного одиночества, которое тот не в состоянии выносить. Однако способ подобного освобождения состоит в том, что «садист самоутверждается тем, что подчиняет себе безраздельно личность, которую любит»¹.

По мнению американского сексолога Д. Мани, сексуальный садизм, так же как и другие парафилии, «является болезнью мозга. Она поражает мозговые центры и проводящие пути, ответственные за половое возбуждение, сексуальное поведение и воспроизводство вида»². Главным образом повреждается часть головного мозга, известная под названием «лимбическая система», которая ответственна также и за агрессивность.

К. Имелинский описывает садизм как потребность полного господства над другим человеком и подчинения его до такой степени, когда причиняемые тому в соответствии с во-

¹ Фромм Э. Уравнение с одним обездоленным. Эрос. М., 1998. С. 320.

² Мани Д. Судебная сексология: серийные изнасилования и сладострастные убийства // Сексуальные преступники. М., 1992. С. 14.

лей садиста боль и унижение, подтверждающие власть и господство девианта над своим партнером, вызывают особенно выраженное сексуальное возбуждение и наслаждение. Сексуальное возбуждение обуславливает особое наслаждение в связи с сознанием неограниченной власти над партнером, который даже в сексуальных ситуациях должен вести себя только так, как ему приказывает девиант. По мнению автора, садизм нельзя отождествлять только с сексуальным наслаждением, возникающим при причинении боли. Он является лишь частью более широкого синдрома, в котором сексуальная потребность неразрывно связана с потребностью властвовать и доминировать. Очевидно, что сама по себе боль, испытываемая партнером в сексуальной ситуации, но без садистского контекста властвования над ним, не вызывает сексуального наслаждения у человека, проявляющего садистские наклонности. Точно так же и у человека с признаками мазохизма физическая боль как таковая не вызывает чувства наслаждения. Она играет эту роль лишь тогда, когда ощущение боли и чувство унижения являются высшим выражением подчинения партнеру: преданности ему, предоставления своего тела в полное его распоряжение и выполнения всех его приказаний.

Поддерживая точку зрения исследователей, считающих садизм и мазохизм выражением биполярности человека, автор подчеркивает, что садомазохизм является самой распространенной сексуальной девиацией, имеет свое начало у всех людей и, таким образом, играет определенную роль как в индивидуальной жизни человека, так и в культурной жизни человечества. Проявление садомазохизма во всех культурах и эпохах подтверждает его биологическую этиологию, что, возможно, является эволюционным атавизмом в процессе развития человека, когда удовлетворение сексуальной потребности могло наступить лишь в результате борьбы, заканчивающейся победой или поражением, во время которой нередко происходило кровопролитие.

Рассматривая в качестве основы взаимного влечения и дополнения людей друг другом сексуальную потребность, а также садомазохизм как потребность в доминировании, ли-

дерстве, власти, покорности и подчинении, К. Имелинский предполагает, что они способствуют созданию и углублению межчеловеческих связей в случае благоприятного подбора партнеров и при условии непревышения соответствующей степени выраженности садомазохистических наклонностей¹.

Примером противоправного поведения серийного насильника, который в ходе нападений испытывал «ненависть» к девушкам, могут служить действия Н. Являясь психопатической личностью, обвиняемый страдает расстройством сексуального влечения полиморфного характера (садизм, эксгибиционизм и эфебофилия).

Н., 26 лет, в течение полугода совершил 10 нападений на девушек в возрасте 16–18 лет. Все эпизоды происходили примерно по одной схеме: поздним вечером, преследуя избранную жертву, внезапно нападал, наносил удары руками и ногами, тащил за волосы, угрожая газовым пистолетом, заставлял снимать одежду, ощупывал грудь и половые органы, совершал оральный половой акт. В большинстве случаев эякуляции сразу не происходило, он добивался ее мастурбацией, заставляя жертву смотреть на это. Малейшее сопротивление жертвы жестоко подавлял, наносил удары руками и ногами, обзывая «шлюхами, которых надо наказывать», стыдил. Н. рассказывал, что у него была девушка, которая вышла замуж за другого, и после этого он «возненавидел всех девок», считает, что их надо убивать. Характерно в этом отношении нападение на Ш. и М., обоим пострадавшим по 18 лет: около 21 ч, встретив у подъезда одного из домов незнакомых девушек, обратился к ним с просьбой вызвать якобы проживающую в этом доме известную ему женщину. В ходе разговора с девушками зашел вместе с ними в подъезд, неожиданно оттеснил их к стене, стал наносить удары руками, повторяя «Почему вы все такие, почему вы так делаете?». Заставил девушек расстегнуть одежду, трогал грудь и половые органы потерпевших, обнажил половой член, потребовал совершить *per os*, малейшее сопротив-

¹ Имелинский К. Сексология и сексопатология. С. 309–312.

ление пресекал, бил кулаками, одну из пострадавших ударил несколько раз головой о батарею. При появлении прохожего убежал.

Отец обвиняемого злоупотреблял спиртными напитками, отличался жестоким и вспыльчивым нравом, часто физически наказывал сына, вел беспорядочную половую жизнь, был осужден за изнасилование, бросил семью. Н. формировался как замкнутый и стеснительный, болел астмой, болезненные приступы были очень частыми, врачи говорили, что «скоро умрет». Учился посредственно, часто прогуливая. Поступил в ПТУ, но через год бросил. Со слов матери, с годами стал еще более замкнутым и скрытным, часто уходил, «ничем с ней не делился, в доме был как чужой». Незадолго до ареста беспричинно набросился на нее, стал душить, ударил несколько раз по лицу, обещая выколоть глаза ножницами, порубил топором обувь. В 18 и 20 лет был дважды судим за совершение несколько эпизодов эксгибиционизма, в ходе которых останавливал на улице незнакомых женщин, распахивая пальто, демонстрировал половой орган, занимался онанизмом, требовал совершить половой акт. Четыре года отбывал наказание в исправительном учреждении.

В беседе с сексопатологом и психологом заявил, что мастурбацией занимался с 11 лет, первый половой акт совершил в 12 лет с ровесницей. Признал совершение гомосексуальных контактов в колонии, но влечение к мужчинам отрицал. С 15 лет стал испытывать желание напугать проходящих женщин, показывая им свой половой член. В дальнейшем понял, что все девчонки 15–17 лет — «шлюхи, которых надо наказывать». Раздражала их независимая и вульгарная манера поведения, наряды, короткие юбки и т.д., за что стал испытывать к ним «ненависть». Считает себя психически здоровым. Мысли совершить правонарушения возникали по-разному. В одних случаях внезапно, без подготовки, сопровождались сильным раздражением, гневом, желанием оскорбить, унижить девушку. В других случаях пытался бороться с собой, отгонял

навязчивые мысли, но не всегда успешно. В момент нападения раздражение сменялось «приятными ощущениями», описать их затрудняется. Соглашается, что его поведение по отношению к девушкам не вполне естественно, но никогда не будет обращаться по этому поводу к врачам и «откровенничать с ними».

Педофилия состоит в постоянном или преобладающем сексуальном предпочтении детей не старше 13 лет. По классификации DSM-III-R педофилом может считаться лицо только старше 16 лет, а объект его влечения должен быть моложе его не менее чем на 5 лет. Среди серийных насильников, у которых диагностированы парафилии, педофилия занимает второе после садизма место по распространенности (выявлена у 16% обследованных) и составляет 13% всего количества выявленных парафилий. Педофилия диагностировалась, как правило, у психопатов; это единственная парафилия, зафиксированная у шизофреника. Кроме этого, педофилия в половине случаев сочеталась с садизмом, что представляет собой повышенную социальную опасность.

Среди многочисленности факторов, объясняющих широкое распространение этой парафилии, Ф. Каприо выделяет два основных. Прежде всего, педофилия представляет собой психологическое возвращение взрослого человека к сексуальной жизни его детства, он отождествляет себя с ребенком. Эротизм проистекает из знания того, что ребенок сексуально невинен. Другим фактором является «неполноценность в сексуальном плане, которую такие девианты питают в отношении к противоположному полу. Они ощущают себя более раскованно в сексуальной близости с детьми, так как от них ждут меньшего»¹.

Для девианта ребенок как сексуальный объект является источником меньших угроз в плане установления его, девианта, сексуальной неполноценности, чем взрослый партнер. Это связано не только с доступностью подобного объекта в поиске сексуального партнера, облегченностью установле-

¹ Каприо Ф. Многообразие сексуального поведения. С. 274.

ния с ним контакта и обеспечения большей вероятности сохранения тайны этого контакта, но и в том, что он не представляет угрозы негативной оценки поведения девианта в случае его возможной сексуальной неудачи.

Прошлые эмоциональные впечатления от общения педофила в подростковом возрасте со сверстниками глубоко зафиксированы в психике. В ходе дальнейшего сексуального формирования девианта подобные впечатления не получили своего преемственного развития в позитивно эмоциональную, удовлетворяющую данного субъекта половую жизнь с женщинами. Если эти эмоциональные впечатления получают свое подтверждение при половом контакте с девочками, т.е. «приносят мужчине сексуальное удовлетворение, то окончательно формируется аномалия влечений, сутью которой является тяготение к девочкам. Естественно, что такого рода тяготение приводит к совершению преступлений»¹.

3. Старович отмечает среди педофилов самый высокий процент выходцев из интеллигентной среды. Представители этой группы сексуальных преступников, как правило, неуверенные в себе мужчины, воспитанные под излишней материнской опекой с изоляцией от «плохих товарищей», а зачастую просто лишенные в детском и подростковом возрасте контактов со сверстниками. Матери обследованных, оценивая свой брак негативно, находили в сыновьях успокоение своей неудовлетворенной в браке чувственности. Не без их влияния сыновья крайне отрицательно оценивали личность отца, воспринимая его как злого и грубого мужлана².

Характерным примером компульсивного влечения к малолетним девочкам может стать поведение некоего Б., 17 лет, у которого по результатам проведенной судебно-психиатрической экспертизы выявлены последствия ран-

¹ Антонян Ю.М., Михнов Ю.О., Потанов С.А. Причудливое переплетение убийств, изнасилований и разбоев, совершенных группой А. // Сексуальные преступники. М., 1992. С. 43.

² Старович З. Судебная сексология. С. 210.

него органического поражения головного мозга многомерной этиологии с явлениями психической незрелости и сексуальными расстройствами в форме педофильно-садистического влечения на фоне дисгармонии пубертатного развития за счет опережающего психосексуального.

Обвиняемый в 12 лет впервые совершил ряд насильственных девиантных действий с девочками 9–10 лет, сопровождавшихся введением во влагалище пальцев, палочек и других предметов. В 13 лет, при совершении в лифте своего первого вагинального полового акта с незнакомой девочкой 9 лет, испытал оргазм и эякуляцию, отметив про себя, что девочка не сопротивлялась. По данному случаю возбужденное уголовное дело было прекращено в связи с недостижением субъектом возраста уголовной ответственности. Через полтора года вновь совершил аналогичное изнасилование, за что был задержан, ему проводилась стационарная СПЭ, в соответствии с заключением которой был признан невменяемым. После курса принудительного лечения женился, стал работать санитаром и учиться в вечерней школе. Характеризовался как вежливый, спокойный, доброжелательный, обладающий хорошими способностями. Через год совершил два аналогичных преступления в отношении девочек 11 лет, в соответствии с заключением судебно-психиатрической экспертизы признан вменяемым, страдающим последствиями раннего органического поражения головного мозга с явлениями психической незрелости и педофильно-садистическим сексуальным влечением.

В анамнезе Б. — единственный ребенок в благополучной семье, мать — преподаватель в школе, волевая, вспыльчивая, раздражительная; отец — инженер-конструктор, тихий, замкнутый, спокойный. Б. родился с явлениями родовой травмы, рос подвижным, общительным, имел много друзей, воспитывался по типу гиперопеки. В 6-летнем возрасте перенес травму головы и повреждение позвоночника, лечился стационарно. Стал пугаться «видений», спал при свете, отмечалось недержание мочи и кала,

подергивание век. В начальных классах школы хорошая успеваемость, по характеру спокойный, вежливый, открытый. В 11 лет отмечалось бурное половое развитие с одновременным ухудшением успеваемости и поведения в школе, сопровождавшееся повышением конфликтности в семье. По словам обвиняемого, с 13 лет раз в полгода, несмотря на ежедневную мастурбацию, возникали состояния полового возбуждения с неодолимым влечением к девочкам 9–11 лет, сопровождавшиеся головной болью, чувством тревоги и беспокойства. Консультировался у сексологов, принимал лекарства, усиленно занимался спортом. В 17 лет женился, жена – преподаватель в школе, по словам испытуемого, внимательная, заботливая. Отношения в семье хорошие, имеет сына. Во время первой попытки близости с будущей женой, которая старше его на год, испытал сильное, «как кома», чувство страха, выступил пот, ощутил сухость во рту. Со временем острота первого негативного чувства снизилась, осознанное желание близости стало проявляться только через полгода после первого полового акта, появился более выраженный оргазм, однако сохранилось влечение к мастурбации с представлением насильственных сексуальных действий в отношении малолетних девочек. Признает, что постоянно сомневался в истинности гетеросексуального влечения к будущей жене, до последнего времени более предпочтительными и первыми возникающими в сознании эротическими представлениями являются образы малолетних девочек.

Большинство обследуемых серийных насильников с педофильной формой парафилии сообщали о затруднениях в преодолении влечения к малолетним, расценивая его как чуждое и ненормальное, сохранялось понимание его противоправности. Несомненно, что в данном случае подобное влечение носило характер вынужденного, подчиняя и детерминируя все поведение девианта в половой сфере. Криминогенность педофилии состоит в абсолютной невозможности социально одобряемого подбора соответствующего сексуального партнера, что в случае вынужденного харак-

тера влечения с большой степенью вероятности ведет к совершению противоправных насильственных поступков, в том числе и серийных изнасилований.

Эфебофилия представляет собой половое влечение взрослых людей к лицам подросткового и юношеского возраста. По основным характеристикам и механизму формирования эфебофилия схожа с педофилией, с той лишь разницей, что девианта привлекают не детские, а подростковые признаки объекта, их неопытность в сексуальных вопросах, незнание техники полового акта. Поэтому в половых девиантных контактах эфебофилов присутствует элемент обучения подростка, что несвойственно педофилам.

Среди серийных насильников эксгибиционизм был выявлен только в составе полиморфного парафильного синдрома у 11,4% всех обследованных сексопатологом обвиняемых и составил 9,3% всего количества диагностированных парафилий. Эксгибиционизм определяется как периодическая или полная склонность к неожиданной демонстрации собственных половых органов незнакомым людям (как правило, противоположного пола) в общественных местах. Как отмечает Г. Васильченко, эксгибиционистами часто бывают натуры с неудовлетворенной потребностью в любви и неспособные найти удовлетворение в самих себе, для которых подобные парафильные акты служат поиском контакта или аутистической формой самоутверждения¹. Ф. Каприо обращает внимание на присущие эксгибиционистам сексуальные дисфункции и, прежде всего, импотентные реакции и подтверждает точку зрения Блоха, Фрейда и Мерцбаха, что «эксгибиционизм является ослабленной формой садизма»².

При эксгибиционизме первостепенное значение для девианта приобретает возможность добиться от объекта проявления негативных эмоций, в первую очередь страха. Как подчеркивал К. Имелинский, «целью эксгибициониста является добиться испуга у женщины не в такой мере, чтобы

¹ Васильченко Г.С. и др. Нарушения психосексуального развития. Психосексология: Хрестоматия. Мн., 1998. С. 369.

² Каприо Ф. Многообразие сексуального поведения. С. 245.

она убежала, но чтобы ее страх граничил с любопытством и удивлением, которые заставили бы ее наблюдать эксгибиционистский акт. И чем в большей степени женщина проявляет заинтересованность, любопытство, смешанные с испугом, тем большее наслаждение получает эксгибиционист... Некоторые эксгибиционисты надеются также на то, что женщина будет испытывать столь выраженное сексуальное возбуждение, что не сможет отказать себе в желании осуществить совместные сексуальные действия, т.е. он своеобразным способом вербует себе сексуального партнера»¹. Однако парафильный акт девиантом в этот момент, как правило, прекращается, так как преобладающий у него эксгибиционистский компонент уже получил свою стимуляцию. В нашем же случае происходит активизация преступника. Вероятно, испуг женщины при акте эксгибиционизма расценивается девиантом как ответная реакция согласия, что вызывает стимуляцию садистических тенденций, присущих определенной части эксгибиционистов (в нашем случае все установленные эксгибиционистские парафильные проявления составляли полиморфный синдром совместно с садистическим компонентом), и это, в свою очередь, может повлечь за собой стремление к сближению с жертвой и совершению в отношении нее контактных сексуальных действий. В изучаемых серийных изнасилованиях эксгибиционизм занимает по отношению к садистическому компоненту второстепенное положение и его роль ограничивается лишь некоторой стимуляцией в начале нападения или в момент совершения сексуальных действий, например, когда насильник заставляет жертву смотреть на акт мастурбации. Криминологическая значимость эксгибиционизма заключается в его повышенной, по сравнению с другими сексуальными противоправными проявлениями, повторностью, что, несомненно, влияет на совершение многоэпизодных половых нападений.

Некто С., 28 лет, образование средне-техническое, в течение полугода совершил четыре нападения на деву-

¹ Имелинский К. Сексология и сексопатология. С. 322.

шек 13–18 лет при следующих характерных обстоятельствах: в дневное и вечернее время в лифте, угрожая ножом и физической расправой, раздевал потерпевших, трогал их половые органы, показывал половой член, заставлял совершать *peg os*, как правило, без эякуляции, после чего мастурбировал, заставляя пострадавших на это смотреть. На допросе С. пояснил, что совершил «множество» подобных эпизодов в г. Москве: в течение года в лифтах, подъездах, на улице, возле школ останавливал проходивших девочек 13–15 лет, показывал им половой член, онанировал.

Отец С. злоупотреблял алкоголем, избивал жену и детей, бросался на них с ножом, поджигал квартиру, «наливал уксус в ванну», из семьи ушел. Мать лечилась в психиатрической больнице. Родился в асфиксии, роды происходили зимой на снегу. Мать по характеру добрая, но иногда без причины наказывала. Формировался чувствительным, ранимым, мечтательным. До школы часто болел пневмонией, до 15 лет страдал энурезом. Любил одиночество, друзей не было, в общении с девочками было легче, играл с ними в куклы. Учиться начал с 8 лет в школе-интернате, читать и писать не любил, успеваемость была слабой. Нравилось готовить, вязать, шить. Занимался в хоре школы, иногда играл в футбол, избегал конфликтных ситуаций, драк не любил. После 8 классов закончил ПТУ по специальности электромеханика по лифтам. Во время службы в воздушно-десантных войсках получил черепно-мозговую травму, лечился стационарно, но демобилизовался на общих основаниях. После службы работал по специальности, жил в общежитии. Чтобы улучшить жилищные условия, заключил фиктивный брак.

При обследовании у психолога заявил, что желание дотронуться до девушек, обнажиться и мастурбировать в их присутствии возникало спонтанно, после этого действовал не задумываясь, было ощущение, что «толкает злая сила». Возникающее желание реализовывал там, где оно

появлялось, о последствиях не думал, лиц девушек не помнит. После совершенных действий появлялся стыд, жалость к пострадавшим, но тех девушек, которым нравилось то, что он делал, осуждает, считает испорченными. Свои чувства в ходе нападений описать не может – «что-то неопишемое». Понимает, что совершил проступки, за которые понесет ответственность.

В ходе беседы с сексопатологом пояснил, что с 6 лет стал подглядывать, как раздеваются девочки, нравилось снимать с них нижнее белье, разглядывать и ощупывать половые органы. С 10 лет начал заниматься мастурбацией, чаще с подглядыванием, с 12 лет – эякуляция. С 11 лет появились фантазии, будто он раздевает девочек и показывает им половой член. Стал убегать из интерната, ходил по подъездам, подкарауливал девочек и девушек, «зажимал их», показывал половой член, со временем возраст девушек перестал иметь значение. В 15 лет совершил первый половой акт с 25-летней женщиной по ее инициативе, считает его успешным, была эрекция и эякуляция, но ожидаемого удовлетворения не получил. После этого эпизодические половые связи, как правило, с женщинами старше по возрасту, реже со сверстницами – «желание вроде бы всегда было, но удовлетворения не получал». С годами стал понимать, что ему нравится страх девушек, стал кричать на них, со своим влечением не боролся. Часто показывал половой член из окна квартиры проходившим мимо девушкам, при этом мастурбировал. По заключению сексопатолога, у С. обнаруживается полиморфный парафильный синдром (экспозиционизм, эфебофилия, вуайеризм с элементами садизма).

Судебно-психиатрическая комиссия установила у обвиняемого последствия органического поражения головного мозга сложного генеза с некоторыми изменениями психики.

В заключение остановимся еще на одном признаке сексуальных парафилий, характерном и для серийных насильников. Речь идет о так называемом «тотальном индивидуа-

лизме»¹, заключающемся в проблеме одиночества и социальной изоляции. Способ осуществления парафилии, последствия ее удовлетворения связаны, с одной стороны, с глубоко интимными потребностями парафилика, его нацеленностью на внутренние переживания, и с внешне отталкивающими при нормативной оценке проявлениями – с другой. Наличие парафилии, особенно в обществах с низким уровнем толерантности, делает практически невозможным создание каких-либо групп из девиантов, даже исходя из социально необходимых целей, например для добровольного лечения. На наш взгляд, эти же причины лежат и в отсутствии устойчивых преступных групп среди серийных насильников.

Основным критерием, позволяющим перевести изучение сексуального девианта из медицинской плоскости в правовую, является совершение им насильственных действий. На наш взгляд, все серийные насильники обладают в той или иной степени элементами раптофилии, которые могут сочетаться с садистическими тенденциями.

Раптофилия была выявлена у 11,4% обследованных сексопатологом обвиняемых и составила 9,3% всего количества диагностированных парафилий и определяется как близкое к нормативному сексуальное поведение, когда обычный гетеросексуальный половой акт предваряется обязательным принуждением к нему. В то же время отсутствуют такие характерные для садизма элементы, как намеренное причинение боли или унижения, являющиеся обязательным условием для сексуального возбуждения.

В настоящее время вопрос о том, представляет ли изнасилование истинную парафилию (раптофилию), при которой сексуальное удовлетворение стереотипно достигается путем насильственного принуждения к сексуальному взаимодействию (изнасилования) партнера, остается дискуссионным.

А. Герасимов и А. Ткаченко приводят результаты исследований (Г. Абея и других ученых) насильников, одинако-

¹ *Имелинский К.* Сексология и сексопатология. С. 291.

во реагиовавших возбуждением как на соглашающихся партнеров, так и на тех, кого принуждают, в то время как ненасильники демонстрировали большее возбуждение на сексуальные стимулы, описывающие соглашающихся партнеров. Индивидуумы, предпочитающие сексуальное насилие, также рассматриваются как парафилики, которых возбуждают сексуальные агрессивные фантазии или принуждения жертвы, или самих себя. В отличие от садистов такие насильники не применяют силы свыше необходимости, т.е. ровно настолько, чтобы преодолеть сопротивление жертвы. У садистического насильника выявляется высокий уровень возбуждения при описании физических, но не сексуальных нападений на женщин. Авторы отмечают, что по сравнению с ненасильниками насильники испытывали большее возбуждение при описании агрессивного секса (секс с применением силы), что свидетельствует о наличии у них парафилии, заключающейся в предпочтении «несоглашающихся» партнеров для сексуального взаимодействия¹.

3. Старович отмечал, что при систематическом удовлетворении сексуальных потребностей насильственным путем возможно формирование навязчивой формы их реализации. Иными словами, сексуальное насилие становится для них принципиальным сексуальным возбудителем, насущной необходимостью и даже исключительной формой реализации сексуальных потребностей².

Аналогичную точку зрения высказывает ряд отечественных сексологов. А. Ткаченко в поддержку подобной концепции приводит результаты опроса насильников, в соответствии с которыми «во многих случаях у данных субъектов присутствуют навязчивые, повторяющиеся, компульсивные побуждения и фантазии, сюжетом которых является изнасилование. Последние имеют циклическую природу, переживаемые индивидом желания интенсивно увеличиваются и, в

¹ Герасимов А.В., Ткаченко А.А. Особенности межличностного восприятия у лиц с агрессивным сексуальным поведением // Российский психиатрический журнал. 1999. № 2. С. 24.

² Старович З. Судебная сексология. С. 208.

конце концов, становятся слишком сильными. Субъект стремится взять их под контроль, однако, по мере того, как побуждения становятся слишком интенсивными, контроль нарушается и желания претворяются в жизнь с последующей их редукцией»¹. У совершивших серийные изнасилования также отмечается наличие навязчивых побуждений и фантазий, основанных на сценах совершения преимущественно насильственных половых актов с лицами противоположного пола. Фантазии могут состоять из садистических сцен пыток, представлении себя в роли палача, и сопровождаться злобно-напряженным фоном.

На наш взгляд, факт систематического совершения серийными насильниками похожих насильственных действий также может служить доказательством того, что у данной категории преступников раптофилия либо окончательно сформирована, либо находится в стадии формирования.

Некто П., 34 года, образование 8 классов, уже в 15-летнем возрасте совершил сексуальное насилие. Вместе с приятелем такого же возраста он приехал на окраину города. Увидев идущую по улице в одиночестве девушку, они стали ее преследовать, догнали, повалили на землю и насильственно совершили поочередно половые акты. П. был задержан, привлечен к уголовной ответственности за изнасилование и вскоре осужден на 6 лет лишения свободы, но был освобожден досрочно через 4 года. Вернувшись домой, устроился работать сварщиком, женился, переехал в другой город, через несколько месяцев развелся. Через год после возвращения из исправительного учреждения вновь совершил противоправное деяние при следующих обстоятельствах: будучи в состоянии алкогольного опьянения, неожиданно схватил за воротник пальто проходящую мимо незнакомую женщину, угрожая ножом, пытался оттеснить ее за угол дома, но встретив активное сопротивление, нанес удар кулаком в лицо, после чего убежал. В тот же день через несколько часов со-

¹ Ткаченко А.А. Сексуальные извращения – парафилии. С. 74.

вершил аналогичные действия в отношении другой женщины. Был привлечен за совершение хулиганских действий и осужден по ст. 206 ч. 3 УК РСФСР к 5 годам лишения свободы. Через три года был условно освобожден, повторно женился, однако вскоре возвращен в исправительное учреждение. Жена после этого брак расторгла. Через 6 месяцев после освобождения вновь совершил нападения на женщин: в течение 4 ч одного дня трижды на улице и в подъезде нападал на незнакомых женщин, под различными предложениями заводил в безлюдное место, где под угрозой ножа совершал насильственное половое сношение и отбирал золотые украшения. Полностью признал свою вину, пояснил, что в третьем случае была эякуляция. В ходе проведения стационарной судебно-психиатрической экспертизы был признан вменяемым, обнаруживал психопатические черты характера. Осужден на 9 лет лишения свободы, после отбытия двух третей срока за примерное поведение был переведен на поселение. Через полтора года после перевода в течение месяца совершил три изнасилования (два окончены) молодых женщин в возрасте от 19 до 27 лет.

Преступное поведение обвиняемого характеризует эпизод: в 3 ч ночи напал сзади на проходившую Т., схватил за волосы, приставил в бок нож, завел на расположенную рядом детскую площадку, там начал говорить, что развелся с женой, поэтому зол на весь женский пол, неожиданно повалил на землю, начал душить, при сопротивлении женщины сильно ударил кулаком в грудь, схватив за волосы, стал бить головой о пол веранды, снял с нее нижнее белье и совершил половое сношение. После этого стал успокаивать ее, предложил сигарету, хотел проводить до дома. В ходе следствия отрицал свое участие в правонарушениях.

Роды патологические с наложением щипцов, в асфиксии. После перенесенной в 2 года травмы головы у П. развилось косоглазие, появились приступы, во время которых «падал и синел». Родители постоянно ссорились, отец

ушел из семьи, когда П. исполнилось 10 лет. Воспитывался матерью и бабушкой. В школу пошел вовремя, учеба давалась легко, нравились точные науки, но отмечались частые нарушения дисциплины. В школе был общительным, ранимым, возбудим. В 14 лет оперирован по поводу расширения вен семенного канатика, а через три недели – по поводу косоглазия. По словам матери, после операций в поведении появились странности – «иногда не соображал, что делал, становился бешеным, потом постепенно успокаивался».

В ходе сексологического исследования установлено, что желание совершить половой контакт впервые появилось в 9 лет, в подростковом возрасте прижимался к женщинам в транспорте, происходила эякуляция. В 12 лет пытался совершить половой акт с сестрой. Мастурбацией занимался с 7 лет, с 13 лет – с эякуляцией, с этого же возраста появились сны, в которых присутствовали сцены с насилием над женщинами, лица которых не видел. Через некоторое время аналогичные сцены появились в фантазиях, которые возникают помимо воли, бороться с ними не может. Первый половой акт провел в 18 лет по обоюдному согласию с женщиной, которая была старше, оценивает его как успешный. Имел частые эпизодические половые связи, к постоянной партнерше вскоре теряет интерес. Не скрывает, что в колонии имел гомосексуальные контакты, но отрицает такую зависимость. Жалуется на невозможность отказаться от мастурбации, но и она в последнее время не освобождает от мучительных фантазий, сюжетом которых являются сцены из порнографических фильмов с активным сопротивлением жертвы. Правонарушения отрицает, ссылаясь на плохую память, однако допускает возможность их совершения. Поясняет, что желание изнасиловать возникает при виде жертвы, при этом не замечает окружающее, осознавать происходящее начинает при завершении полового акта. Возраст жертвы, ее одежда, манера поведения не имеют никакого значения. После полового акта успокаивается,

снимается напряжение, на некоторое время «становится легче». Свои отклонения считает болезнью, пытался в прошлом с ними бороться: неоднократно женился, переключался на другой вид деятельности и т.д., но безуспешно. В настоящее время смирился, единственным выходом считает самоубийство. По заключению сексопатолога, у П. выявлена парафилия в форме раптофилии при основном сексуальном расстройстве в форме дисгармонии пубертата (опережение психосексуального развития при нормативном соматосексуальном).

Структура парафилий и серийных изнасилований по некоторым признакам полностью или частично совпадает. Диагностирование парафилий возможно лишь в том случае, если индивиду свойственны периодически возникающие интенсивные сексуальные влечения, в соответствии с которыми этот индивид может принять те или иные решения для их реализации. Подобные повторяющиеся сексуальные действия могут совершаться с партнерами без их согласия, что является неперенным условием для юридической оценки девиантного поведения. Как невозможно диагностирование сексуальных парафилий при наличии единичного случая девиантного поведения, так невозможно признать преступника серийным при установлении совершения им одного эпизода преступления.

Таким образом, криминогенное значение парафилий состоит в оказании постоянно стимулирующего давления, направленного на поиск возможности его удовлетворить, что в определенных ситуациях, например, в случае отсутствия согласия обнаруженного и подходящего для данной цели, с точки зрения парафилика, сексуального партнера, может преследоваться обществом.

Без сомнения, изменения влечения как по объекту (педофилия, эфебофилия и др.), так и по способу реализации (садизм, эксгибиционизм, вуайеризм, раптофилия) определяют дальнейшее развитие половой жизни у изучаемых, заставляют их предпринимать шаги к поиску объекта влече-

ния с целью получить как физиологическое (половое), так и психологическое удовлетворение.

Под психологическим удовлетворением мы понимаем попытку преступника с помощью противоправного поведения изменить «представление о самом себе и тем самым повысить собственное самоприятие»¹.

Негативные взаимоотношения с родителями и сверстниками в детском и подростковом возрасте, отчуждение микросредой и низкий уровень социальной адаптации, порождаемые психическими аномалиями и сексуальными расстройствами, формируют у будущих серийных насильников чувство постоянного недовольства, неполноценности и ущемленности, приводящие к неприязненному отношению к себе и своим поступкам. Желание снизить беспокойство и обеспечить душевное равновесие подталкивает индивида к поиску возможных решений. Однако застревание на половой сфере, отягощенное различного рода девиантными навязчивыми фантазиями и представлениями, неудачи в поиске сексуального партнера гипертрофируют сексуальную составляющую в сознании индивида, превращая ее в важнейшую, жизненно значимую проблему, от решения которой зависит его дальнейшее существование. Сформированные антисоциальные установки, связанные в том числе и с криминальным прошлым, отягощенные циничными взглядами и представлениями о женщинах в целом, презрительное отношение к их половой свободе и самостоятельности определяют решение проблемы негативного самовосприятия с помощью применения наиболее соответствующего этой личности способа – насилия в отношении женщин, причем совершенные в ходе данного насилия различного рода сексуальные действия являются не целью, а только способом подчинения и унижения жертвы. Совершая подобные действия, насильники стремятся подтвердить, защитить и оправдать в собственных глазах право на свое дальнейшее су-

¹ Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступления и наказания. М., 2000. С. 118.

ществование, что, на наш взгляд, и является основной причиной совершения серийных изнасилований. Ощущение недостижения желаемого результата после совершения очередного изнасилования часто вызывает ожесточение, приводящее в ряде случаев к нарастанию агрессии и жестокости в отношении очередных жертв вплоть до их полного уничтожения, что в совокупности с неспособностью самостоятельно разобраться в истинных мотивах своего поведения заставляет вновь и вновь совершать аналогичные действия. Окрашивание подобных действий оргазмическими переживаниями носит дополнительный стимул для их повторения, что, в конечном счете, также приводит к серийности.

ГЛАВА 3

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

СЕРИЙНЫХ ИЗНАСИЛОВАНИЙ

3.1. Организационные и правовые основы предупреждения серийных изнасилований

Профилактика половых преступлений в общем и серийных изнасилований в частности существенно отличается от предупреждения иных видов насильственных преступлений. Специфичность и повышенная сложность, связанная с разработкой мероприятий по недопущению подобных деяний, в первую очередь обуславливается тем, что причины и мотивы их носят сугубо интимный характер, большая часть из них не охватывается сознанием субъекта, плохо или совсем им не контролируется.

Кроме этого, как показывают исследования, причины совершения половых преступлений не связаны напрямую с социально-политическими, экономическими и культурными условиями развития того или иного общества. Правоохранительные структуры экономически мощных государств с развитыми демократическими принципами управления имеют такие же проблемы в сфере борьбы с половыми преступлениями, с той лишь разницей, что техническое оснащение и более квалифицированная подготовка сотрудников позволяют успешнее реагировать на начальной стадии серийных проявлений, не давая возможности лицу, их совершившему, пользоваться своей безнаказанностью.

Актуальной остается проблема воспитания и просвещения в области половых взаимоотношений. До недавнего времени в нашей стране практически полностью отсутствовали какие-либо сведения по данным вопросам, и лишь в последние годы стало возможным получить квалифициро-

ванную информацию. В то же время вопросы детского и подросткового полового воспитания находятся в настоящее время в стадии изучения и разработки. Главная проблема, на наш взгляд, состоит именно в нравственной стороне реализации подобных проектов и недопущения прямо противоположных результатов. Справедливо и взвешенно в этом контексте звучит общий подход З. Фрейда к разрешению данной проблемы: «...вред первоначального запрета сексуального наслаждения сказывается в том, что позднейшее разрешение его в браке не дает уже полного удовлетворения. Но и неограниченная половая свобода с самого начала не приводит к лучшим результатам»¹.

Развитие в нашей стране полового просвещения и воспитания потенциально должно быть направлено не только на лиц, страдающих от сексуальных девиаций, помогая им вовремя осознать свои особенности с целью их дальнейшей социально приемлемой адаптации. Очевидно, что половое просвещение должно воспитывать терпимое, понимающее отношение к наличию у других сексуальных отклонений, помогая последним не стать изгоями в окружающем их обществе.

Аналогичные проблемы связаны и с лицами, страдающими различного рода психическими расстройствами. Многие психические аномалии до определенного времени протекают в скрытой форме и начинают вызывать озабоченность окружающих только после совершения правонарушений. Профилактика насильственно-сексуального поведения осложняется отсутствием надежной системы максимально раннего выявления и диагностирования психических расстройств у детей и подростков.

На наш взгляд, пристальное профилактическое внимание к несовершеннолетним является наиболее важным во всей системе профилактического воздействия на лиц, склонных к серийным преступлениям. Как известно, «черты нрав-

¹ Фрейд З. Об унижении любовной жизни. Философия любви. Ч. 2. М., 1990. С. 372.

ственно-психологической характеристики личности сексуального преступника формируются, развиваются и закрепляются в личности с первых дней жизни индивида. Вот почему справедливо утверждение, что сексуальное преступление, как и любое другое, подготовлено всем ходом жизни, является его итогом, и вне этого контекста оно не может быть адекватно оценено»¹.

Именно поэтому своевременная и разносторонняя помощь и коррекция такой труднодоступной сферы, как психосексуальная, оказанная в период формирования личности, может достичь максимально положительного эффекта.

К., 15 лет, учащийся 9-го класса средней школы, совершил в течение двух недель два нападения на девочек 10 и 13 лет. Поджидая около школы, преследовал жертву до подъезда, затем догнал на лестничной площадке, угрожая ножом и физической расправой, заставил полностью раздеться, поставил на колени, совершил *per os*, затем пытался совершить *per anum*, но не смог. Заставил сесть на корточки, ввел во влагалище два пальца, около минуты вращал, увидев на руке кровь, убежал.

На допросе пояснил, что преследовал без цели, решение на применение насилия возникало, когда догонял жертву. В день правонарушения употребил спиртное, «выкурил много анаши».

Отец обвиняемого ранее служил на флоте, отличался вспыльчивым характером, был постоянно чем-то раздражен, к сыну относился холодно, злоупотреблял спиртными напитками, бил жену и дочь, часто менял место работы, мог без всякой причины уехать из дома на длительное время. Мать — строгая, «держала в ежовых рукавицах», часто наказывала физически, но, по словам испытуемого, всегда за дело. Родители разошлись, когда ему исполнилось 12 лет, через год мать вышла замуж. Уход отца из семьи воспринял спокойно, к появлению отчима отнесся

¹ Антонян Ю.М., Ткаченко А.А., Шостакович Б.В. Криминальная сексопатология. С. 110.

с радостью, нравилось, что тот обеспечен, ходит на собрания в школу, может защитить при необходимости, помогает ему, в том числе материально.

По словам матери, беременность и роды протекали без патологии, раннее развитие соответствовало возрастному. К. рос впечатлительным, любознательным, интересовался техникой, был подвижен, драчлив, за что часто наказывался взрослыми. В начальных классах учился на «отлично». После перенесенной в 13 лет травмы головы и сотрясения мозга находился 10 дней на стационарном лечении, впоследствии стал жаловаться на головные боли, тошноту, головокружение. Около двух лет находился под диспансерным наблюдением невропатолога с диагнозом «посттравматический церебрастенический синдром». Успеваемость слегка снизилась, но тем не менее продолжал учиться хорошо, в свободное время много читал. По словам матери — добрый, честный, иногда скрытный, в последнее время стал выпивать.

В ходе беседы с сексопатологом К. рассказал, что девочки нравятся с 6 лет, первый половой акт провел в 13 лет с ровесницей по своей инициативе, оценивает его как неудачный из-за ранней эякуляции, был фиксирован на этой неудаче. Больше половых актов с ней не было, хотя отношения с этой девушкой поддерживал. С 12 лет видит эротические сны, сцены взаимных ласк и половых актов со сверстницами, особенно возбуждают ласки и окружающая обстановка, например роскошный отель. С 11 лет, после того как отец на его глазах жестоко избил мать и сестру, в сновидениях стали присутствовать сцены, в которых он душит взрослого мужчину без лица, вспарывает ему живот, расчленяет тело и от подобных действий получает удовольствие. После пробуждения появлялась слабость и раздражительность. Подобные сцены стали появляться в фантазиях, после переживания которых ощущает слабость и умиротворение, появилось ощущение, что обязательно кого-нибудь убьет. В последний год постоянно плохое настроение, возникло желание изде-

ваться над мальчишками, которые младше по возрасту, таскал их за волосы, после чего настроение улучшалось.

К матери был привязан, но побаивался ее, так как она могла вспылить, отругать. Поэтому, став постарше, перестал с ней делиться, замкнулся. В 11 лет впервые увидел фотографию обнаженного женского тела, был потрясен. Дома тема, связанная с сексом, никогда не обсуждалась, родители ограждали его и от подобной видеопродукции. Однажды он тайком посмотрел видеофильм эротического содержания и получил настолько «ошеломляющее впечатление», что под его влиянием находится до сих пор. Постоянно воспроизводил в памяти сцены из фильма, почувствовал, что это мешает учебе, пробовал усиленно заниматься спортом, чтобы отвлечься. Утверждает, что потерпевших ему жаль, но «не мог себя сдерживать». Зачем вводил пальцы во влагалище, объяснить не мог. Экспертная комиссия обнаружила у К. признаки дисгармонически протекающего пубертатного криза на фоне остаточных явлений органического поражения головного мозга. В соответствии с диагнозом сексопатолога у обвиняемого отмечается садизм в стадии формирования на фоне преждевременного полового развития.

Успех в борьбе с серийными изнасилованиями во многом зависит от обеспечения органами внутренних дел общественного порядка. По данным исследований, около половины эпизодов были совершены в общественных местах, поэтому при организации и проведении общепрофилактических мероприятий подобные места должны учитываться как места совершения вероятных нападений, в том числе и со стороны серийных насильников. В городских условиях, особенно в вечернее и ночное время, к числу криминогенных можно отнести парки, пустыри, скверы, гаражи и т.п., особенно если они располагаются в местах вероятного появления женщин, например между остановками городского транспорта и жилым массивом.

Существенную помощь в профилактике серийных изнасилований могут оказать иные, на первый взгляд не свя-

занные с ней прямо мероприятия. Например, в последнее время в г. Москве в подъездах устанавливаются металлические двери и домофоны, препятствующие проникновению посторонних лиц. Причиной подобных мер явились многочисленные квартирные кражи и их крайне низкая раскрываемость. Если учесть, что почти треть всех серийных насильников предпочитают нападать на свои жертвы в подъезде или в лифте, установка подобных защитных комплексов окажется весьма эффективной и в профилактике изнасилований. На наш взгляд, органы внутренних дел обязаны выявлять, пропагандировать и всесторонне поддерживать подобного рода инициативы.

Несомненные перспективы в деле профилактики серийных изнасилований содержатся во взаимодействии и сотрудничестве правоохранительных структур и средств массовой информации. Освещение в печати, на телевидении результатов успешного расследования, материалов судебных расследований оказывает значительное влияние на общественное мнение. Тем не менее необходимо помнить, что работа со СМИ требует не только взвешенного подхода в предоставлении информации, но и дальнейшего контроля за опубликованными материалами с целью недопущения его негативного искажения. Без сомнения, основной вектор подобного взаимодействия должен быть направлен на извлечение нравственного урока, а не на возбуждение нездорового интереса к подобным явлениям.

Трудно переоценить роль банка данных, куда бы стекалась достоверная информация о правонарушениях в сексуальной сфере, лицах, их совершающих, и их жертвах. Банк данных должен быть предназначен не только для хранения, но и для оперативной обработки и предоставления необходимой информации, в том числе с целью ее незамедлительной проверки.

Наличие подобных возможностей у правоохранительных структур безусловно не позволило бы ранее упоминавшемуся Косареву длительное время безнаказанно совершать преступления. Пример с данным насильником ярко свидетельствует не только о полном отсутствии какого бы то

ни было учета сексуальных агрессоров, но и еще раз подчеркивает насущную необходимость его скорейшего создания и наполнения.

Являясь уроженцем и жителем г. Москвы, Косарев, которому на момент прохождения экспертизы исполнилось 30 лет, впервые был привлечен к ответственности в 15-летнем возрасте за групповую попытку раздеть женщину в лифте. Через год уже один совершил аналогичные действия, однако потерпевшая сумела не только оказать активное сопротивление, но и доставить незадачливого насильника в отделение милиции. По инициативе матери Косарев в течение месяца лечился в психиатрической больнице с диагнозом «трансвестизм». Через год он вновь и опять в лифте под угрозой ножа дважды изнасиловал несовершеннолетнюю, но был признан невменяемым и направлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу обычного типа. В 19 лет за групповое изнасилование был осужден на 8 лет лишения свободы. Через месяц после освобождения из мест лишения свободы в июле 1992 г. вновь стал совершать сексуальные нападения. После его задержания в 1995 г. выяснилось, что все нападения Косарев (инкриминировалось 38 эпизодов, хотя сам он заявил о 120) совершал стереотипно: поджидая жертву в подъездах домов, заходил с ними в лифт, где, угрожая ножом, газовым пистолетом, совершал половые акты и отбирал у потерпевших их вещи. Косарев был задержан при попытке продажи похищенного, т.е. фактически случайно. Даже в столь короткой информации о преступной активности Косарева выделяются несколько основных признаков, характеризующих его как серийного сексуального агрессора (объект, место, способ, систематичность, психологическая и сексологическая патология). Очевидно, что при наличии учета даже в пределах города, не говоря о федеральном уровне, данный преступник был бы «вычислен» сразу же после получения от очередной жертвы четкого словесного портрета и заявления о возможности его опознания.

По данным комплексного исследования, Косарев — первый ребенок, беременность протекала с токсикозом, роды проводились с использованием вакуум-экстрактора. Воспитывался в комфортных условиях, отношения в семье были нормальные: отец любил сына, но, работая водителем и часто уезжая в дальние рейсы, мало времени мог ему уделять. Мать любила и лелеяла сына, не спускала с него глаз, «носила на руках», появление у него слез становилось для нее трагедией. В раннем детстве рос слабым, болезненным, родился с заращенным мочеиспускательным каналом, в связи с чем проводилось бужирование. Со слов испытуемого, всегда стремился к одиночеству, отвергал детские компании и игры, не находя общего языка со сверстниками, любил один играть в солдатики, разыгрывая целые военные баталии. Отличался впечатлительностью, образно воспринимал персонажей сказок, испытывая от этого ночные страхи. В школе учился с трудом, с одноклассниками был груб и агрессивен, так как те дразнили его «жирным, толстым жадиной». Косарев страдал от своей повышенной полноты, пытаясь избавиться от этого, занимался борьбой, карате, но непродолжительное время. В техникуме учился слабо, пропускал занятия, со всеми держался свысока, отличался агрессивностью и впечатлительностью.

С 4 лет был замечен в манипуляциях с половым членом, терся половыми органами о кровать. Первые запомнившиеся сексуальные переживания испытал в 7-летнем возрасте, когда, увидев обнаженную мать, захотел до нее дотронуться. С этого же возраста появился интерес к предметам женского туалета, надевая их на себя, испытывал желание стать женщиной. Похищенный у одной из первых жертв бюстгалтер потом часто надевал на себя, фантазируя при этом на сексуальные темы. В подростковом возрасте представлял себя догоняющим женщину, после чего под угрозой ножа заставлял ее раздеться, причем в фантазиях половой акт отсутствовал. С 15 лет стал ощущать себя в роли насильника, хотя лица жертв ни с кем

конкретно не идентифицировал, видел лишь отдельные части их одежды. Мастурбацией занимается с 7 лет, не оставляет эту привычку и в настоящее время. Первый половой акт с зякуляцией совершил в 13 лет со своей 65-летней бабушкой, внезапно набросившись на нее. Нормативный половой акт совершил впервые в 26 лет после освобождения из мест лишения свободы со своей знакомой девушкой, оценивает этот акт как успешный. В 29 лет, т.е. в ходе совершения преступной серии, женился, хотя уже до этого в течение двух лет с будущей женой были регулярные половые отношения. Заявил, что продолжает любить жену, но не верит, что может к ней когда-либо вернуться. Жена, характеризуя семейные отношения, пояснила, что серьезных конфликтов в семье не было, муж относился к ней ласково и мягко, заинтересовал ее своей романтичностью, при знакомстве представился «афганцем».

На вопросы о совершенных правонарушениях Косарев заявил, что специально к нападениям не готовился, просто «в состоянии отключения» шел куда-то или ехал на своей автомашине. Никогда не отдавал предпочтение какому-либо возрасту жертв, было все равно, будь то 12-летняя девочка или взрослая женщина, не выбирал и по внешним признакам, «просто что-то срабатывало в голове, полностью терял над собой контроль». Вслед за нападением сразу не мог сориентироваться, после полового акта при одевании девочек испытывал состояние радости, восторга, невесомости, чувствовал себя сильным. Когда же оставался один, наступало ощущение пустоты, начинал понимать, что натворил. Лиц жертв не помнит, описывает их «как пятна», однако может отчетливо воспроизвести детали одежды и нижнего белья потерпевших. Не всегда понимал, куда совершает половой акт – во влагалище или в задний проход. Утверждает, что часто брал у потерпевших «ненужные» старые вещи, которые потом выбрасывал. Если в ходе нападения встречал активное сопротивление, то умысел до конца не доводил. Заявляет, что надоело жить двойной жизнью.

По заключению сексопатолога, ведущим сексологическим синдромом является полиморфный парафильный синдром (раптофилия, трансвестизм). Выявляемые у испытуемого признаки опережения психосексуального развития в виде ранней сексуализации поведения с допубертатной мастурбацией, началом половой жизни с ненормативным объектом (собственная бабушка), опережением сексуальной стадии либидо других стадий в сочетании с нормативными показателями соматосексуального развития позволяют говорить о дисгармонии пубертата.

По заключению судебно-медицинской экспертизы Косырев признан вменяемым, у него обнаруживаются признаки органического поражения головного мозга с некоторыми изменениями психики, которые не сопровождались болезненным нарушением мышления.

Банк данных на половых преступников должен постоянно пополняться информацией не только о вновь выявленных девиантах, но и сведениями о социально-демографических и иных изменениях уже стоящих на учете. По нашему мнению, такую информацию могут собирать сотрудники, занимающиеся индивидуальной профилактической работой с этой категорией преступников. Без сомнения, выработанные условия заполнения банка данных позволят обеспечить не только контроль за поведением подучетного и проведение в отношении него профилактических мероприятий, но и послужат надежным источником информации при раскрытии половых преступлений. Кроме этого, при надлежащей организации сбора максимально полезной информации банк данных позволил бы обеспечить ведение разнопланового статистического учета различных видов половых преступлений, в том числе и серийных изнасилований.

Одним из общепредупредительных направлений в борьбе с серийными сексуальными проявлениями является контроль за таким негативным явлением, как порнография. Последние годы в нашей стране отличаются обвальным производством и распространением различного рода эротической и порнографической продукции.

Трудно не согласиться с мнением, что порнография является для человека искусственным заменителем проявления эмоций, «лишает его сексуальной фантазии, крадет ощущение уникальности и неповторимости сексуального переживания, дедраматизирует его эротическую жизнь, переводит ее на уровень банальной моторики, можно сказать, «деинтегрирует» ее»¹.

Будучи всегда непристойной, порнография оказывает влияние на нравственную составляющую в ценностных ориентирах человека. До настоящего времени среди ученых нет однозначного мнения о криминогенной значимости порнографии для человека, детерминирующее воздействие ее на механизм противоправного поведения недостаточно изучено. Не ставя перед собой задачу оценить в рамках исследуемой темы все положительные и отрицательные стороны этого сложного явления, хотелось бы остановиться на одной из них, связанной с ее воздействием на психику несовершеннолетнего. Можно вполне обоснованно предполагать, что в период полового формирования и созревания заурядная видеокассета с насильственным, педофильным или иным девиантным проведением половых актов, являясь для подростка элементарным примером для подражания и научения, вполне может содержать те элементы, которые в дальнейшем приведут его к психосексуальной патологии.

Мы поддерживаем точку зрения тех ученых, которые, выступая за принципиальное и последовательное проведение мер по защите детей и подростков, предлагают ввести в уголовное законодательство «повышенную ответственность за организацию, производство, распространение или сбыт порнографии, изготовляемой с участием или использованием детей либо предназначенной для распространения в среде несовершеннолетних»². Не вызывает сомнения и предложение адекватно увеличивать размер санкций за совер-

¹ *Ионин Л.Г.* Укрошенная эротика. Психосексология: Хрестоматия. Мн., 1998. С. 173.

² *Дьяченко А.П.* Уголовно-правовая охрана граждан от преступлений в сфере сексуальных отношений. С.17.

шение преступных действий в тех случаях, когда для изготовления или сбыта порнографических предметов и материалов привлекаются малолетние.

Не теряют актуальности для органов внутренних дел и проблемы предупреждения пьянства, алкоголизма и наркомании. Приведем пример поведения серийного насильника, совершившего противоправные действия в состоянии алкогольного опьянения.

М., 28 лет, образование средне-техническое, по профессии радиомеханик, женат. В течение года, как правило, в вечернее время, находясь в состоянии алкогольного опьянения, совершил 8 жестоких по способу совершения нападения на женщин различного возраста (от 19 до 45 лет), нанося сзади удары по голове руками, палкой, молотком, причиняя, как правило, тяжкие телесные повреждения, после чего раздевал жертву, манипулировал с ее половыми органами или совершал половой акт. На следствии первоначально давал подробные признательные показания, сообщил, что целью нападений было желание потрогать половые органы или совершить половой акт. При проведении АСПЭК пояснил, что его действия приносили ему сексуальное удовлетворение. Однако в дальнейшем свои показания изменил, стал отрицать все эпизоды нападений, кроме последнего, мотивируя свое первоначальное признание физическим и психическим воздействием на него сотрудников милиции.

Проведенным исследованием установлено, что М. развивался без особенностей. В школу пошел своевременно, успевал хорошо, занимался в радиокружке. По характеру формировался трусливым, боялся животных, различных стуков, криков, сделать «что-нибудь не так». В подростковом возрасте не мог заснуть, если был не уверен, что в доме нет «чужого человека». Обходил все комнаты, коридоры. Когда убеждался, что никого нет, успокаивался и ложился спать. Периодически испытывал потребность проверять, закрыты ли окна, двери, водопроводные и газовые краны. В подростковом возрасте отмечалась его

замкнутость, стеснительность, необщительность. Внешне был тихим, спокойным, не мог первым начать разговор или поддержать беседу в компании. Считал, что для этого у него нет достаточных знаний. В то же время бывал вспыльчив, повышенно раздражителен, иногда по незначительным поводам устраивал скандалы с одноклассниками и учителями. Был чувствителен к обидам и унижениям, отличался обостренным самолюбием. В спорах настаивал на своем, даже если понимал, что не прав. После 8-го класса учился в техникуме, который успешно закончил. В связи с перенесенным сердечным приступом, осложненным неврозом, был поставлен на учет в ПНД с диагнозом «неврастения с ипохондрическими наслоениями». После службы в армии работал радиомехаником в воинской части. По работе характеризовался положительно, с хорошим качеством и технически грамотно выполнял производственные задания. Коллеги по работе характеризовали его как добросовестного, спокойного, немногословного человека, ровного в отношениях с окружающими, однако в последние годы был эпизодически раздражителен, вспыльчив и даже груб. С 20 лет женат, имеет дочь. Первые годы совместной жизни складывались благополучно. В последние три года злоупотребляет спиртными напитками, становится особенно вспыльчив, агрессивен. Задерживался за оказание сопротивления сотрудникам милиции при нарушении общественного порядка в состоянии алкогольного опьянения. С его слов, появилось желание нанести кому-нибудь обиду, зло. Снизилась потенция, появились трудности в интимной жизни с женой, избегал с ней близости, находя любые предлоги (средняя частота половых актов — 1 раз в месяц). Был этим обеспокоен, удручен. Начались ссоры с женой, переходящие в скандалы, в состоянии алкогольного опьянения избивал ее.

В беседе с психологом заявил, что считает себя психически больным, но конкретно не поясняет чем, по его мнению, это дело врачей. Не отрицает длительного злоупотребления алкоголем, видит в этом причину ссор и

конфликтов с женой, причину снижения потенции. О правонарушениях говорит с раздражением, заметно волнуется, на многие вопросы отвечать отказался. Настойчиво отрицает все нападения, кроме последнего. Активно защищается, возлагая всю вину на правоохранительные органы. Примечательно, что М. один из немногих серийных насильников, у кого судебно-психиатрическая экспертиза не выявила психических аномалий, указав лишь только на его склонность к злоупотреблению алкогольными напитками.

Первостепенное значение имеет ранняя профилактика пьянства, алкоголизма и наркомании в подростково-молодежной среде. В этом аспекте выделяется одна, на наш взгляд, весьма существенная черта данной проблемы, на устранение которой и должны быть направлены профилактические мероприятия. Раннее приобщение к алкоголю и наркотикам происходит под антиобщественным влиянием семьи и неформальных социальных групп. Для микросреды асоциальной и антисоциальной направленности алкоголь и наркотики являются средством втягивания подростка, подчинения его своим интересам и ценностным ориентирам, среди которых господствуют циничные и примитивные представления о половых взаимоотношениях. Поэтому профилактическая работа органов внутренних дел в данном случае должна быть направлена на оздоровление или разрушение того влияния, которое негативно формирует личность несовершеннолетнего.

Профилактика алкоголизма и наркомании имеет еще одну сторону, прямо оказывающую воздействие на вероятность совершения серийных изнасилований. Как показывают исследования, большинство серийных насильников страдает психическими расстройствами в форме органического поражения головного мозга и психопатии, происхождение которых обусловлено социальным характером, в том числе и травматизацией в состоянии алкогольного опьянения.

С полной уверенностью можно утверждать, что профилактика серийных изнасилований представляет собой комплексную криминологическую-медицинскую проблему, а потому

борьба с ними невозможна без совокупности, с одной стороны, принудительно-воспитательных профилактических мер, с другой – оказания лечебной помощи. Только постоянное взаимодействие психиатров, сексологов, психологов и сотрудников правоохранительных органов и, в первую очередь, органов внутренних дел может обеспечить успешную борьбу с этими антиобщественными явлениями.

Действующая юридическая система весьма скептически относится к достижениям медицины в области лечения лиц с патологическими сексуальными влечениями. Не случайно до недавнего времени в ряде европейских стран одним из наиболее оптимальных методов наказания сексуальных преступников признавалась возможность, в том числе и добровольная, применения кастрации. Например, в соответствии с принятым в Финляндии законом от 17 февраля 1950 г. суду разрешалось приговаривать к принудительной кастрации лицо, совершившее либо покушавшееся на совершение сексуального преступления и вследствие своего полового влечения, представляющего опасность для других лиц. Под эту же категорию попадали психически неполноценные или хронически душевнобольные лица, содержащиеся в психиатрических больницах или в подобных заведениях, если такие лица вследствие своего полового влечения признавались опасными для окружающих, в подтверждение чего представлялось достаточно доказательств. В ряде государств, в которых допускалась кастрация, лицу, совершившему сексуальное преступление, предлагали на выбор: добровольное согласие на кастрацию или многолетнее заключение в тюрьме.

Тем не менее современная медицина сумела выработать ряд достаточно эффективных методов воздействия на агрессивных сексуальных преступников, которые с появлением нового класса гормонально активных препаратов – так называемых антиандрогенов, позволили довольно быстро получить неплохие результаты, проявляющиеся в снижении либидо, потере общей активности, а в ряде случаев – утрате сексуальной мотивации. Однако более эффективным считается сочетание фармакологического и психотерапевтичес-

кого воздействия. Психотерапевтические методы, применяемые к сексуальным правонарушителям, могут быть поведенческими и глубинно психологическими.

В основе терапевтических методов лежит индивидуальный подход к пациенту с применением биологических и психотерапевтических методов в различных соотношениях. Основным остается психотерапевтическое воздействие, требующее специальных познаний в области сексопатологии парафилий¹.

Очевидно, что выявление у привлеченного к уголовной ответственности за сексуальные посягательства психических аномалий с расстройствами полового влечения достаточно твердо свидетельствует о наличии у него стойкого потенциального стремления к совершению рецидивных преступлений. Крайне высокий процент лиц с расстройствами психической и сексуальной сфер среди серийных насильников обуславливает их изучение, а также требует разработки профилактических мероприятий и дальнейшего осуществления за ними наблюдения работников медицинских структур, в первую очередь сотрудников психоневрологических диспансеров.

Нельзя обойти вниманием и проблему оказания в нашей стране доступной и максимально полной психиатрической и сексологической помощи населению. По нашим данным, из 100 изученных серийных насильников лишь двое до начала совершения преступных деяний обращались к сексологу. Недостаточная психиатрическая помощь, особенно лицам с психическими аномалиями в детском и подростковом возрасте, и практически полное отсутствие сексопатологической помощи приводят к тому, что решение назревших сексуальных проблем часто носит противозаконный и крайне жестокий характер.

Основным направлением медицинской профилактики является психологическое воздействие и коррекция, целью — снижение агрессивности, снятие, если необходимо, остроты психотравмирующих сексуальных переживаний. Профи-

¹ См.: *Ткаченко А.А. Сексуальные извращения — парафилии. С. 438.*

лактические индивидуальные мероприятия, проводимые органами внутренних дел, должны быть направлены на снижение тревожности у данных лиц в связи с сексуальными неудачами, переоценку их взаимоотношений с женщинами, повышение адаптационных возможностей, устранение социальных негативных факторов возникновения сексуальной агрессивности.

У лиц с расстройствами полового влечения и психическими аномалиями нужно формировать установку на необходимость наблюдения и лечения у соответствующих специалистов. Такая установка может решающим образом предопределять успех всех индивидуальных профилактических усилий.

Необходимость в использовании специальных медицинских познаний может обнаружиться на любых этапах работы с профилактируемым, в том числе и в период производства следственных действий. По нашим представлениям, органы внутренних дел, принимая решение о постановке на профилактический учет лиц, склонных к совершению серийных сексуальных преступлений, должны при отсутствии заключения экспертизы в обязательном порядке проводить психиатрическое и сексологическое освидетельствование и осмотр, а в необходимых случаях привлекать психолога, что должно иметь нормативное закрепление.

Методы выявления психических и сексуальных аномалий:

- в случае возбуждения уголовного дела – сексолого-психиатрическая экспертиза (комплексная судебная сексолого-психолого-психиатрическая экспертиза);
- в иных случаях целесообразным представляется привлечение специалистов (психиатра, сексолога, психолога) в качестве консультантов и врачей.

В соответствии со ст. 23 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» предусмотрен порядок психиатрического освидетельствования, которое проводится для определения наличия у обследуемого психического расстройства и необходимости оказания ему помощи.

Аналогичной регламентации требует порядок проведения осмотра сексологом или сексопатологом, причем, как и в случае психиатрического освидетельствования, должно присутствовать добровольное начало, т.е. согласие обследуемого или его родителей (законных представителей), если это несовершеннолетний в возрасте до 15 лет. Применяемые методы постановки диагноза предусматривают доверительный контакт с обследуемым. Принудительное освидетельствование допустимо только в случае выявления его опасности для общества или для него. Рекомендации психолога могут оказаться весьма полезными, а в некоторых случаях и решающими, если профилируемый не страдает хроническими психическими заболеваниями.

На наш взгляд, на процесс виктимизации женщин влияет отношение общества в целом к женщинам, а также желание и способность государства принимать меры к их защите. При этом незащищенность личности со стороны государства и общества от серийных сексуальных посягательств «почти не зависит от потерпевшего и связано, конечно, с недостатками в деятельности правоохранительных органов, со слабым реагированием общественности, общественных организаций и микрогрупп на возможные или уже совершенные безнравственные и противоправные действия»¹.

Особенность профилактики жертв серийных насильников основана на отсутствии в подавляющем большинстве эпизодов упречного, подталкивающего к нападению поведения пострадавших. Меры виктимологической профилактики следует проводить с учетом возраста, семейного и социального положения женщин, которые в первую очередь должны быть направлены на разъяснение грозящей в криминогенных местах опасности от «серийников»-одиночек, осмотрительности при заведении случайных знакомств, правильного поведения в безлюдных местах, особенно в вечернее и ночное время, выработке критического осмысле-

¹ Антонян Ю.М., Голубев В.П., Кудряков Ю.Н. Изнасилования: причины и предупреждение. С. 26.

ния создавшейся криминальной ситуации и путей возможного выхода из нее.

Теоретические изыскания в виктимологии ставят сопротивляемость потерпевшего в зависимость от степени его «нормальной устойчивости, зрелости, уровня сознания (интеллекта) и сексуальной просвещенности, приобретенной в результате соответствующего воспитания в семье»¹. По нашему мнению, повышение сопротивляемости вероятным сексуальным посягательствам может быть достигнуто с помощью включения в систему школьного полового воспитания девочек и девушек изучения определенных аспектов виктимности, что может быть полезно как для критической оценки собственных виктимных особенностей, так и для формирования модели адекватного поведения.

Большую помощь в данном аспекте может оказать взаимодействие правоохранительных структур со средствами массовой информации. Кроме публикаций и телепоказов о сексуальных маньяках, на наш взгляд, необходимо продолжить создание небольших видеосюжетов, подобно тем, которые демонстрировало Центральное телевидение в 2001 г., предупреждая об опасности заходить в лифт с незнакомыми мужчинами, осторожности при общении с посторонними детей и подростков, особенно в случае, если те приглашают куда-то пройти или проехать и т.д. Целью прокатов должен стать показ реальных криминальных ситуаций, побуждающий потенциальных жертв (их родителей и близких) задуматься и оценить свои возможности и способности противостоять нападению.

Перевод социально-правового акцента с преступника на жертву позволяет по-другому взглянуть на обеспечение защиты гражданских прав и свобод последних. Например, изучение серийных изнасилований показывает, что без уголовно-правовой оценки и надлежащего криминологического изучения остается весьма значительный пласт сексуальных посягательств, которые по различным причинам не пе-

¹ Франк Л.В. Виктимология и виктимность. Душанбе, 1972. С. 77.

перосли в покушение на изнасилование. К данной категории относятся случаи, когда жертва уже выбрана нападающим, воздействие на жертву уже началось, момент совершения насилия находится еще в самом зачатии, но дальнейшее развитие криминальной ситуации не произошло по различным причинам – жертва с помощью умелых действий смогла воспрепятствовать преступным намерениям насильника и не допустила развитие ситуации до причинения себе реального вреда, преступным действиям помешали третьи лица, насильник сам отказался от продолжения нападения.

Не секрет, что на практике пострадавшие от сексуальных посягательств часто сталкиваются с нетактичным, недоверчивым и даже грубым обращением со стороны оперативных работников и следователей, считающих, что большинство подобных преступлений совершается по вине самих жертв. При таком отношении пострадавшие вынуждены незаслуженно терпеть унижения и оскорбления не только от обвиняемых, но и от тех, кто по закону должен в первую очередь защищать их права и помогать им.

Особую значимость и ответственность приобретает работа сотрудников правоохранительных органов с детьми и подростками – жертвами педофильных и эфебофильных действий. При внезапном нападении незнакомого человека, его грубом, агрессивном поведении с последующим изнасилованием у детей и подростков при выраженном ощущении страха могут развиваться реактивные состояния (психогении) различной глубины. В таких случаях «действие психической травмы происходит как бы «напрямую», так как в детском возрасте не развиты механизмы психической защиты. Одним из последствий воздействия стрессовых факторов является нередко выраженный страх смерти (страх за свою жизнь)»¹. Психогенные расстройства у малолетних потерпевших могут повлиять на их дальнейшее развитие, послужить основой патологического формирования личности.

¹ Шаихова Б.З. Особенности психогенных расстройств у малолетних потерпевших // Вопросы психиатрии и наркологии. Кустанай, 1991. С. 89.

Многие исследователи обращают внимание на то, что для этой категории пострадавших процедура предварительного и судебного разбирательства, реакция родителей, родственников и знакомых подчас содержит больший психотравмирующий потенциал, нежели сами преступления, участниками которых они явились.

Крайне важное значение имеет оказание медицинской помощи жертвам не только непосредственно после совершения над ними актов изнасилований, но и проведение психотерапевтического лечения в виде поддерживающих курсов, что влечет за собой создание и расширение сети реабилитационных специализированных центров. Очевидно, что взаимодействие правоохранительных органов с подобными учреждениями может оказаться полезным в деле профилактики серийных изнасилований.

По оценке группы ученых из Казани, изучавших причины совершения суицидальных попыток пострадавшими от нападений, большинство из них (45,5%) наиболее молодого возраста (17–25 лет), стремится совершить суицид в ближайшие часы и дни после изнасилования, находясь в состоянии аффективной реакции, которая сопровождалась чувством обиды, унижения, бессилия и страха повторения нападения. У остальных женщин, как правило, более старшего возраста (25–35 лет), наблюдались так называемые «отставленные» суицидальные действия, реализующиеся спустя несколько месяцев после акта насилия. Мотивами развития затяжных депрессивных состояний во второй группе явились «реальные изменения отношения со стороны окружающих, ощущение одиночества, состояние страха перед развитием нежелательной беременности, заражения венерическим заболеванием либо сформировавшимся сексуальным расстройством»¹.

По нашему мнению, серийные изнасилования – это один из тех видов преступлений, жертвами которых, как

¹ Зулкарнеева З.Р., Криницкий С.М. Сексуальное насилие: модели суицидального реагирования // Сб. материалов науч.-практ. конф. сексопатологов. М., 1996. С. 5.

правило, становятся невинные люди. В связи с этим ответственность за непринятие своевременных и необходимых мер, предотвращающих совершение подобных преступлений, должно брать на себя государство, развивая систему возмещения понесенного ущерба и оказания реабилитационной помощи жертвам.

Выступая в определенной степени посредником между преступником и жертвой, государство должно организовать возмещение расходов, связанных с причинением жертве материального, физического и морального ущерба, взыскивая затем их сумму с виновного. Государственная политика в этом вопросе зависит от понимания государством своей роли в профилактике преступлений, желания помочь их жертвам и, конечно, от экономической возможности эти меры предпринять. Финансовая помощь может оказываться в связи с потерей трудоспособности, заработка, кормильца или как выплата компенсации за понесенный ущерб.

Американское общество еще в 80-х годах прошлого века разработало методику финансовой оценки степени тяжести причиненного ущерба пострадавшим от преступлений. В 1988 г. американский ученый М. Коэн провел первое исследование, в основу которого был положен учет не только прямого материального ущерба по каждому уголовному делу, но и перенесенные потерпевшими физические и моральные страдания. Сюда входили прямые финансовые убытки, связанные с лечением, потери заработка и т.п. Кроме этого, были включены денежные затраты, связанные с физическими и моральными страданиями, а также со страхом и риском смертельного исхода. Эта сумма и определяет степень тяжести преступления.

По мнению М. Коэна, затраты при совершенном изнасиловании рассчитываются на долговременной основе, так как затраты на лечение психических стрессов и заболеваний труднее поддаются учету, но они также весьма существенны (10% изнасилований приводят к психическим расстройствам и 40% — к эмоциональным потрясениям)¹.

¹ См.: *Квашиш В.Е.* Основы виктимологии. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений. М., 1999. С. 34–37.

Поддержка жертв сексуальных посягательств должна строиться исходя из возрастных, психологических и иных особенностей пострадавших, а также соответствовать тому материальному, физическому и моральному ущербу, который был им причинен.

Несомненно, что подвергшаяся нападению будет чувствовать себя увереннее и соответственно адекватно сопротивляться насильнику в том случае, если будет с абсолютной достоверностью знать о последующей справедливой оценке произошедшего и о поддержке со стороны государства, в том числе и правоохранительных органов, которая ей будет оказана вне зависимости от результатов нападения.

На наш взгляд, рассматривать процесс виктимизации жертв серийных изнасилований невозможно без учета работы правоохранительных структур, которые, исполняя возложенные на них обязанности, призваны в том числе принимать меры, тормозящие этот процесс.

Предоставив гражданам право распоряжаться собой в сфере сексуального общения (различные формы добровольных сексуальных контактов, выбор партнера), государство берет на себя обязательство уголовно-правовыми и иными средствами защитить их от действий, создающих опасность половой свободе и неприкосновенности женщины. Очевидно, что, чем выше уровень защиты, тем большей свободой сексуального выбора женщина обладает в обществе, тем большую уверенность она чувствует, тем выше уровень ее сопротивляемости возможным сексуальным посягательствам.

3.2. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с серийными изнасилованиями

Проблема профилактики совершения серийных изнасилований должна решаться в условиях четко разработанной системы выявления лиц, склонных к их совершению, строгого учета и обеспечения необходимого динамичного контроля за их поведением. Профилактические мероприятия

необходимо проводить с учетом этапно-временных условий, в которых находится лицо, склонное к совершению данных преступлений. Наиболее целесообразно в данном случае придерживаться следующей схемы:

- этап «предупреждающей» профилактики, применяемый к лицам, которые в силу совершения определенных противоправных действий и характеристик могут быть отнесены к потенциальным серийным насильникам;
- этап «рецидивной» профилактики, проводимый с целью недопущения возврата к преступной активности лиц, осужденных за совершение серийных изнасилований. Этот этап, в свою очередь, подразделяется на два подэтапа, в ходе первого из которых профилактические меры применяются в отношении осужденных преступников, как правило, находящихся в местах лишения свободы. Второй подэтап проводится после их освобождения из исправительных учреждений.

Рассмотрим подробно каждый этап.

В задачи «предупреждающей» профилактики входит выявление, учет и контроль за лицами, совершившими противоправные сексуальные деяния, причем их поведение и личностно-психологические особенности свидетельствуют о склонности к совершению повторных действий сексуально-агрессивного характера. По полученным данным, 86% изученных серийных насильников имели в прошлом основания для постановки на профилактический учет: часть из них (25%) ранее привлекалась к уголовной ответственности, у других (23%) в анамнезе отмечались психопатологические особенности, основная группа (38%) имели и криминальное прошлое и состояли на психиатрическом учете. Только к 14 из 100 обвиняемых ранее не применялись меры со стороны правоохранительных и медицинских учреждений.

При решении вопроса о постановке лица на профилактический учет основополагающей является правовая составляющая, в силу которой к данной категории прежде всего относятся те, кто совершил сексуальное насилие — изнасилования и насильственные действия сексуального

характера. Очевидно, что определенная часть совершивших одноэпизодные сексуальные посягательства обладает теми же психосексуальными характеристиками, что и серийные преступники, в том числе и навязчивым стремлением к сексуальной агрессии.

Кроме этого, безусловного профилактического внимания требуют лица, которые задерживались за совершение развратных действий, эксгибиционизма, фроттеризма, фетишистских краж, вуайеристических действий, проявляющие нездоровый интерес к малолетним девочкам.

На учет должны ставиться также и те, кто грубо и цинично пристает к женщинам, особенно незнакомым, в общественных местах. Подобные случаи, как правило, расцениваются как хулиганские. Оценка должна даваться и в тех случаях, когда задержанный фактически привлекается за грабеж или разбой, однако поведение его в ходе нападения свидетельствует о наличии сексуального мотива.

Некто К., 33 лет, из семьи военнослужащих, в детстве был малообщительным, ранимым, друзей не было, сверстников сторонился, так как те его постоянно обижали, любил читать и мечтал стать сильным. В школе успевал хорошо, окончил 10 классов. Во время службы в армии перенес травму головы, но не лечился. После службы работал на стройке, где зарекомендовал себя с положительной стороны, был принят кандидатом в члены КПСС. В 27 лет был осужден на 8 лет лишения свободы за кражу и разбойное нападение. Со слов обвиняемого, он совершил нападение на женщину с целью ее изнасиловать, но ему инкриминировали разбой. После отбытия 6 лет в местах лишения свободы был условно-досрочно освобожден и направлен на стройки народного хозяйства, где женился, имеет ребенка.

В течение месяца совершил три изнасилования при следующих обстоятельствах: по объявлениям в газетах знакомился с женщинами, которые искали под наем квартиру, заманивал их в небольшой домик в сельской местности (привозил на такси), где насиловал. Потерпевшую

Д., преодолевая ее сопротивление, ударил головой об стенку, со словами «шлюха» стал душить и, когда та потеряла сознание, совершил вагинальный половой акт. С потерпевшей С. также пытался совершить аналогичные действия, но из-за оказанного сопротивления не смог половой акт закончить эякуляцией. Силой заставил ее выпить вино, после чего насильно совершил *per os*. Потерпевшая в милицию не заявляла, объясняя это чувством стыда. После правонарушений неоднократно пытался встретиться с потерпевшими, пытался заставить их отказаться от обвинения, шантажировал. На допросах К. заявил, что совершил в общей сложности около 50 подобных преступлений. После ареста, находясь в следственном изоляторе, пытался покончить жизнь самоубийством.

В беседе с психологом жаловался на повышенное непреодолимое половое влечение к женщинам, пояснил, что искал разные способы познакомиться с ними, правонарушения не отрицает. Судебно-психиатрическая экспертиза признала обвиняемого психически здоровым.

Важное значение для постановки на профилактический учет лиц, склонных к совершению серийных преступлений, имеет выявление у вышеназванных категорий наличия патологий — психических расстройств (аномалий или болезней) и парафилий. Очевидно, что такие вопросы необходимо решать с помощью соответствующих медицинских структур, и в первую очередь с психоневрологическими диспансерами. В рамках взаимодействия с этими учреждениями сотрудники ОВД, осуществляющие профилактический учет, должны периодически сверять и взаимодополнять имеющиеся сведения. В первую очередь меры, направленные на выявление и постановку на учет с неременным привлечением ПНД, должны быть направлены в отношении несовершеннолетних, замеченных в девиантном сексуальном поведении: совершение в детском или подростковом возрасте проступков, связанных с проявлением болезненного или чрезмерного интереса к половой жизни; перверсные, циничные или насильственные сексуальные действия, в том числе и те, которые

по каким-либо причинам не повлекли за собой принятие уголовно-правовых мер, а также внешне безмотивные, но включающие некоторые сексуальные моменты, и т.д.

Работа правоохранительных структур в данный период должна быть направлена на воспитание желания и укрепления решимости у профилактируемого необходимости поиска социально одобряемого поведения смягчения или устранения сексуальной агрессивности, коррекции мотивов, ведущих к совершению противоправного поведения. С учетом индивидуальных возможностей это может быть спортивная, профессионально-трудовая и иная деятельность. Главным предметом изучения и целенаправленного воздействия со стороны сотрудников профилактики должен стать процесс формирования и закрепления антисоциальной психологической установки, оздоровление или устранение негативных воздействий со стороны социальной микросреды, разрешение возникающих конфликтов, расширение адаптационных возможностей профилактируемого.

Этап профилактики первичных сексуальных правонарушений только тогда может привести к желаемому результату, когда в отношении подучетного лица собрана максимальная информация об обстоятельствах правонарушения и возможных девиаций в прошлом, образе жизни, привычках и увлечениях, взаимоотношениях со знакомыми, родственниками, условиях и роде профессиональной деятельности, о его личностных особенностях, в первую очередь странностях в поведении, во взаимоотношениях с девушками и женщинами и т.д. Для выявления значимых для профилактируемого, но скрываемых им фактов возможно использование и оперативных методов работы.

Рассматривая возможность применения мер индивидуальной «рецидивной» профилактики к осужденным за совершение серийных изнасилований, необходимо отметить некоторые особенности, сопровождающие этот процесс.

При анализе поведения осужденных с психическими расстройствами ряд исследователей отмечают сложность процесса отбывания ими наказания и достижения его це-

лей. Особенности проявления ряда психических расстройств обуславливают возникновение социальной психологической дезадаптации, приводят к изменениям психического состояния в форме динамических сдвигов. Воздействие психотравмирующих факторов, связанных с проведением следствия и суда, помещения в СИЗО, а затем в исправительные учреждения, конфликтные отношения с другими осужденными способствуют дальнейшему развитию психических аномалий.

По данным Ю. Онышко и А. Батулинского, изучивших состояние находящихся в исправительных учреждениях осужденных, страдающих последствиями органического поражения головного мозга сложного генеза, поведение каждого четвертого отличалось проявлениями ауто- и гетероагрессивных действий¹.

Хорошо известно отношение к осужденным за сексуальные преступления против подростков в местах отбывания наказания — они часто находятся на положении изгоев, принадлежат к касте «отверженных». Поэтому помимо принятия принудительных, воспитательных и медицинских мер, особенно в период адаптации к новым условиям, должны проводиться мероприятия по их защите, исключению по отношению к ним фактов насилия.

Профилактическая работа с названной категорией преступников должна помочь переосмыслить ими содеянное на основе оценки истинных причин и мотивов, воспитывать стремление к поиску нравственных ценностей, возможность изменить себя и свое отношение к обществу. При проведении профилактических мероприятий среди осужденных важную роль играют повышение их духовно-культурного уровня с помощью приобщения к чтению книг и других печатных изданий, знания и опыт священнослужителей, разъяснение религиозных постулатов недопущения зла, сострадания и любви к ближнему.

¹См.: Онышко Ю.В., Батулинский А.В. Особенности агрессивного поведения лиц с последствиями ОПГМ различного генеза, содержащихся в местах лишения свободы // Дифференциальная диагностика психических расстройств. М., 1991. С. 57–59.

Только целенаправленная всесторонняя профилактика осужденных, основанная на изучении их отличительных особенностей с целью разработки индивидуального подхода, учитывающая возраст, образование, профессию, а также условия труда, обучения, воспитательной работы, определение мер поощрения и дисциплинарного воздействия, сможет оказать эффективное воздействие на профилактируемых в местах лишения свободы.

Для осужденных с характерными для серийных насильников психическими аномалиями весьма актуальна работа по снятию излишней агрессии, оказанию психиатрической и сексопатологической помощи, в том числе снятия внутренних конфликтов и переживаний, для налаживания отношений с окружающими и, наконец, что самое главное, для исправления.

Актуальность профилактической работы с лицами, освободившимися после отбытия наказания за совершение серийных изнасилований, обуславливается меньшими, по сравнению с серийными убийцами, сроками лишения свободы, позволяющими им вернуться на свободу, будучи еще достаточно молодыми, а также отрицательными последствиями ослабления адаптации и усиления антисоциальных влияний в исправительных учреждениях.

А., 40 лет, образование незаконченное высшее. В 25 лет в состоянии алкогольного опьянения совершил попытку изнасилования женщины, у которой отобрал сумку. Дело производством было прекращено, так как обвиняемый был взят на поруки коллективом. Через полтора года вновь совершил аналогичное преступление: вечером в состоянии алкогольного опьянения в подъезде дома у незнакомой женщины отобрал сумку и предпринял попытку изнасилования. В тот момент, по его словам, при виде женщины его «внезапно потянуло», возникло желание, постепенно нарастало возбуждение, появилось чувство «внутренней агрессивности», все тело «охватила дрожь». А. стал догонять выбранную жертву, а повалив наземь, сдавил горло, чтобы «заставить ее подчиниться». За содеянное был осуж-

ден на 6 лет лишения свободы. После освобождения вернулся домой, устроился работать слесарем. Через 3 года после возвращения совершил три аналогичных преступления: преследуя незнакомых женщин, заходил с ними в подъезд, наносил удары руками и ногами, причиняя множественные телесные повреждения, душил, совершал *per os* и *per anum*. Потерпевшие отметили, что он не показавшись им слишком пьяным, был очень злым, агрессивным, угрожал убийством, сильно душил за горло, давил на глаза, разрывал рот, бил кулаками в живот.

В ходе следствия А. сообщил, что желание изнасиловать возникало неожиданно, часто не помнил подробностей, «больше доверял в этом показаниям потерпевших», было ощущение, что это сделал кто-то другой.

В ходе проведения стационарной судебно-психиатрической экспертизы пояснил, что часто испытывает «перепады настроения», на фоне хорошего настроения появляется раздражительность, злоба. В такие минуты ссорился с женой, наказывал сына. Такие состояния обычно сочетались с навязчивыми представлениями «сцен изнасилований», были сильны и мучительны, алкоголь всегда усиливал их тяжесть. Пытался с ними бороться, выполняя тяжелую физическую работу. Экспертное обследование выявило у обвиняемого признаки органического поражения головного мозга с синдромом сексуальных перверсий. По решению суда был признан вменяемым и осужден на 9 лет лишения свободы.

Через полгода после возвращения из исправительного учреждения совершил нападение на 33-летнюю женщину при следующих обстоятельствах: в состоянии алкогольного опьянения неожиданно обхватил шею рукой, придушил, завел в лесной массив, угрожая убийством, заставил мастурбировать половой член, затем совершил *per os*, *per anum* и *per vag* с эякуляцией. Был задержан через три часа после нападения рядом с местом преступления. Вел себя спокойно, в поведении была какая-то отрешенность. Однако в ходе первого допроса выпрыгнул в окно,

был в состоянии истерики. Правонарушение признал, но пояснил, что совершенное помнит смутно.

Дед по отцу злоупотреблял спиртными напитками, неоднократно лечился в психиатрических больницах, покончил жизнь самоубийством. Отец также злоупотреблял алкоголем, стоял на учете в ПНД с диагнозом «шизофрения», в поведении был агрессивным, к нему и к младшему брату относился строго, держал их в «ежовых рукавицах», мог избить, все его боялись. До последнего времени конфликтные отношения с отцом сохранились, часто возникали ссоры и драки. Мать – мягкая и добрая, но защитить от отца не могла. С братом всегда были дружны, убегали вместе из дома, когда отец устраивал скандалы. А. рос слабым и болезненным, дважды перенес воспаление легких, по характеру формировался легкоранимым, обидчивым. До 13 лет был невысокого роста, сверстники обзывали его «блохой», из-за этого сильно переживал. В детском возрасте предпочитал играть с девочками, в стрессовых ситуациях завидовал им, хотел быть на их месте. В школу пошел по возрасту, учеба давалась легко, успеваемость хорошая и отличная, любил точные науки, много читал. Часто фантазировал, хотел стать сильным. Занимался лыжами, плаванием, имеет 1-й разряд по волейболу. В 13 лет, упав на катке, получил травму головы с потерей сознания, после чего «начались припадки, изо рта шла пена». Был поставлен на учет в ПНД с диагнозом «посттравматическая церебрастения». На приемах у врачей был бледным, астенизированным, жаловался, что во время резких приступов была сонливость, отмечалась неуверенная походка, быстрая утомляемость. После лечения состояние улучшилось, и он был снят с учета. Окончив 10 классов, служил в армии. Вернувшись домой, поступил на вечернее отделение института, работал по специальности, в 23 года женился, имеет сына.

В беседе с психологом сообщил, что в последнее время у него часто возникают перепады настроения, неожиданно на фоне хорошего самочувствия появляются раз-

дражительность, злобный оттенок в настроении, «внутреннее недовольство, неустроенность». Такие состояния обычно сочетаются с навязчивыми представлениями сцен изнасилования, предшествующих половому акту. Вначале он мог бороться со своими желаниями, противодействовать им, но в последнее время утратил эту способность, не мог удержаться и пройти мимо женщины, напал даже в трезвом состоянии. Связывает эти нарушения с неудачным первым половым актом в 17-летнем возрасте, постоянным опасением своего «падения», субъективным ощущением низкой потенции, желанием «подавить» партнершу. Подобные фантазии участились через год после освобождения. Утверждает, будто желание осуществить свое влечение возникало каждый раз неожиданно для него, после таких действий чувствовал раскаяние, появлялись мысли о самоубийстве, был раздражен, мог в таком состоянии ударить жену. Частота нападений в последнее время достигла 1 раза в неделю, реже – в месяц, ограничиваясь чаще хулиганскими действиями. Алкоголь всегда был провоцирующим фактором и усиливал эти стремления, но в последние годы часто бывал при этом трезвым. В большинстве случаев не помнил последовательности событий нападения на женщину, после случившегося испытывал раскаяние, «мучила совесть», возникали мысли о самоубийстве.

В беседе с сексопатологом пояснил, что отношения с женщинами не складывались, в их присутствии стеснялся, был неуверенным, не мог решиться установить с ними более близкие контакты. Мастурбацией занимался с 15 лет, как ею заниматься, показал одноклассник, который обратил внимание на маленький размер его полового члена. После этого часто думал об этом, переживал, боялся ходить в баню. Первый половой акт провел в 16 лет с женщиной «легкого поведения» по ее инициативе. Несмотря на полную эрекцию и интромаиссию, осталось ощущение неудачи, был уверен, что не соответствовал желанию партнерши и не смог ее удовлетворить. Стал бояться половой

близости с женщинами, так как был уверен, что не сможет сделать так, как нужно, считал себя «неполноценным» в половом отношении. В этом возрасте появились периоды подавленного настроения, не мог сосредоточиться, мир вокруг казался «серым и пасмурным». Второй половой акт провел незадолго до призыва на службу в армию с разведенной женщиной, с которой до этого полгода встречался. И этот половой акт считает кратковременным, неудачным. С этого времени в фантазиях стали присутствовать сцены насилия над женщиной, заканчивающиеся половыми актами в различных формах. Возникало возбуждение, эрекция, доходящая до эякуляции. Постепенно представления стали приходить помимо воли, со временем после таких состояний появлялось чувство подавленности, «казалось, что что-то вылезает изнутри и обхватывает». Появилось желание «заставить женщину что-то сделать, подчинить своей воле», причем эти действия должны были быть связаны с его половым членом.

Сексопатолог обнаружил у А. синдром сексуальных перверсий в форме садизма на фоне ретардации психо-сексуального развития при сохранности соматосексуального.

Отказ от возвращения к прежнему противоправному поведению у отбывших наказание в виде лишения свободы часто связан с неумением или нежеланием приспособиться в новых условиях, «неумение вызвано тем, что адаптационные механизмы или ослаблены, или разрушены. Нежелание приспособиться тесно связано с формированием и закреплением в сознании ценностных ориентаций, которые образовались под влиянием сообщества осужденных. Неумением приспособиться отличаются чаще всего так называемые «отверженные»¹.

По нашим данным, из 62 изученных обвиняемых, имевших криминальное прошлое, 14 (23%) ранее привлекались

¹ Хохряков Г.Ф., Саркисов Г.С. Преступления осужденных: причины и предупреждение. Ереван, 1988. С. 255.

за совершение серийных изнасилований, из них 11 были осуждены на различные сроки (от 2,5 до 10 лет) лишения свободы, трое направлены на принудительное психиатрическое лечение. Отметим, что по заключению СПЭ эти трое в отношении повторной серии были признаны вменяемыми. В основном возвращение к прежней преступной активности отмечалось в течение месяца (3 человека) после отбывания наказания, через один год (6 человек) и через 5 лет (3 человека).

Профилактические мероприятия должны учитывать тот факт, что большинство подобных лиц после освобождения фактически оказываются в социальной изоляции, связанной не только с самим фактом нахождения в исправительных учреждениях. Если до привлечения к уголовной ответственности их замкнутость была обусловлена, как правило, внутренними факторами, отсутствием желания и стремления этих лиц к общению в связи с сексуальными и психическими расстройствами, то после освобождения к внутренним причинам прибавляются внешние факторы, связанные прежде всего с отсутствием толерантности общества и микроокружения к ставшему известным девиантному поведению.

Очевидно, что государство не должно оставлять данных лиц без поддержки и контроля. Освободившиеся из мест лишения свободы нуждаются в помощи, так как многие не только не могут сами справиться с проблемами жизнеустойчивости, но и не имеют для этого никакой возможности. Отсутствие стремления к занятию иной жизненной позиции заставит их в конце концов вернуться к привычному образу жизни, обострит неудовлетворенность собой и повлечет новые преступления.

Профилактика рецидивных сексуальных проявлений на этом этапе не должна ослабевать. Желательно устанавливать доверительные отношения между сотрудником, осуществляющим профилактические мероприятия, и подучетным. Необходимо оказывать и реальную социальную помощь: трудоустройство, налаживание новых взаимоотношений,

притягивание и закрепление социально приемлемых жизненных ориентиров, способных ослабить у конкретного лица значимость негативных факторов. Без сомнения, должен быть продолжен и медицинский контроль за состоянием профилактируемого.

В связи с повышенной общественной опасностью, связанной со стойким воздействием психических и сексуальных расстройств, способных привести к совершению сексуальных убийств, предлагаем на каждого человека, склонного к серийным изнасилованиям, заводить в ОВД индивидуальное профилактическое дело, в котором обобщать материалы по разработке и применению профилактических мер, данные о психических и сексуальных особенностях подучетного, его образе жизни, связях, устремлениях, способностях и т.д. Характерные сведения могут стать основной информацией банка данных. Очевидно, что подобные дела кроме своей непосредственной цели – проведение целенаправленных «точечных», индивидуальных мероприятий – окажут неоценимую услугу при проверке данных лиц в качестве подозреваемых при совершении очередных подобных преступлений. Кроме этого, собранная информация о психологических и сексуальных особенностях индивида, результаты медицинских освидетельствований и осмотров могут иметь решающее значение при проведении соответствующих экспертиз, а также оказать неоценимую помощь в раскрытии совершенных этими лицами других преступлений, сократить сроки расследования и т.д. Следует заметить, что положения нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации регламентируют порядок направления материалов уголовного дела для производства судебной экспертизы, в соответствии с которым эксперт вправе возвратить без исполнения постановление, если представленных материалов недостаточно для производства судебной экспертизы.

Как отмечают многие эксперты, в ряде случаев испытуемый не только не заинтересован в сообщении о себе правильных сведений, но имеет установку скрыть от эксперта объективную информацию о своем сексуальном развитии,

наличии аномалий сексуального влечения. При работе с подобными испытуемыми чаще «приходится иметь дело с диссимуляцией, т.е. «симуляцией» психического (а точнее, сексуального) здоровья, нежели с симуляцией болезни»¹.

Поэтому всесторонняя, детальная, собранная на протяжении длительного времени информация о криминальном прошлом, условиях и причинах возникновения и формирования психологических и сексуальных особенностей подучетного, их влияния на образ жизни и совершение конкретных поступков, в том числе и противоправных, несомненно, приведет к более точной и объективной экспертной оценке действий обвиняемого, разработке достигающих максимального эффекта мер не только узкомедицинского характера, но и применения их в совокупности с воспитательными мероприятиями со стороны сотрудников правоохранительной системы, что в конечном счете повлияет на снижение рецидива серийных сексуальных преступлений.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод о том, что такие характеристики серийных изнасилований, как повышенная социальная опасность, связанная с причинением тяжкого вреда здоровью, а в некоторых случаях и с умышленным убийством, вероятность специального рецидива в силу патологических психических и сексуальных особенностей, тенденция значительного количества серийных насильников к нарастающей агрессивности, преобладание личностных детерминант совершения данных преступлений, относительно небольшой количественный показатель серийных насильников в целом по стране позволяют выделить индивидуальную профилактику, как приоритетную в борьбе с данной категорией преступников и целесообразность срочного применения ее рекомендаций в практической деятельности органов внутренних дел.

Основными направлениями практической деятельности подразделений органов внутренних дел и прокуратуры в совершенствовании тактики борьбы с половыми преступ-

¹ Ткаченко А.А. Сексуальные извращения – парафилии. С. 403.

лениями являются своевременное выявление изнасилований как серийных преступлений, принятие мер для максимального ограничения круга возможных подозреваемых, профессиональный поиск и закрепление доказательств виновности конкретного преступника.

Очевидно, что непринятие мер для изобличения преступника сразу после совершения им первых эпизодов серии порождает у него уверенность в безнаказанности; его преступные действия, становясь все более наглыми и циничными, приводят к повышению агрессивности и жестокости, подвергают смертельной опасности женщин и подростков. Один из способов успешного решения данной проблемы состоит в ежедневном анализе оперативных сводок о совершенных преступлениях, изучении поступающих в органы внутренних дел обращений женщин, родителей девочек, заявлений от граждан, свидетельствующих о сексуальной агрессии в той или иной форме, и материалов их проверки. Установленная схожесть основных характеристик преступных деяний должна стать базой для обобщения (в том числе и процессуального) полученной информации, проведения анализа с целью выявления дополнительных звеньев в криминально-психологическом портрете преступника и деталей его преступных действий. Необходимо помнить, что сокрытие информации о совершенных преступлениях и их отдельных эпизодах не дает возможности оперативного вмешательства в преступные действия насильника.

Очевидно, что раскрытие того или иного преступления прямо зависит от оперативного получения сведений о конкретных лицах и позволяет максимально ограничить круг подозреваемых. Неоценимую услугу в данном случае может оказать банк данных об уже выявленных аналогичных преступниках. В предыдущих разделах мы говорили о необходимости накопления полной и достоверной информации и создания подобного банка в отношении лиц, склонных к совершению серийных изнасилований, а также сведений о пострадавших. Очевидно, что профилактические интересы

в данном случае пересекаются с оперативными, также страдающими не только от недостатка подобной информации, но и от несвоевременного ее получения и обработки. Более того, оперативная информация может быть дополнена сведениями, например, полученными из других источников (знакомых, родственников, соседей и т.д.) о конкретных лицах, но не получившими дальнейшей реализации.

При разработке конкретных мер пресечения действий серийных насильников необходимо учитывать склонность данной категории преступников к однотипности своего поведения, что проявляется в избрании похожих мест нападения, возраста жертвы, способа подавления ее сопротивления и т.д. В силу однотипности их поведение более прогнозируемо в динамике, что непременно надо использовать, например, при блокировке предполагаемых мест повторных нападений.

На наш взгляд, для обеспечения необходимой эффективности и оперативности при работе над раскрытием серийных изнасилований сотрудники уголовного розыска и следственных подразделений должны активнее использовать психологов и других специалистов. Одним из таких взаимодействий на постоянной основе должен стать опыт по их привлечению к «составлению криминологического-психологического портрета к выбору направлений поиска, выдвижения версий, своевременного объединения дел, сужения круга подозреваемых лиц, выдаче рекомендации о линии поведения с задержанным в процессе следственных действий»¹.

Раскрываемость серийных сексуальных нападений непосредственно зависит от деятельности оперативных и следственных подразделений по выявлению и закреплению улик, доказывающих причастность конкретного лица к совершению им подобных преступлений.

Характерной особенностью значительного количества серийных изнасилований является отсутствие на месте нападения внешне заметных и характерных для насильствен-

¹ Тележникова В.Н. Криминологическая характеристика лиц, виновных в многоэпизодных убийствах и изнасилованиях. Автореферат канд. дисс. М., 1999. С. 21.

ных преступлений признаков (следы крови, орудия преступления, предметы одежды и т.д.). Поэтому непреложным правилом при расследовании половых нападений должен стать внимательный и тщательный осмотр места предполагаемого нападения, направленный на выявление визуально незаметных следов, в том числе и микроскопических (дактилоскопические, биологические и иные).

В ходе осмотра места происшествия помимо следов, принадлежащих непосредственно преступнику, необходимо выявлять и фиксировать следы, оставленные жертвой, например, в ходе оказанного сопротивления, что в ряде случаев поможет восстановить объективную картину происшествия, проверить соответствие реальному описанию жертвой процесса преступного нападения.

Как уже отмечалось, серийные изнасилования представляют собой подготовленные деяния, одним из аспектов которых является стремление совершить нападение и сексуальные действия наедине. Поэтому для эффективного раскрытия преступления, доказательства вины насильника важное значение приобретает профессиональное проведение допроса (опроса) пострадавшей, который необходимо поручать опытным, профессионально грамотным сотрудникам, способным устанавливать психологический контакт.

Отсутствие опыта и профессионализма сотрудников, иногда и прямое нарушение ими процессуальных требований закона при проведении опросов и допросов, желание с помощью грубого и агрессивного психологического давления выяснить скрываемые, на их взгляд, детали преступления, в том числе связанные с сексуальной сферой, требующей особо тактичного подхода, отсутствие дополнительных доказательств часто порождают неоправданные неоднократные вызовы потерпевших, требования повторных рассказов о произошедшем, что приводит к фиксации в психике негативных обстоятельств самого нападения и неприязненного отношения к сотрудникам правоохранительных органов. Результатом таких психологических установок может явиться вторичная виктимизация.

В ряде случаев необходимо привлекать психологов, особенно при допросе или опросе малолетних и несовершеннолетних пострадавших, которые в силу возраста не могут критически оценивать имеющуюся у них информацию. Надо учитывать, что при настойчивом непрофессиональном проявлении желания выяснить детали нападения малолетняя может их выдумать. При отсутствии психологов в качестве специалистов можно использовать педагогов, причем иногда из учебных заведений, где учится пострадавшая. При выборе педагогов надо учитывать их психологические знания и навыки работы с лицами именно этого возраста. Более того, перед опросом необходимо выяснить взаимоотношения пострадавшей и привлеченного педагога для выявления возможного наличия между ними неприязни.

Показания потерпевших приобретают особое, даже исключительное процессуальное значение при совершении преступлений психически больными людьми.

Б., на момент проведения экспертизы – 23 года, житель Москвы, образование среднее.

В 15-летнем возрасте был доставлен в милицию за то, что завел незнакомую девочку в лифт, где пытался ее раздеть. В связи с содеянным был первоначально осмотрен в ПНД, а затем направлен в психиатрическую больницу с диагнозом «патологически протекающий пубертарный криз». Психическое состояние характеризовалось как капризное, уверял врача, что у него не болезнь, «а особо сформировавшийся характер, который не требует лечения». После выписки поведение Б. ухудшилось: отказывался от лечения, не соглашался ходить в школу и был переведен на индивидуальный график обучения. Через некоторое время был повторно направлен на лечение в психиатрическую больницу.

После выписки приступил к занятиям в школе, но относился к ним равнодушно. Стал встречаться с подростками, ведущими асоциальный образ жизни, с одним из них в ноябре 1989 г. пытался угнать автомашину, но был задержан. Через год был привлечен к уголовной ответ-

ственности за совершение нескольких краж. Находясь под подпиской о невыезде, в апреле 1990 г., примерно в 18 ч, Б., с целью изнасилования малолетней С., 9 лет, зашел с ней в кабину лифта дома, остановил лифт на 14 этаже, после чего достал отвертку, направил ее острие на девочку и, не выпуская потерпевшую из лифта, стал требовать совершения с ним полового акта. Испугавшись угроз, С. сняла брюки и нижнее белье. После этого Б. присел на корточки и стал разглядывать половые органы потерпевшей. Возбуждвшись, совершил с ней два половых акта (в заднепроходное отверстие), после чего пытался скрыться. Потерпевшая сообщила о случившемся отцу, который, догнав Б., передал его сотрудникам милиции.

При проведении амбулаторного судебно-психиатрического освидетельствования на вопросы отвечал неохотно. Когда беседа касалась неприятных для него тем, ссылаясь на плохую память. Говорил, что правонарушение совершил «под влиянием внутреннего голоса», тяготился пребыванием в изоляторе. Говорил, что по вечерам испытывает тоску, не переносит замкнутого пространства. При переводе на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу держался несколько манерно, на лице постоянно блуждала улыбка, на вопросы отвечал подчеркнуто лаконично. За время пребывания в стационаре настроение было приподнятое, в палате активно общался с подростками, ходом обследования не интересовался.

На вопрос о состоянии здоровья отвечает пространно: «Может, у меня есть шизофрения, потому что много мыслей и все об этом говорят, но в глубине души я считаю себя здоровым, потому что мои мысли меня устраивают». После этого начинает рассуждать о том, что иногда в нем «просыпается другой человек», который говорит противоположные его мыслям слова, «вызывает жалость к людям». Это воспринимается как неприятное, тягостное состояние. С улыбкой рассказывает, что у него с 14 лет начались длительные периоды плохого настроения, связанные с «разочарованием к людям». Об отношении к дру-

гим говорит с оттенком враждебности, считает, что окружающие его часто подводили и к нему всегда было «особое отношение». При свободной беседе легко отвлекается от конкретно поставленных вопросов на отвлеченные паралогические рассуждения. С увлечением начинает рассказывать о своем намерении овладеть методами «черной магии» и «гипнотически заставить всех людей на Земле перебить друг друга», «освободить Землю для животных и растений», а последний «гениальный шаг – убить себя». Верит в загробное существование души, считает, что «когда человек умирает, он сам выбирает дорогу своей душе в свет или тьму». Себя он причисляет к «силам зла», называет себя «сатанистом, наместником дьявола», хотя с трудом поясняет, что это такое. В категоричной форме утверждает, что «продал душу дьяволу», несколько раз встречался с ним и мысленно слышал его голос. В разговоре на эти темы обычно заметно активизировался, говорил с удовольствием, и напротив, в беседе о другом был вял, пассивен, формален, часто ссылаясь на плохую память. Утверждает, что он «необычный» человек, но чем конкретно отличается от других людей, объяснить не может. Считает себя неординарным человеком с необычайными способностями. Утверждает, что «сила его биополя возрастает с каждым днем, может проводить эксперименты на людях и влиять на их поведение». Оживляется при разговоре о противоположном поле. Считает себя человеком с «тонким вкусом», но добавляет, что у него «ненормальный интерес» к маленьким девочкам.

Судебно-психиатрическая комиссия пришла к заключению, что Б. страдает хроническим душевным заболеванием в форме шизофрении и нуждается в принудительном лечении в психиатрической больнице, со строгим наблюдением.

Летом 1995 г. Б. был выписан из больницы на попечение матери и под динамическое наблюдение в ПНД. Работал рекламным агентом, по работе характеризовался как ответственный работник, взысканий не имел.

В июле 1996 г. был арестован по ст.117 ч. 4 УК РСФСР за то, что в течение полугода совершил одну попытку и пять оконченных изнасилований девочек, в возрасте 10-11 лет. По показаниям потерпевших, насильник действовал однотипно: заходил следом за девочками в лифт, останавливал его между этажами, вступал в примитивный диалог – как зовут, сколько лет и т.д. Обещал, что если будут его слушаться, то через пять минут отпустит. Потом раздевал девочек, стелил на пол газету, просил сесть и раздвинуть ноги, трогал и целовал половые органы. Затем ставил потерпевшую на колени и вводил половой член в задний проход. Все длилось около 10 мин. Потом разрешал девочке одеться, предупреждал, чтобы никому об этом не рассказывала.

Из материалов уголовного дела, личного дела и медицинской документации, со слов испытуемого известно следующее: сведений о психических заболеваниях среди родственников Б. нет; родители развелись, когда ему было 7 лет. Отец по характеру «трудный» человек, ревнивый, раздражительный, злоупотреблял алкоголем, предпринимал суицидальные попытки. Мать испытуемого имеет высшее образование, по характеру спокойная, уравновешенная. Известно, что беременность и роды протекали без патологии; рос единственным ребенком в семье. Психофизическое развитие несколько ослабленное. До 1,5 лет трижды перенес пневмонию и сепсис. Рос спокойным, тихим, впечатлительным и ранимым. В детском саду старался быть в одиночестве, играл в солдатики, машинки. В школе, особенно в начальных классах, учился хорошо, но при постоянном контроле со стороны матери. Увлекался «электричеством, электросхемами». Любил читать фантастику и особенно фантазировать, преобладали фантазии с космической тематикой. Своими фантазиями делился со сверстниками, но поддержки и одобрения не встречал, друзей не было, знакомства носили поверхностный характер. Теплых, основанных на взаимной привязанности отношений ни с кем не было. Всегда ощущал

собственное одиночество. Начиная с 12–13 лет, успеваемость заметно снизилась, пропал интерес к учебе, резко ухудшилась память, не понимал прочитанного материала. Стал раздражительным, конфликтовал с матерью, в отношениях с ней стал замкнут. Стал прогуливать занятия в школе, замечался в повышенном внимании к девочкам. Появились частые колебания настроения, обычно в сторону пониженного, появилась злоба, агрессия, подавленность. Драться не любил, но мог за себя постоять. Полюбил прогулки по Москве. В старших классах увлекся музыкой Моцарта, говорил, что она его успокаивает, мог слушать ее часами.

В беседе с психологом пояснил, что с родственниками отношения хорошие, но «теплого, эмоционального контакта» не было, а скорее присутствовало «непонимание, отчуждение и чувство благодарности с его стороны». Мысль о близости с женщиной вызывает у него страх и отвращение. Формально признает, что семья нужна, однако себя в роли мужа и отца не представляет. С горечью говорит о своем влечении к маленьким девочкам, очень надеется на помощь врачей. Пытаясь анализировать причины содеянного, вспоминает, что первый эпизод был сопряжен с «очень приятным, новым ощущением». Уверяет, что около полугода получал удовольствие, вспоминая «картинку», но захотелось «новых, более острых впечатлений». В какой-то момент осознал, что «картинки» появляются помимо его воли, избавиться от них становилось все труднее.

При расспросе о правонарушениях делал слабые попытки защищаться, не пытаясь аргументировать свои высказывания. Акцентирует внимание на том, что стоило ему случайно оказаться в районе новостроек и увидеть там малолетнюю девочку, как сразу же «возникало желание преследовать ее». После совершенных правонарушений чувствовал сильное сожаление, даже отвращение к себе. Подчеркивает, что главным условием возникновения возбуждения являлась обстановка новостроек. Пояс-

няет, что при других обстоятельствах, даже оставшись с девочкой наедине, подобных желаний не испытывает.

В ходе бесед с сексопатологом Б. сообщил, что мастурбацией начал заниматься с 11 лет, примерно раз в две недели, испытывая «психическое удовольствие». Примерно с 12 лет появились фантазии, а затем и сновидения, со сценами обнаженных 12-летних девочек. С этого же возраста стало возникать желание потрогать половые органы девочек руками, языком. Объясняя случаи правонарушений, когда он расстегивал потерпевшим верхнюю одежду, говорит, что хотел только посмотреть половые органы. Насилие, которое ему инкриминируется, также началось с того, что он хотел посмотреть половые органы девочки, но потом решил совершить половой акт, «было зверское состояние». Реализовывал свои желания примерно раз в полгода. После реализации чувствовал облегчение, разрядку. Во время посягательств первоочередное значение имел возраст девочек, а не ее внешность и формальное согласие. Понимает, что пострадавшие соглашались от страха, но если девочка начинала плакать или сопротивляться, то принуждение прекращал и отпускал ее. Пытался бороться со своими фантазиями, старался не думать о них, но через определенное время желание возникало с новой силой. Со слов Б. нормативных половых актов он никогда не проводил – женщины с сексуальной точки зрения его никогда не интересовали, однако мог легко установить с ними контакт. По словам бабушки, у него никогда не было девушки, он никогда не высказывал мысли завести подругу.

У испытуемого основным сексуальным расстройством выявлена дисгармония пубертата. Об этом свидетельствует сочетание признаков опережения психосексуального развития в виде ранней допубертатной мастурбации с психическим оргазмом, ранней сексуализации поведения с признаками задержки соматосексуального развития. Повторность, стереотипность девиантных действий с выбором ненормативного объекта (девочки 11–12 лет) и спо-

соба реализации (ощупывание, разглядывание, куннилингус, анальные половые акты), повторяющийся выбор места реализации (лифт), фантазии и сны девиантного содержания свидетельствуют о наличии у испытуемого аномалии сексуального влечения в виде педофилии.

По заключению СПЭ, страдает хроническим психическим заболеванием в форме шизофрении, поэтому его, как душевнобольного, в отношении инкриминируемых ему деяний, совершенных в болезненном состоянии, лишавших его способности отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими, следует считать невменяемым; нуждается в принудительном лечении в психиатрической больнице, с обычным наблюдением.

Необходимо учитывать, что потерпевшая может знать нападавшего, но в силу различных причин сознательно скрывать его. Очевидно, что выяснение необходимой информации должно происходить не с помощью «выбивания» сведений у потерпевшей, хотя иногда и следует очень спешить. В других случаях ненужная поспешность может иметь место из-за стремления получить сиюминутный результат. Часто требуются сведения о потерпевшей, круге ее знакомств и т.д. Важно сделать пострадавшую заинтересованным помощником следователю, не побуждать ее забрать свое заявление и обеспечить необходимые гарантии при доведении дела до судебного разбирательства.

Анализ практики расследования половых преступлений свидетельствует о том, что основная часть нарушений прав обратившихся с заявлением происходит на этапе его подачи, рассмотрения и оценки содержания на предмет возбуждения уголовного дела. Именно в этот момент сотрудник правоохранительных органов (ОВД или прокуратуры) оценивает возможность нападения, главным критерием которого, как правило, выступает наличие телесных повреждений у пострадавшей, а остальные ее доводы часто подвергаются сомнению (например, повреждения на одежде и т.д.). С этой позиции оценивается судебная перспектива дела. Лишь при наличии весомых доказательств вины насильни-

ка дело возбуждается. Довести его до суда и получить обвинительный приговор в данном случае несложно. В остальных случаях потерпевших всеми правдами и неправдами убеждают забрать заявления, либо по ним выносятся постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, либо дело прекращается на стадии расследования. Поэтому в нашей стране высокий процент раскрываемости изнасилований, который в некоторых регионах достигает 100%. Очевидно, что такой подход подрывает основу правоохранительной деятельности – защиту граждан от преступных посягательств. Одним из негативных результатов сложившейся практики является неверие населения в возможности органов внутренних дел и прокуратуры и нежелание туда обращаться.

Например, в г. Санкт-Петербурге в 2000 г., по официальным данным, было совершено 125 изнасилований, из которых раскрыто 83%. Сведения, полученные в Кризисном центре города, свидетельствуют о том, что из 60 обратившихся к ним за помощью в том же году изнасилованных женщин только десять побывали в правоохранительных органах. Четырем из этих десяти удалось добиться возбуждения уголовного дела. Приговор вынесен лишь в одном случае. Остальные дела прекращены на стадии расследования¹.

Разрушение сложившейся негативной практики будет во многом зависеть от того, насколько быстро и успешно правоохранительная система сможет переориентировать свою деятельность и направить ее не на вседозволенное улучшение своих показателей, а на защиту каждого гражданина от преступного посягательства. Давно назрела необходимость разработки и принятия правового документа, который содержал бы положения, направленные на обеспечение необходимой защиты лиц, оказывающих содействие при расследовании преступлений. Трижды: в декабре 1994 г., в июле 1995 г. и, наконец, в мае 1997 г. Государственная Дума рассматривала, а затем принимала проект федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и дру-

¹ См.: Санкт-Петербургские ведомости. 2001. 13 апр. С. 3.

гих лиц, содействующих уголовному судопроизводству». Но трижды он отклонялся Президентом Российской Федерации и возвращался в Государственную Думу для повторного рассмотрения.

Несомненно, должны качественно измениться и подходы к оценке работы сотрудников правоохранительных органов, и в первую очередь органов внутренних дел. Необходимость данной переоценки обуславливается ходом развития правовых реформ в России, в силу которых права подозреваемых и обвиняемых получают все большую поддержку со стороны набирающей силу профессиональной независимой системы адвокатской помощи, препятствующей бездоказательному привлечению к уголовной ответственности и осуждению тех или иных категорий преступников. В то же время адвокаты практически не помогают потерпевшим на стадии решения вопроса о возбуждении уголовного дела и в ходе дальнейшего расследования. Очевидно, что при движении реформ в данном направлении государство в лице правоохранительных структур для ведения успешной борьбы с преступностью должно будет уделять потерпевшим от преступных посягательств несоизмеримо большее внимание, что «означает необходимость поставить жертву с ее законными интересами и социально-правовым статусом в центр процесса отправления правосудия, сбалансировать ее права с правами обвиняемого, всемерно способствовать возмещению ущерба и снижению тяжести последствий преступления»¹.

Лишь такое решение создавшейся проблемы сможет обеспечить обязательную регистрацию всех заявлений о половых посягательствах, в том числе и серийных изнасилованиях, с последующим непредвзятым и профессиональным принятием решения и безусловным занесением подобной информации в банк данных. Очевидно, что наряду со сведениями о фактах преступных нападений и лицах, их совершивших, необходимо параллельно вести максималь-

¹ *Квашиш В.Е.* Основы виктимологии. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений. С. 15.

но полный учет жертв данных посягательств, который в настоящее время в нашей стране полностью отсутствует.

Создание системы виктимологического учета пострадавших от сексуальных посягательств позволит прежде всего достовернее оценить фактическое состояние половой преступности в российском обществе, реальное состояние ее латентности, качество и размер причиненного ущерба пострадавшим. Такой учет поможет обратить более пристальное внимание на проблемы потерпевших, разработать систему профилактических мер, снижающих виктимизацию, что, в конечном счете, будет способствовать сокращению преступности.

Учет виктимологических характеристик сексуальных посягательств помимо общих задач позволит решать и оперативные, помогая выявлять, например, недобросовестных женщин, якобы пострадавших от преступного насилия и стремящихся получить от этого материальную выгоду.

Информация о пострадавших, поступающая в банк, должна содержать не только фактическую сторону (место, время и другие параметры возникновения и развития виктимогенной ситуации) и социально-демографические сведения о жертвах, но и их психологические особенности. Именно последний аспект сможет помочь разобраться в причинах виктимности конкретного человека, а в своей совокупности представить реальную картину виктимизации.

Без сомнения, подобные меры помогут с большой вероятностью вывести из латентной зоны значительное количество сексуальных преступлений, позволят активнее решать проблемы их дальнейшей виктимологической профилактики. Объективные показатели виктимизации такие, как общее число жертв и наиболее очевидные последствия преступности — физические и материальные потери «должны быть, с одной стороны, важными критериями оценки общественной опасности преступности, а с другой стороны — критериями оценки эффективности деятельности правоохранительных органов (чтобы оценивать не процесс борьбы с преступностью, а его результаты — состояние безопаснос-

ти и защищенности граждан в определенном регионе за определенный отрезок времени)»¹.

Очевидно, что без соответствующей подготовки сотрудников правоохранительных структур уровень работы с пострадавшими от сексуальных посягательств поднять невозможно. Более того, деятельность ОВД должна быть максимально сориентирована на выявление и фиксацию сексуальных посягательств, сотрудники должны быть заинтересованы в регистрации таких заявлений. При этом обращение с жертвами, как и уровень оказанной им правовой, информационной, психологической и иной помощи, должно являться показателем качества работы ОВД.

Большую пользу в борьбе с правовой неграмотностью, незаконным и нерадивым подходом к работе со стороны сотрудников ОВД могут принести памятки о правах пострадавших в случае их обращения и обязанностях сотрудников государственных учреждений при принятии по обращениям граждан решения. Памятки должны быть написаны доходчивым, понятным разным категориям населения языком, при этом обязанностью сотрудников должно являться не только своевременное предоставление этой информации обратившемуся с заявлением, но и разъяснение непонятных для последнего положений. Целесообразно такие памятки подготовить для каждой стадии расследования дела.

Ведущие отечественные специалисты в области исследования половых преступлений неоднократно высказывали мысль о необходимости законодательного закрепления обязательного применения судебной сексологической (сексолого-психиатрической) экспертизы по делам о преступлениях в сфере половых отношений².

¹ *Квашис В.Е.* Основы виктимологии. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений. С. 29.

² См.: *Дьяченко А.П.* Уголовно-правовая охрана граждан от преступлений в сфере сексуальных отношений. С. 17; *Антонян Ю.М., Ткаченко А.А., Шостакович Б.В.* Криминальная сексология. С. 391.

Отмечая целесообразность использования медицинских познаний в расследовании половых преступлений, Р. Крафт-Эбинг писал, что «нет другой области уголовного права, где совместная работа судьи и врачебного эксперта была бы так необходима, как область сексуальных преступлений»¹.

Автор полностью разделяет и поддерживает данную точку зрения, в том числе применительно и к серийным изнасилованиям. Прежде всего, действующее законодательство, основываясь на дифференцированном и индивидуализированном подходе к применению уголовно-правового воздействия, обязывает органы расследования доказывать мотивы и обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности (ч. 2, 3 ст. 68 УПК РФСР), требует сбалансированного соответствия между наказанием, характером и степенью общественной опасности преступления и личности виновного (ст. 6 УК РФ), что может регулироваться в том числе и с помощью применения отягчающих и смягчающих обстоятельств (ч. 3 ст. 60 УК РФ).

Введение в законодательство ст. 22 УК РФ, предусматривающей для суда возможность смягчения ответственности для лиц с психическими расстройствами в рамках вменяемости, фактически обязывает органы предварительного расследования заниматься поиском оснований для принятия подобного решения, что связано со значительными трудностями. Не менее важное значение имеет возможность и необходимость применения к данной категории преступников мер медицинского характера, связанного не только с социальной опасностью психических расстройств (ч. 2 ст. 97 УК РФ), но и с конечной ее целью — предупреждением совершения новых уголовно наказуемых деяний (ст. 98 УК РФ).

Необходимость и обязательность назначения и проведения комплексной судебной сексолого-психолого-психиатрической экспертизы (КССППЭ) в случае совершения серийных изнасилований обусловлены следующими признаками: сексуальным характером правонарушения, пове-

¹ Крафт-Эбинг Р. Половая психопатия. С. 481.

дением в криминальной ситуации, стереотипностью и повторностью действий, в некоторых случаях даже не имеющих явно сексуальной подоплеки, предположением связи противоправного поведения с сексуальными расстройствами и нарушениями сексуального влечения в анамнезе, данными о необычности личности обвиняемого, его образе жизни, пристрастиях и привычках.

Полученные результаты исследования серийных насильников свидетельствуют о наличии у них крайне высокого процента психических аномалий, психических хронических заболеваний и сексуальных расстройств. Данное положение представляет собой несомненно веский аргумент в пользу обязательного привлечения психиатров, психологов и сексологов в процесс расследования уголовных дел в отношении данной категории преступников. Основным инструментом изучения особенностей серийных насильников является КССППЭ, которая, по нашему мнению, должна назначаться всем без исключения сексуальным преступникам, совершившим серийные преступления, а также и в ряде случаев совершения одноэпизодных, особенно при наличии сексуальной агрессии в отношении незнакомых женщин или при внешне беспричинном причинении им вреда здоровью. Цель данной экспертизы – это не только вопрос о вменяемости – невменяемости, но и выявление степени влияния психических и сексуальных особенностей обвиняемых на их поведение и разработка рекомендаций для ее коррекции.

Изучение особенностей серийных изнасилований лежит на пересечении интересов криминологии, уголовного права и уголовного процесса, судебной психологии и судебной психиатрии. Поэтому наиболее эффективным, особенно в условиях ограниченных временных рамок расследования уголовных дел, является комплексный подход, заключающийся в совместной оценке результатов проведенных психиатрами, психологами и сексопатологами исследований с целью получения ответов на вопросы, интересующие органы расследования.

Представляется, что только в рамках совместного исследования возможна оценка взаимодействия психопатологического и патосексологического факторов, влияние которых на поведение изучаемых, в том числе и в ходе совершения противоправных деяний, является определяющим.

Объединение усилий сексолога и психиатра обусловливается преобладанием в любом сексуальном нарушении поведенческих и личностных факторов, а также взаимовлиянием двух патологий – сексуальная практически всегда влечет за собой изменение психического функционирования или сама является его следствием.

Совместное экспертное изучение индивидуальных особенностей направленности сексуального влечения, способов его реализации или иных отличительных черт сексуальности, диагностирование у серийных насильников парафилий, степени их влияния на общее поведение подэкспертного и на совершение конкретного преступления позволяют сексологу объективно определить степень опасности личности и выбрать адекватные меры медицинского характера.

Изучение половой сферы в целом позволяет решать вопросы, в настоящее время относимые практическими органами к компетенции судебно-медицинской экспертизы, например установление способности мужчин к половой жизни. Целый ряд отклонений в половой сфере, препятствующих данной способности, связан с психогенными нарушениями, расстройствами вследствие психических заболеваний, что нельзя учесть при судебно-медицинском освидетельствовании.

Участие в рамках КССППЭ психолога позволяет определить степень выраженности психических отклонений, выявить совокупность психологических и психопатологических факторов, определить их взаимозависимость и взаимообусловленность.

Объясняя преимущества совместного психолого-психиатрического исследования, И. Кудрявцев главным ее достоинством считает «принципиальную возможность решения таких междисциплинарных вопросов, на которые нельзя до-

статочно полно и определенно ответить в строгих рамках изолированного судебно-психиатрического или судебно-психологического рассмотрения. Эти вопросы, как правило, лежат в научно менее разработанной области так называемых пограничных психопатологических состояний, не исключающих вменяемости, дееспособности, но существенно влияющих на поведение, волеизъявление, регуляцию деятельности и отражательные способности обвиняемых...»¹.

Привлечение психолога для экспертного изучения серийных насильников обеспечивает ст. 22 УК РФ, обязывающая устанавливать индивидуально-психологические особенности личности подэкспертных, имеющих признаки пограничной психической патологии. Результаты нашего исследования свидетельствуют о значительном удельном весе данной категории среди изучаемых. В результате 10 проведенных в течение 1997–1998 гг. судебно-психиатрических экспертиз, т.е. после юридического закрепления возможности экспертного диагноза ограниченной вменяемости, у двоих обвиняемых выявлено пограничное расстройство, шестеро признаны вменяемыми (у всех имеются психические аномалии), двое – невменяемыми.

Наличие у подэкспертного психических аномалий, особенно пограничного характера, дают возможность в полном объеме эксперту-психологу исследовать совокупность действий психологических и патологических факторов при ведущей роли первых, так как речь идет о вменяемых субъектах. Как справедливо отмечали Ю. Антонян и В. Гульдман, в данном случае именно психологические аспекты «должны быть основными, поскольку никакие внешние и внутренние (в том числе патологические) факторы не могут порождать никакого поведения, в том числе преступного, не преломляясь через психику человека»².

Именно психолог способен решать «задачу более углубленного изучения субъективной стороны агрессивно-насиловательного деяния для дифференциации ответственно-

¹ Кудрявцев И.А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. С. 8.

² Антонян Ю.М., Гульдман В.В. Криминальная патопсихология. С. 220.

сти за него, учета личности и состояния преступника, особенностей криминальной мотивации и других существенных для дела обстоятельств, оценка которых находится в компетенции психологов»¹.

Кроме этого, одним из результатов совместного экспертного исследования является рекомендация применения принудительных мер медицинского характера как в отношении невменяемых лиц (ч. 2 ст. 21 УК РФ), так и при наличии психических расстройств, не исключающих вменяемости (ч. 2 ст. 22 УК РФ). Критерий их назначения в соответствии с ч. 2 ст. 97 УК РФ – повышенная общественная опасность этих лиц, т.е. «когда психические расстройства связаны с возможностью причинения этими лицами иного существенного вреда либо опасностью для себя или других лиц».

Таким образом, определение степени общественной опасности вменяемых лиц с психическими расстройствами также является компетенцией и экспертов. Один из факторов, влияющих на повышение социальной опасности изучаемых, связан с наличием хронического и стойкого характера психических расстройств, приводящего к повторяемости противоправного проявления.

Привлечение психолога в совместное экспертное исследование в рамках КССППЭ позволит выделить и проанализировать психологические факторы, имеющие отношение к психосексуальной сфере, препятствующие нормативному удовлетворению сексуального влечения, а также обозначить особенности полового самосознания и восприятия, сопутствующие различным нормам девиантного сексуального поведения. В первую очередь речь идет о наличии у лиц, склонных к совершению серийных насильственных посягательств, парафилий, обуславливающих стойкую психосексуальную зависимость и стремление к криминальным рецидивам. Заслуживает внимания тот факт, что наличие парафилий среди изучаемой нами категории насильников в подавляющем

¹ Кудрявцев И.А., Ратинова Н.А. Криминальная агрессия. С. 83.

большинстве случаев было выявлено только в ходе экспертного освидетельствования.

Для решения задач, поставленных перед органами расследования, необходимо сформулировать вопросы, которые можно представить в следующем виде.

- Страдает ли обвиняемый каким-либо психическим заболеванием, и если страдает, то мог ли отдавать отчет в своих действиях и руководить ими при совершении инкриминируемых ему деяний?

- Имеются ли у обвиняемого признаки каких-либо психических и/или сексуальных аномалий, которые оказали влияние на его поведение в рассматриваемой ситуации, и если имеются, то в какой степени их влияние на поведение было выражено, носят ли они болезненный, патологический характер и лишали ли они подэкспертного возможности осознавать фактический характер и значение своих действий либо руководить ими в период совершения инкриминируемого ему деяния?

- Нуждается ли подэкспертный в применении к нему принудительных мер медицинского характера с учетом возможной патологии и связанной с данными расстройствами его общественной опасностью?

Таким образом, КССПЭ, изучая в комплексе причины формирования и степень влияния психических и сексуальных особенностей обвиняемого на совершение им серийных изнасилований, при затрате минимального времени позволит решать задачи, не только связанные с исполнением уголовного судопроизводства, но и наметить основные направления проведения совокупных медицинских и правовых профилактических мероприятий.

Нормативное закрепление положения об обязательном направлении на КССПЭ изучаемой категории насильников позволит уже на стадии первоначального выявления вовлекать их в круг лиц, к которым на основе изучения индивидуальных особенностей принимаются адекватные меры правового и медицинского воздействия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование собранной информации об обстоятельствах совершения серийных изнасилований, сведений, содержащих социально-демографические, психологические, психиатрические, сексопатологические и иные характеристики лиц, совершивших данные преступления, а также особенностей виктимологического фактора показало, что лица, совершающие серийные изнасилования, представляют собой самостоятельную категорию преступников, имеющую свои криминологические особенности.

На индивидуально-бытовом уровне серийные насильники характеризовались не только как личности агрессивные, часто конфликтующие с окружающими, но и как люди замкнутые, даже нелюдимые. Это приводит к формированию и развитию личностных особенностей, связанных со склонностью к накоплению внутренних переживаний и напряжения, доминированием своих интересов и суждений, игнорированием интересов окружающих, сужению социальных связей и препятствует нормальному проявлению сексуальности.

Проблема предотвращения серийных изнасилований представляет собой сложную комплексную задачу, центральное место в которой занимают криминологическая и медицинская составляющие, поэтому эффективность профилактических мероприятий невозможна без принудительно-воспитательного воздействия, с одной стороны, и оказания своевременной лечебной помощи – с другой.

Предупреждение серийных изнасилований должно осуществляться в условиях четко разработанной системы выявления лиц, склонных к их совершению, строгого учета и обеспечения необходимого динамичного контроля за их поведением. Мы вынуждены вновь говорить о необходимости

сти создания централизованного информационного банка данных, содержащего сведения о серийных сексуальных преступниках, обстоятельствах совершенных ими деяний и жертвах, пострадавших от их противоправных действий, а также данных о лицах, склонных к совершению повторных сексуальных нападений. Банк данных должен быть предназначен для сбора, оперативной обработки и предоставления имеющейся информации, в том числе для ее незамедлительной проверки и применения. Именно полноценное функционирование такого банка предельно сократило бы сроки поисковых мероприятий, оказало помощь в доказательстве виновности. Необходимо учитывать, что первый эпизод криминальной «карьеры» преступника по сравнению с последующими нападениями, как правило, происходит в непосредственной близости от дома. Именно первый эпизод совершается при отсутствии какого-то бы ни было криминального опыта, что вынуждает преступника максимально ошибаться и оставлять максимально возможное для конкретного лица количество следов.

Выявленные в ходе исследования особенности лиц, совершивших серийные изнасилования, связанные с преобладанием личностных детерминант совершения данных преступлений, с повышенной вероятностью специального рецидива в силу патологических психических и сексуальных особенностей, высокий процент среди них ранее привлекавшихся к уголовной ответственности, стремление значительной части этой категории преступников действовать с нарастающей агрессивностью, приводящей порой к смертельным последствиям, позволяют нам говорить о приоритетной роли индивидуальной профилактики в борьбе с данной категорией преступников и целесообразности применения ее рекомендаций в практической деятельности органов внутренних дел.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

КНИГИ

- Аедеев М.И. Судебно-медицинская экспертиза живых лиц. М., 1968.
- Антонян Ю.М. Жестокость в нашей жизни. М., 1995.
- Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступное поведение и психические аномалии. М., 1998.
- Антонян Ю.М., Верещагин В.А., Потапов С.А., Шостакович Б.В. Серийные сексуальные убийства. М., 1997.
- Антонян Ю.М., Голубев В.П., Кудряков Ю.Н. Изнасилования: причины и предупреждение. М., 1990.
- Антонян Ю.М., Гульдан В.В. Криминальная патопсихология. М., 1991.
- Антонян Ю.М., Ткаченко А.А., Шостакович Б.В. Криминальная сексопатология. М., 1999.
- Блейхер В.М., Крук И.В. Толковый словарь психиатрических терминов. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1996.
- Варданян А.В., Сафиуллин Н.Х. Преступное насилие над личностью и виктимное поведение лиц, потерпевших от изнасилования. М., 1996.
- Васильченко Г.С. Частная сексопатология. Т. 2. М., 1983.
- Еникеева Д.Д. Популярные основы психиатрии. Донецк, 1997.
- Имелинский К.И. Сексология и сексопатология: Пер. с польск. М., 1986.
- Каприо Ф. Многообразие сексуального поведения. М., 1995.
- Кеашиш В.Е. Основы виктимологии. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений. М., 1999.
- Крафт-Эбинг Р. Половая психопатия, с обращением особого внимания на извращение полового чувства: Пер. с нем. М., 1996.
- Криминология: Учебник / Под ред. А.И. Долговой. М., 1997.
- Кудряцев И.А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М., 1988.
- Кудряцев И.А., Ратинова Н.А. Криминальная агрессия. М., 2000.
- Малая медицинская энциклопедия/Под ред. В.И. Покровского. Т. 6. М., 1996.
- Нохуров А. Нарушения сексуального поведения. Судебно-психиатрический аспект. М., 1988.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1989.
- Полубинский В.И. Криминальная виктимология. М., 1999.
- Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. СПб., 2000.
- Серийные сексуальные преступления: Учеб. пособие / Под ред. Ю.М. Антоняна. М., 2001.
- Словарь по сексологии и сексопатологии / Под ред. А. Бова. Ростов-на-Дону, 1996.

- Справочник по сексопатологии.* М., 1990.
- Старович З.* Судебная сексология: Пер. с польск. М., 1991.
- Ткаченко А.А.* Сексуальные извращения – парафилии. М., 1999.
- Тэннэхилл Р.* Секс в истории: Пер. с англ. М., 1995.
- Хохряков Г.Ф., Саркисов Г.С.* Преступления осужденных: причины и предупреждение. Ереван, 1988.
- Хэзлем М.Т.* Психиатрия: Пер. с англ. М., 1998.
- Франк Л.В.* Виктимология и виктимность. Душанбе, 1972.
- Фрейд З.* Об унижении любовной жизни. Философия любви. Ч. 2. М., 1990.
- Фрейд З.* Очерки по психологии сексуальности. М., 1989.

СТАТЬИ

Агазаде Н.В. Сексуальные отклонения при аффективных расстройствах // Сексуальные преступники. М., 1992.

Аргунова Ю.Н. Изменения показателей преступности против личности // Преступность, статистика, закон. 1997.

Баранов П.П. Серийные убийства и социальная агрессия: теоретические и криминологические аспекты // Материалы 2-й Междунар. науч. конф. «Серийные убийства и социальная агрессия» 15-17.09.1998 г. Ростов-на-Дону, 1998.

Бураков В.В., Бухановский А.О. Серийные преступления: подходы к дефиниции // Материалы 2-й Междунар. науч. конф. «Серийные убийства и социальная агрессия» 15-17.09.1998 г. Ростов-на-Дону, 1998.

Вандыш В.В., Андреева Е.С. Некоторые клинические и организационные аспекты применения нормы «ограниченной вменяемости» в отношении лиц с органическим психическим расстройством // Российский психиатрический журнал. 1999. №2.

Горяинов К.К. Латентная преступность в России: результаты исследования и меры борьбы // Сб. «Латентная преступность: познание, политика, стратегия». М., 1993.

Горяинов К.К., Овчинский В.С., Кондратьев Л.В. Улучшение взаимоотношений граждан и милиции: доступ к правосудию и система выявления, регистрации и учета преступлений. Науч. доклад. 2001.

Дмитриева Т.Б., Шостакович Б.В. Психопатологические аспекты агрессивного поведения // Материалы 2-й Междунар. науч. конф. «Серийные убийства и социальная агрессия». 15-17.09.1998 г. Ростов-на-Дону, 1998.

Дьяченко А.П. Правовое положение сексуальных меньшинств // Проблемы обеспечения прав человека в деятельности органов внутренних дел. М., 1994.

Зулкарнеева З.Р., Криницкий С.М. Сексуальное насилие: модели суицидального реагирования // Сб. материалов науч.-практ. конф. сексопатологов. М., 1996.

Игнатов А.Н. Некоторые вопросы квалификации половых преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. 1972. № 17.

Игнатов А.Н. Ответственность за насильственное совершение действий сексуального характера // Советская юстиция. 1991. № 12.

Ионин Л.Г. Укрощенная эротика. Психосексология: Хрестоматия. Мн., 1998.

Кибрик Н.Д., Панюкова И.А. Агрессивность в структуре психосексуального развития // Материалы 2-й Междунар. науч. конф. «Серийные убийства и социальная агрессия». 15–17.09.1998 г. Ростов-на-Дону, 1998.

Кудрявцев И.А. Психопатология и психология сексуальных агрессоров // Материалы 2-й Междунар. науч. конф. «Серийные убийства и социальная агрессия». 15–17.09.1998 г. Ростов-на-Дону, 1998.

Кудрявцев И.А., Дозорцева Е.Г., Симоненкова М.В. Применение проективных методов для психологического исследования аномалий влечения // Проблема расстройств влечений в судебно-психиатрической практике. М., 1991.

Лем Ст. Эротика и секс в фантастике и футурологии. Психосексология: Хрестоматия. Мн., 1998.

Минская В.С. Опыт виктимологического изучения изнасилования // Вопросы борьбы с преступностью. 1972. Вып. 17.

Обросов И.Ф., Трегубов Л.З., Шивирев Н.А. Скрытые факторы виктимности при изнасиловании несовершеннолетних // Социальная и судебная психиатрия: история и современность. М., 1996.

Онышко Ю.В., Батулинский А.В. Особенности агрессивного поведения лиц с последствиями ОПГМ различного генеза, содержащихся в местах лишения свободы // Дифференциальная диагностика психических расстройств. М., 1991.

Побегайло Э.Ф. Тенденции криминального насилия в России. Насильственные преступления: природа, расследование, предупреждение // Сб. науч. тр. ВНИИ МВД РФ. М., 1994.

Смирнова Т.А., Морозова Н.Б., Гусинская Л.В. Психогенные расстройства у потерпевших как реакция на тяжелый стресс // Социальная и судебная психиатрия: история и современность. Киев, 1995.

Теросян С.А. Сексуальные дисфункции при органических заболеваниях нервной системы // Актуальные вопросы сексopatологии. М., 1967.

Ткаченко А.А. Социальные детерминанты аномального сексуального поведения // Очерки социальной психиатрии. М., 1988.

Ткаченко А.А., Якубова А.В. Механизмы психологической защиты и агрессивное сексуальное поведение // Пограничные расстройства в судебно-психиатрической практике. М., 1991.

Шаихова Б.З. Особенности психогенных расстройств у малолетних потерпевших // Вопросы психиатрии и наркологии. 1991.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЕРИЙНЫХ ИЗНАСИЛОВАНИЙ	9
1.1. Понятие серийных изнасилований	9
1.2. Криминологическая характеристика серийных изнасилований	14
1.3. Убийство как крайняя форма агрессивного поведения серийных насильников	49
1.4. Уголовно-правовые аспекты серийных изнасилований	87
1.5. Виктимологическая характеристика потерпевших	107
ГЛАВА 2. ДЕТЕРМИНАЦИЯ СЕРИЙНЫХ ИЗНАСИЛОВАНИЙ	127
2.1. Общий анализ причин серийных изнасилований	127
2.2. Причины серийных изнасилований в психиатрическом аспекте	154
2.3. Причины серийных изнасилований в сексопатологическом аспекте	190
ГЛАВА 3. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ СЕРИЙНЫХ ИЗНАСИЛОВАНИЙ	227
3.1. Организационные и правовые основы предупреждения серийных изнасилований	227
3.2. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с серийными изнасилованиями	249
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	283
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	285